

ОТКОЧЕВНИКИ

Летопись казахского колхоза
имени Дальневосточной Красной Армии
в Нижнетавдинском районе Тюменской области. 1938-1945 гг.
Калиль КАБДУЛВАХИТОВ

94(571.12)
K120

В деп
Северо-Кавказской
областной универсальной
научной библиотеке
им. Сабита Мухомова

Национально-культурной
кафедры Юмашевской
префектуры области

НКРКТО
Е. К. Ибраев

префектура

08.11.2018.
7 Юмашев

*Посвящается памяти солдат
аула ДзКА, павших в Великую
Отечественную войну*

Калиль Кабдулвахитов

ОТКОЧЕВНИКИ

**Летопись казахского колхоза имени
Дальневосточной Красной армии
в Нижнетавдинском районе
Тюменской области.
1938-1945 гг.**

ББК 63.3 (2Р - 4 Тю)

К 12

Откочевники. Летопись казахского колхоза имени Дальневосточной Красной армии в Нижнетавдинском районе Тюменской области. 1938-1945 гг.

Типография: ОАО «Тюменский дом печати», 2010. 144 с.

ISBN 978-5-87591-171-2

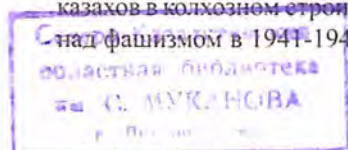
Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор А.П. Ярков,

доктор филологических наук, профессор И.С. Карабулатова

559663

В книге повествуется о судьбах казахских семей, откочевавших в Сибирь во время голодомора в Казахстане в 30-е годы XX века, об участии казахов в колхозном строительстве в Тюменской области, их вкладе в Победу над фашизмом в 1941-1945 годы.

Есимхан Искакович Жантасов
Председатель Тюменской
областной общественной
организации казахов «Достык»

Уважаемые друзья!

«Откочевники» – первая книга о тюменских казахах, наших дедах, которые, став жертвами обстоятельств в годы коллективизации и голода, были вынуждены оставить родные степи и уйти в Сибирь.

Книга выходит в канун 65-летия Великой Победы в войне, которая жестко прошла по судьбе основанного нашими предками колхоза имени ДвКА, оставив детей сиротами, а жен – вдовами.

Мне в детстве не хватало деда. Мне хотелось подобно другим мальчишкам сидеть на коленях своего дедушки на встречах за круглым коротконогим столом, на которые часто собирались наши аксакалы. Это чувство, я думаю, знакомо и другим, деды и отцы которых не вернулись с войны. По мере взросления я не раз задумывался о причинах, побудивших родных покинуть Казахстан. Спасибо отцу, который не давал забыть нам, своим детям, кто мы, откуда мы и как мы оказались на сибирской земле. Из этой книги вы узнаете, что послужило причиной откочевки, почему казахи, оставив родовые кочевья «Ата коныс», где покоятся поколения их предков, двинулись на север, бросая все нажитое имущество и забирая с собой только самое ценное – детей...

Мне приятно, что история наших предков – откочевников и основателей самого северного казахского колхоза – не останется в забвении. Пусть же вслед за «Откочевниками» появятся новые книги, новые исследования.

Бисмилла, сөз бастайын әуел бастан,
Емеспін өрен жүйрік топтан асқан.
Ерік деген үкіметтің заңыменен,
Отыз үй коныс алып, колхоз ашқан.

Даметкен Смагулова

ОТ АВТОРА

Мы ехали на место затерянного в тюменских лесах бывшего казахского колхоза через полвека, после того, как аул имени Дальневосточной Красной Армии (ДвКА) покинул последний его житель. Стояло жаркое лето 1998 года.

Возле километрового знака под номером «59» наш автокараван в пять машин свернул с Велижанского тракта налево. Пройдя еще пару километров, мы повернули направо и, сойдя с асфальта, двинулись по давно не езденой грунтовой дороге в ухабах и колдобинах в сторону лесов. Идущий во главе колонны желтый «уазик» временами притормаживал, чтобы сидящие в его чреве потомки основателей аула ДвКА могли безошибочно вывести на место бывшего казахского колхоза в Нижнетавдинском районе Тюменской области – самой северной сельхозартели, основанной откочевниками.

Так, откочевниками, спустя десятилетия после Степной трагедии (Второго великого бедствия после Актабан Шубурынды – исхода казахов при нашествии джунгар) историки и аналитики назовут казахов, покинувших земли предков в 30-х годах XX века и откочевавших в Сибирь и в другие приграничные районы, спасая свои семьи от репрессии и жуткого голода.

- Выходи, келдік, приехали! – раздались голоса, когда автокараван остановился перед небольшим оврагом, за которым была большая и чистая поляна, окруженная справа и слева березовым лесом. На этой светлой поляне между оврагом и небольшой речушкой, укрытый с двух сторон лесами, и находился казахский колхоз имени ДвКА (он же деревня Садок) в четыре улицы.

Говорят, что если захочешь заставить пожилого человека бежать как мальчишку, то приведи его на родную землю, где он не был долгие лета, и он побежит, отбросив в сторону трость, на которую опирается.

Нечто подобное наблюдали и мы. Для Аманжол ага Жантасова, Карима ага Шаукерова, Камиши апа Акишевой, Нурзили апа Жантасовой, Копжасара ага Акишева – детей аула ДвКА – здесь была иная энергетика. На их лицах читался *нур*¹.

Постаревшие дети основателей казахского колхоза ходили между бугорками, заросшими крапивой и вспоминали, припоминали и вновь вспоминали. Мне подумалось, что обильно проросшая жгучая крапива на месте домов подобна мести матери-природы человеку, оставившему уже обустроенную землю. Сколько еще лет будет из года в год восходить она на земле, где раньше кипела жизнь?!

- Вот здесь стоял дом муллы Ердена, двухэтажный, – показала Камиша апа на самые густые кусты крапивы. – Рядом наш дом, тоже в два этажа, следующий Букаевых, за ним Жантасовых...

Волнение постаревших детей аула ДвКА передалось и третьему поколению потомков откочевников.

- Ты смотри-ка, вроде бы и не жил здесь никогда, а все равно трогает за душу, – заметил Есимхан Жантасов.

Мы идем в сторону кладбища на краешке леса, переходим почти занесенный временем мелкий ров вокруг *зирата*². Кладбище за полвека заросло березой. Тут и там рядом с погостом зияют ямы, похоже оставленные кем-то недавно, два-три года назад. Как будто здесь что-то искали.

Аманжол ага садится у могильного бугорка с оградкой, которую осеняет полумесяц, единственный на всем кладбище, и читает суру «Ихлас»: «...*Аллаху ахад. Аллаху – самад*... (...Он (Бог) един, Он - вечен)...»

Подполковник Аманжол Жантасов сидит, склонив седую голову, у могилы той, кто дала ему жизнь, своей матери Масаты Акыш кызы. О чем он думал тогда? Наверняка из глубин подсознания вырывались на мгновения смутные картины прошлого, вспоминались теплые руки матери, ласкавшие его в раннем бессознательном детстве. Слишком рано он лишился матери. Всего пять лет было Аманжолу, когда ее не стало. Она долго и тяжело болела после перенесенной простуды. Осенью во время откочевки за пределы Казахстана ее мужа Жантаса Касимова задержали в городке Звериноголовское Курганской области и заключили под стражу. Некие «доброжелатели» из числа

соплеменников сообщили местным органам, что семья этого казаха бежит от раскулачивания. Согласно постановлению ЦИК и СНК КазАССР от 15 марта 1930 года "О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством и байством", состоятельных откочевников полагалось арестовывать и предавать суду. Семья Жантаса Касимова не попадала ни в категорию баев, ни кулаков, но в те годы анонимного доноса было достаточно, чтобы упрятать человека за решетку.

Холодной осенью Масаты ходила на свидание к мужу, переходя вброд лужи, преграждавшие дорогу к изолятору для задержанных. Когда она под вечер возвращалась к детям, с платья свисали ледяные сосульки. Ревматизм стал особенно прогрессировать через пять-шесть лет. Что только не делали, какими мазями не растирали ее Кален *женгей*³ и Калима апа. Ничто не помогло. Жизнь стала угасать в Масаты, когда семья уже жила в ДвКА. В 1939 году она ушла из жизни, оставив супруга с пятью детьми на руках.

И вот теперь самый младший сын ее Аманжол возносил *дуа*⁴ в честь ее и всех, кто поконится здесь. Склонив седую голову, закрыв глаза, произносил он имена дорогих сердцу людей.

В самом центре кладбища могила отца Масаты Акыша Бижанова. Внук Акыша Копжасар Акишев достает охотничий нож и вырезает на березе, растущей у могилы деда, буквы «АКШ».

– А здесь лежат Хасан и Хусаин – дети Мапаш (Сапуры), они умерли в младенческом возрасте, – показывает Камиша апа на два маленьких бугорка. – Рядом наша Кадиша.

Мы усаживаемся у рва, и Карим ага Шаукеров начинает читать суру «*Йасин*». Аксакал обладает красивым голосом, его невозможно слушать без волнения. Моя мать говорит, что когда Коран читает Карим ага, на глаза сами собой наворачиваются слезы.

На кладбище ДвКА похоронена Жаныл апа Шаукерова, приходящаяся аксакалу родной бабушкой. Она умерла в 1943-м, в самый тяжелый голодный военный год, внуку Кариму тогда было тринадцать лет...

Слова Корана, адресованные ушедшим, по традиции звучат на арабском языке, являющемся сакральным для сотен народов и племен

планеты – приверженцев ислама. Но мне известен смысловой перевод коранических аятов суры «*Йасин*», которые звучат из уст Карима ага: «Ужель не видит человек, что Мы его из капли сотворили». – сообщает текст Откровения.

И далее: «Он (человек) предлагает притчи нам, забыв про то, как сам был создан. Он говорит: кто может жизнь вернуть костям иссохшим? Скажи ему (О Мухаммад): Оживит их Тот, Кто создал их первоначально...»

Ниспославший Коран обещает людям воскресить их всех, когда наступит Час...

После чтения аятов мы все идем к реке. Легкий ветерок у воды сдувает назойливых комаров в сторону. Комаров становится меньше, когда женщины разжигают самовары. На берегу появляется *дастархан*. Мы усаживаемся вкруговую за бешбармак, для которого Есимхан выбрал самую упитанную овцу своей фермы...

В тот июньский день 1998 года, слушая за *дастарханом* рассказы аксакалов о судьбе расцветшего в одночасье аула Садов и также быстро увядшего, когда пришла война, я впервые задумался о написании книги об истории колхоза имени Дальневосточной Красной армии. Идея эта вновь и вновь напоминала о себе, когда тюменские казахи, потомки основателей аула ДвКА, собирались на *Курбан-айты*⁵, вечера разговенья в Рамадан и вспоминали минувшие дни.

Но издание книги – удовольствие дорогое. Своими мыслями я поделился с Есимханом Жантасовым, который, выслушав меня, сказал: «Приступай, всю финансовую сторону я беру на себя».

Вскоре я листал тома из фондов Госархива Тюменской области, изучал книги призывов и извещений за исследуемый период в архиве военкомата Тюменского и Нижнетавдинского районов, записывал воспоминания ныне здравствующих жителей бывшего колхоза имени ДвКА. Получилось то, что получилось. Вы держите в руках книгу о краткой истории казахского колхоза имени Дальневосточной Красной Армии, об откочевниках, потомки которых сегодня населяют Тюменскую область. Я искренне благодарю Есимхана Искаковича за помощь в реализации задуманного.

Катиль К., март 2010 г.

Глава 1. НОЧНОЙ ИСХОД

*Под кожей ребра, и торчат лопатки...
Раздутые ребячьи животы...
Нет оправдания и нет разгадки
Причины этой жуткой нищеты.
Кто приказал? Узнать, понять хочу я,
Кто смерть и нищету послал сюда,
Где спокон веку жил народ, кочуя.
Какой же деспот создал эту пытку?*

*Татьяна Невадовская
"Казахстанская трагедия"*

В предчувствии катастрофы

От жуткого голода в Казахстане в начале 30-х годов XX века погибло и откочевало в соседние регионы более двух миллионов человек. Великий джуг нарастал постепенно, как снежный ком. Сначала люди засыпали с мыслями о еде и просыпались с ними же. На второй год они ели свои кожаные сапоги и собирали в степях кости давно умерших животных – на сурт⁶.

«У коров рождаются мёртвые телята, у овец - мёртвые ягнята. Их тела, как и павший скот, вытаскивают за ворота. И люди накидываются на это. Тут же поедают. Разрывают руками и едят. Выбежал я однажды погулять, и меня схватили чьи-то руки. Слабые руки, но держат как-то цепко. Я – вырваться. А сколько мне было... ну, года четыре. Хорошо, бабушка на помощь подоспела, крик подняла. Потому-то и наказывала несколько раз за день: не ходи за ворота – съедят...»⁷, - вспоминал о степной трагедии ее очевидец.

По расчетам демографа М.Б.Татимова, из 4 млн. 120 тысяч казахов «Малый Октябрьский ураган» Шаи Голошекина унес жизни 2 миллиона 20 тысяч⁸ – скосил половину этноса.

Более 600 тысяч человек откочевали за пределы Казахстана. Беженцы из западных областей уходили в Иран, Афганистан, Туркмению. С юга и востока степи – в Монголию, Узбекистан,

Киргизию, Китай. Казахи Среднего жуза, севера Великой степи, преимущественно аргыны, керей и кипчаки, уходили в Россию.

Первые казахские семьи бежали в Сибирь, словно предчувствуя надвигающуюся катастрофу, еще до того как желтая степь покрылась костями людей и животных. Люди уходили тайно, бросив все нажитое имущество, глубокой ночью, когда сон валил даже голосистых аульных псов.

Одним из первых в тюменском направлении скрылся с детьми и внуками Бокай Кожырбаев из рода нуралы-керей. По воспоминаниям семьи Букаевых, прадед покинул родной аул Майбалык в Пресновском районе Северо-Казахстанской области весной 1930 года. Сын Бокая, 24-летний Мырзабек, ночью выкрал из колхозного табуна свою кобылицу, незадолго до этого «обобщественную» правлением колхоза. Пока он крадясь вел лошадку к аулу, домочадцы, стараясь не шуметь, готовились к бегству. Молодая жена Мырзабека, Шайа, разложила на круглом столе баурсаки, поставила масло, разлила по пиалам сурпу. Утром ничто не должно было указывать на отсутствие в доме хозяев. Пока в колхозе хватятся и обнаружат пропажу кобылы, беглецы планировали быть далеко.

Девять человек уместились в санях: Бокай с супругой Кален, Мырзабек с женой и двумя малышами, Алатаем и Балатаем, младшие дети Бокая: 4-х летний Сураган, грудничок Байман, дочь Меруерт. С собой взяли только швейную машинку «Зингер», и минимум еды. На счету был каждый килограмм груза. Постелив под ноги одну кошму, укрывшись от утреннего морозца второй, прочитав молитву перед дорогой, тронулись навстречу неизвестности, оставляя позади «ата коныс» – родовые земли отцов.

«Ата коныс» – буквально «место ночлега предков» - не просто высокие слова. Понятие родины «Ел» для казаха – свяшенно. В предчувствии кончины казах просит похоронить его там, где он пришел в бранный мир, в землю, куда впиталась его первая кровь с разрезанной пуповины, где прошли детские годы. А потому с тяжелым сердцем покидал Бокай родной Майбалык, хотя никто из знакомых не заподозрил бы его в сентиментальности.

Все дальше уходило одинокое кочевье, оставляя позади очертания Майбалыка. Кобылица Мырзабека с трудом тянула сани.

Мужчинам приходилось поочередно идти пешком, чтобы не загнать лошадь. А когда шли через апрельские проталины, в санях оставались сидеть лишь малые дети. Нужно было, пока не хватились в колхозе, пересечь границу области. Впоследствии Мырзабек будет с благодарностью вспоминать своего знакомого из соседнего села Благовешенка, русского кузнеца, который очень помог тогда. Кузнец дал свою лошадь для скорого преодоления опасного участка и отправил вместе с беглецами сына. Пара коней быстро доставила семью Бокая на безопасное расстояние, после чего Мырзабек распряг лошадку, и сын кузнеца вернулся верхом домой.

В пути чаще попадались хорошие люди. В те годы, по степному *адату*⁹, казах мог остановиться у любого казаха, и хозяин дома принимал путника должным образом, как гостя, был обязан угостить его, предоставить ночлег. Человек по имени Султан, у которого переночевала семья Бокая, работал в сельском совете. Он оформил необходимые бумаги и скрепил их печатью. Теперь Бокай и его потомки могли заявить любому встречному милиционеру, что они законопослушные переселенцы. Дальний родственник Канапья, у которого также останавливались на ночлег, отдал беглецам своего любимого коня. Это было полной неожиданностью. Утром, когда Мырзабек запрягал свою тощую, измученную трудной дорогой кобылицу кожа да кости, Канапья вышел во двор и минуту-другую пристально смотрел, как молодой человек, сын Бокая, готовится в путь. Что-то тронуло пожилого человека за душу.

– Ай, балам (эй, сынок), – сказал вдруг он, – распрягай лошадь! Оставь ее, возьми мою...

Мырзабек встал как вкопанный. Конь у родственника был не конь, а тулпар – мечта кочевника.

– Ты что, сдурел! – возмутилась супруга Канапьи, услышав слова мужа. – Меняешь коня на клячу! Ты в своем уме!?!...

Канапья зыркнул на жену, и она замолчала.

– Нет, не возьму, – покачал головой Мырзабек.

– Я кому сказал! Бери коня, – твердо велел хозяин.

(Мырзабек до конца своих дней будет после намаза, читая дуа, вспоминать Канапью и всех, кто помог ему трудной дорогой).

Пройдет несколько месяцев, и следом за беглецами из

Майбалыка на север двинутся сотни других казахов, гонимые голодом и преследованиями по классовому признаку.

«Октябрьский ураган»

Через десятилетия после Великого джута встанет вопрос: как получилось так, что голод разразился у кочевых казахов, благополучие которых в отличие от земледельческих народов не зависит от урожая?

Советская власть на заре своей истории принесла немало дивидендов степнякам. В 1920 году по декрету Ленина была создана Казакская Автономная Советская Социалистическая Республика, и казахская степь, разделенная при царях на административные единицы между Омском, Ташкентом и Оренбургом, воссоединилась вновь. По настоянию казахской интеллигенции народу вернули исконное название «казак» с «к» гортанным, перестали записывать их в официальных документах «киргизами». (В феврале 1936 года Постановлением ЦИК и СНК Казакской ССР «О русском произношении и письменном обозначении слово «казак» было предписано заменить последнюю букву «к» на «х», и отныне писать «казах», а не «казак», «Казахстан», а не «Казакстан»).

В первые годы советской власти нэповская линия сельхозкооперации не ломала традиционного кочевого уклада и не вызывала протестных настроений в бывшей вотчине Аблайхана. Но на рубеже 20-30 годов утопические идеи, овладевшие умами коммунистов, взяли верх над здравым смыслом.

В сентябре 1925 года на должность первого секретаря Казкрайкома (краевой партийной организации) был назначен Филипп Голошекин, бывший комиссар юстиции Урала, один из организаторов казни семьи царя Николая Второго в подвале Ипатьевского дома в Екатеринбурге-Свердловске летом 1918 года.

Настоящее имя Голошекина – Шая Ицкевич. В те годы многие авантюристы брали себе новые имена и фамилии, которые должны были подчеркивать их якобы пролетарское происхождение. Так сын богатого ювелира стал Демьяном Бедным, а отпрыск подрядчика из Витебской области – Голошекиным.

По прибытию в тогдашнюю столицу Казахстана город Кызыл-Орду, не успев как следует оглядеться по сторонам, Филипп-Шая

заявил об отсутствии в степи советской власти и необходимости срочной прогулки по аулам «Малым Октябрем».

Первым делом Голошекин расправился с национальной элитой, чьи взгляды противоречили новому курсу Казкрайкома. Преследованиям и гонениям, а впоследствии арестам подверглись Алихан Букейханов, Миржакып Дулатов, Магжан Жумабаев, Смагул Садвакасов, Мухамеджан Тынышпаев и многие другие достойные сыны своего народа. Их обвиняли в «национал-уклонизме», «пантюркизме», «антисоветчине». Избавившись от политических противников, Голошекин приступил к реализации идеи «Малого Октября». Пашни и пастбища отбирались у зажиточных хозяйств и передавались беднякам. Следующим шагом стала конфискация имущества состоятельных степняков и выселение их вместе с семьями в другие регионы.

– В «камpez» (период конфискации) забрали весь скот, вплоть до последней еле живой курицы, – вспоминают старики.

Сказать, что скот для казаха значит очень многое - значит не сказать ничего. Приветствуя знакомого, казах говорит: «*Мал-жан аманба?*». Сначала он спрашивается о скоте и лишь затем о домочадцах.

По воспоминаниям жительницы Тюмени, пенсионерки Дамели Дисенбековой, ее отец Сейтен Каймуллин и другие родственники были сосланы в район Аральского моря. Туда же выслали семьи Кызылбаевых и Торежановых, чьи потомки сейчас также живут в Тюмени.

– Там, на Арале, умерла младшая сестра моей матери, она не смогла перенести тяжелой дороги, – рассказывает Дамели апа. – Ее похоронили в песках, завернув в головной платок моей матери. У родителей ведь забрали все имущество. У них не оказалось даже материала для похоронного савана.

ОГПУ хватал и отправлял в ссылку каждого взрослого члена «байской семьи», кто оказывался под рукой. Так в песках Арала оказалась жена Сергазы Торежанова Разиля. Самого главу семьи чекисты не успели захватить.

Ссылные «бай-кулаки» не прижились на новой земле и вскоре бежали обратно на север Казахстана. По воспоминаниям потомков, помог бежать с Арала бабушке Разиле Касым Кызылбаев. Ночью на

лодке он вывез бабушку из поселка для ссыльных, и все вместе они тайком двинулись через огромную степь.

Но на родине их не ждали с распростертыми объятиями. Казахи именуют послереволюционный период «жер козгалыс», в буквальном переводе – землетрясение. Новая власть принесла новые законы, во многом противоречащие степному адату. Время изменило законы кочевников, основанные на родоплеменных связях и мусульманском шарiate. Теперь уже свои же, но «классово чуждые» соплеменники могли доложить в ОГПУ о беглых родственниках, и докладывали. Оставалась дорога на «сепкрай» (северный край), где можно было затеряться в лесах и деревнях. Туда и направили свои кочевые арбы Каймулины, Торежановы и Кызылбаевы. Сюда же в Сибирь бежал из родного аула Балуан Сергеевского района Северо-Казахстанской области Абикен Дисенбеков, чей сын Асан впоследствии женится на Дамели Сейтеновой.

Аул Балуан, землю рода кантай-керей, в те годы покинули и перебрались под Тюмень десятки семей. Бежали в основном состоятельные, зажиточные семьи. Те, кто имел возможность и средства, чтобы скрыться. Поэтому нет ничего удивительного в том, что почти каждый тюменский казах заявляет о себе как о потомке «бай-кулаков».

Абикен Дисенбеков в дореволюционный период обладал табунами коней, число которых хозяева и работники знали лишь приблизительно. По воспоминаниям аксакалов эти богатства достались ему после кончины соплеменника Шарип-бая. Когда лошадей пригоняли разом на водопой к полноводному в ту пору озеру Балуан-кол, табунщики дважды заходили с шестом в воду у берега, до и после водопоя, чтобы измерить на сколько сантиметров снизился уровень воды в озере Балуан-кол. Рассказывают, что до сих пор в степях возле аула Балуан кладонискатели ищут золото Абикен-бая, которое он закопал там в надежде вернуться когда-нибудь на землю предков, в родное кочевье. Да никак не могут «черные копатели» обнаружить своими металлоискателями золото, потому как спрятано оно в большом куске самодельного мыла, которое варили в те годы казахи в домашних условиях.

Сын Абикена Асан (настоящее имя Еслям) едва начал ходить,

когда семья подверглась «раскулачиванию». В памяти Асана Абикенулы сохранилось, как он играл с маузером отца. Маузер казался ребенку очень тяжелым. Когда Асан цеплял оружие себе на пояс, дуло почти касалось земли.

В ходе раскулачивания более 60 тысяч семей были объявлены байскими, более 40 тысяч подверглось конфискации, остальные скрылись в неизвестном направлении, бросив все свое имущество¹⁰.

Год 1930-й начался для молодой Казакской АССР с окончательного развала традиционных, проверенных столетиями форм кочевого хозяйствования. В декабре 1929 года Пленум ЦК Компартии Казахстана во главе с Голощекиным постановил, что для полного торжества колхозного движения в Степном крае не хватает только одного – всеобщего перехода к оседлости. Исполнительные комитеты на местах бросились рьяно выполнять и перевыполнять планы по реализации линии партии. Уже к весне 1930 года коллективизации подверглись 50% хозяйств¹¹. Поскольку местные исполкомы мигом записывали колебавшихся в «бай-кулаки» и «подкулачники», люди вступали в колхоз в добровольно-принудительном порядке, чтобы не оказаться в числе «буржуазных элементов» и не попасть под молот репрессий. Районные начальства рьяно соревновались друг с другом в выполнении и перевыполнении плана коллективизации. Лозунгом стало: «Кто не в колхозе, тот враг Советской власти...»

На места оседания, в бывшие «кыстау», сгонялись аулы прежде кочевавшие с табунами и отарами по бескрайней степи. Собранный в одном месте скот стал погибать от бескормицы. Одновременно шла хлебозаготовительная кампания. Обязательства по сдаче зерна накладывались не только на зерновые, но и на животноводческие хозяйства. Чтобы выполнить план, казахи вынуждены были менять скот на зерно. Кампания по заготовке мяса и шерсти привела к массовому забою скота. Поступивший зимой 1930 года приказ по дополнительной заготовке шерсти, вызвал массовую гибель овец от холода. Свою страшную роль сыграл и ледяной джуг 30-го года, сковавший пашни и пастбища.

В областные центры, а оттуда в Алма-Ату, стали поступать телефонограммы о жутком положении колхозников, но партийные

органы только усиливали административное давление, закручивали гайки все туже и туже. вина во всех бедах мифических врагов народа, скрытых оппортунистов и ужесточали репрессии.

Вот, к примеру, один из документов тех времен: «Поступили сигналы о нависшей угрозе срыва выполнения годового плана хлебозаготовок и маслокультур к установленному сроку (1 ноября). Эти позорные и в высшей степени преступные, граничащие с изменой партии и правительству показатели появились вследствие явной недооценки уполномоченными парткомами, ячейками, Советами того чрезвычайно важного значения хлебозаготовок для решающего года пятилетки. В отдельных Советах совершенно отсутствует нажим на кулацко-зажиточные хозяйства, вплоть до роспуска этих хозяйств из пределов Совета безнаказанно. Налицо явный оппортунистический настрой руководства хлебоуборкой и хлебозаготовкой, игнорирующего решения бюро РК и Президиума РИКа. Председатель коммуны «Красная Сибирь» заявил о невозможности выполнения плана, мотивируя это тем, что он лучше произвел подсчет валового сбора. Появились голодные настроения и разговоры о нереальности планов, в худшем случае, сами предсоветов и колхозов поддерживают эти настроения, совершенно не реагируя на это положение, выполняя, таким образом, роль паникеров, примиренцев и фактически становясь маховыми носителями правого оппортунизма на практике»¹².

За невыполнение плана хлебозаготовок людей отдавали под суд и конфисковывали их имущество. Так, например, член товарищества «Сила в единстве» М. Чунтонова, хозяйство которой было отнесено к середняцкому, не смогла полностью выполнить подворный план сдачи хлеба в количестве 150 пудов, за что ее осудили к одному году принудительных работ с конфискацией всего имущества: дома, лошади, двух коров, мебели, плуга и сена. Позже ее оправдали. В заявлении Чунтоновой в адрес вышестоящего суда – крик измученной души: «Присовокупляю, что хозяйка квартиры требует освободить ее, я же с семьей в настоящее время квартиры найти не могу и нахожусь в плачевном состоянии»¹³.

Исследователи сообщают о 380 восстаниях в Казахстане, в основном, в южной и центральной его частях, вспыхнувших, как реакция на отъем скота и репрессий. Слабо вооруженные повстанцы,

зачастую имевшие в качестве оружия лишь палки-соилы, гибли десятками и сотнями при каждом столкновении с отрядами красноармейцев. Результатом различных акций и кампаний «Малого Октябрьского урагана» стал небывалый голод, охвативший все без исключения округа Казахстана, и вызвавший резкое сокращение поголовья скота – от 40 млн. до 4 млн¹⁴. Потеряв скот, кочевники лишались традиционного мясомолочного питания. Великая степь из кормилицы превратилась в западню.

Вот что пишет Валерий Михайлов в книге «Хроника великого жута», рассказывая о воспоминаниях поэта Гафу Каирбекова: «Тургай. Этот городок, районный центр, стоит на возвышенном месте. Под ним речка, все улицы круто спускаются к ней... А на улицах люди, много взрослых людей. Они идти не могут, ползут на четвереньках. Еле-еле, из последних сил. Отдохнут в изнеможении и снова царапают землю ногтями. А некоторые уже недвижны, лежат на дороге, как бревна. Мы через них переступаем. Пока спустишься к реке, через несколько трупов надо перешагнуть. Там у воды забивают скот. К этой бойне и ползут голодные. Кто добирается пьет кровь животных»¹⁵.

Узбекский писатель Камиль Икрамов с ужасом вспоминает в книге мемуаров, как он, мальчишкой, ехал из Ташкента с отцом через казахскую степь – и вся она, от горизонта до горизонта, была устлана человеческими трупами¹⁶.

Люди ловили мышей и крыс, тут же поедали. Старики рассказывают о человеке, который, когда не стало в ауле мышей, собак и кошек, отправился ловить грызунов к степному озеру, и еле унес ноги от голодной шайки, которая в камышах подстерегала одиноких людей, чтобы убить и съесть. Голод и связанные с ним эпидемии особенно жутко ударили по малым детям, малыши гибли тысячами. По рассказам тюменца Калихана Сергазинова, у его сосланной на Арал бабушки Разили было 12 детей, в живых остались лишь двое. У родного деда автора этих строк от двух жен было 18 детей, болезни унесли жизни 16 из них.

С конца 1931 года в крайком, КазЦИК, Совнарком пошли письма, докладные, телеграммы о голоде:

«Председателю ВЦИКа М. И. Калинину. (10 февраля, 1932 год).

Все население, проживающее в Казакстане, умирает от голода, в некоторых местах народ гибнет целыми аулами, например: в аулсоветах №№9, 10, 11, в Павлодарском и Иртышском районах, а также во всех районах Казакстана. В последнее время везде происходит гибель, смерть населения, весь скот сдан государству... питаться населению нечем»¹⁷.

В президиум ЦИК СССР 1 февраля 1932 года писали политические ссыльные: «В течение примерно полутора месяца в Павлодар стекаются из районов голодные, опухшие и одетые в лохмотья люди, преимущественно казахи. Город наводнен ими. Развелось невероятное нищенство. В каждом доме [нищих] перебивают за день десятки человек. Ходят голодные всех возрастов: молодые, старые, дети. Свалочные места усеяны голодными людьми, выбирающими и поедающими отбросы»¹⁸.

Очевидец голода, школьный учитель Болат Хамзин, рассказывал мне, что в детстве он заходил в саманные дома-мазанки и видел лежащие в обнимку на своих постелях трупы супругов, а рядом скрученные в предсмертной агонии детские тела.

Особенно в памяти запечатлелась история о том, как супруги, жарив на сковороде последнюю горсть зерна, рассыпали пшеницу на пол, и пока малыши собирали ее и жадно бросали по зернышку в рот, родители ушли в степь умирать, чтобы не видеть голодные глаза детей и не слышать их плач.

Сквозь Линию

Кочевья аргынов, кереев и кипчаков двигались на север путями, по которым столетия назад скакали тумены их предков. Сибирь не была для кочевников страной неведомой. Еще в докучумовские времена казахские ханы стремились вовлечь Сибирь в орбиту своего влияния. Да и о самом сибирском хане Ремезовская летопись сообщает, что царь Кучум пришел из «Казачьей Орды». В период троевластия в Сибири, когда власть над многочисленными юртами сибирцев делили князь Саид-Ахмад Тайбугин, царский воевода Данил Чулков и согнанный с Искера, но еще имевший достаточное количество нукеров Кучум, казахский хан Тауеккел попытался посадить на Сибирском троне своего племянника, 16-летнего Ораз-

Мухамеда. Но юный «Салтан Казачьей орды» был захвачен Данилой Чулковым в 1588 году во время переговоров в Тобольске, отправлен в Москву, где впоследствии Борис Годунов назначил его правителем Касимовского ханства на Рязанщине.

Еще долго после покорения Московским царством Кучумова Юрта казахские племена тревожили новые сибирские крепости и остроги набегами, пока их не потеснили на юг монголоязычные калмыки. После ухода калмыков казахские племена столкнулись на севере с Пограничной Линией – цепью российских военных укреплений, за которые кочевникам запрещалось переходить.

В 1663 году крайним военным укреплением стало Царево городище (Курган), в 1752-м в приишимских степях возникла Новая Линия из 11 крепостей, в том числе Пресновской, Звериноголовской.

Исследователь, военный инженер, капитан Иван Андреев в конце 18 века писал: «...границы сего народа, со времени взятия Сибири и по совершенном покорении татар, от реки Ишима, где ныне город Ишим, на реку Тобол, где город Курган, и на реку впадающую в Тар, где город Тара. Но в последующие времена, по учреждении и заведении Иртышской линии до крепости Устькаменегорской, отнесены также и отграничены в 1752 году Новой линиею от Звериноголовской чрез Тарскую, Ишимскую и Тобольскую дистанции на крепость Омскую, то сии киргизы или по тогдашнему названию Казачья орда, отошли далее в степи»¹⁹.

В 1765 году на границе была устроена своеобразная контрольно-следовая полоса – барьер из жердей и срубленных деревьев, тянувшийся вдоль Пресногорьковской и Иртышской Линий в десяти верстах перед ними. Вторую такую полосу образовали рогатки, поставленные в промежутках между крепостями и редутами на самой Линии. Вдоль барьера стояли пикеты Сибирского казачьего войска, курсировали – «от маяка до маяка, от станца до станца» – казачьи разъезды. Когда разметанный барьер оповещал их о появлении казахских летучих отрядов, маячные зажигали сигнальные костры – и все укрывались в укреплениях, а дежурные казачьи отряды готовились к схватке²⁰...

Но все это осталось в далеком прошлом. После признания кочевниками власти Ак патши (Белого царя) разделительной Линии

не стало. Кочевые арбы с нехитрым скарбом теперь сотнями пересекали границу Советской Казакской Автономной Республики с Омской областью РСФСР, в какой-то степени повторявшую своими очертаниями Пограничную Линию середины 18 века, о существовании которой помнили разве что только старики, с горечью покидавшие родные кочевья.

Пресновский район Северо-Казакстанской области, населенный керейми, граничит с запада с Урицким районом Кустанайской области – кочевьями аргынов. Предания гласят, что два этих рода – станowych хребта Среднего жуза наряду с кипчаками и найманами, – не только жили веками в дружбе и вместе отражали набегии врагов. Через сто лет после джунгарского нашествия возникла между ними усобица. Уже никто и не помнит, кто первым нарушил завет предков беречь дружбу и крепить ее. Может быть, первыми на барымту (угон скота) решились юные горячие головы из аргынцев, а керейи ответили соседям умыканием невест, а возможно, все было наоборот. За проступок соплеменника по степному адату род нес коллективную ответственность. И вот уже готовы скакать друг на друга с саблями наперевес вчерашние братья. Брошен клич, и уже батыры вызывают на поединок «*жетке-жек*» достойных по силе и духу джигитов из соседнего кочевья. Вот-вот вздрогнет земля под копытами коней, и разразится беспощадная война. Но тут поднялся старый мудрец Мендеке из рода караул-аргынов. Обратился он к соплеменникам со словами: «Аргыны! Не проливайте кровь ваших братьев! Ваши сестры рожают детей керейам, а их женщины рожают детей вам. Остановитесь! Мы один народ, одна кровь!».

Остановились тогда батыры, расседлали боевых коней. А мудрый Мендеке, доживавший последние дни в ближней жизни, завещал похоронить себя на границе двух кочевьев, чтобы отныне и навсегда аргыны и керейи не шли войной друг на друга, чтобы дружили они до скончания веков, как завещали предки, сражавшиеся плечом к плечу с джунгарскими полчищами и разгромившие их. И с тех пор живут в дружбе и согласии керейи и аргыны.

Так гласит легенда. И она не противоречит действительности. Когда у аргынца Нугмана Шиебай улы Айсары родился от жены-керейки в 1900 году сын Жантас, он, Нугман, не стал противиться

предложению тестя Касымбая отдать ему сына на воспитание, хотя дети, особенно сыновья, очень дороги степнякам. Свою роль тут сыграл и казахский обычай отдавать старшего ребенка дедам. Так Жантас стал Касимовым, а не Айсариным или Шиебаевым. Спустя несколько лет Касимовым стал и младший брат Жантаса Актас. Братья росли у *нагаши*, как казахи называют родственников матери. В кочевьях *нагаши* молодому Жантасу приглянулась Масаты, красивая дочь Акыша Бижанова. Ей тоже понравился скромный Жантас. Так возникла новая семья.

Аул в Урицком районе Кустанайской области, где жили потомки Айсары из рода караменды-канжыгалы-аргын, носит название Соналы. Из названия следует, что местность была богата на паутов.

– Уходили мы оттуда на арбах, – рассказывает Нурзиля Жантас-кызы. – Я совсем маленькая была, уже почти ничего не помню. Нас было много. Дед Нугман ата (другое имя Мукуш), сыновья его брата Шопы - Косылбай и Дауренбек, младший брат моего отца Жумакожа. Он был еще маленький, моя мать Масаты носила его на спине. Наш родственник Бостан из другой ветви потомков Айсары, ветви Жидебая (Шиебай и Жидебай – сыновья Айсары), другие родственники, полно детей. По пути ночевали где придется: в казахских аулах, в открытом поле, спрятавшись от дождя под арбой. Если останавливались надолго, строили *шошалы* (шалаш).

«Октябрьский ураган» унес семьи потомков Айсары в один из аулов-колхозов под городок Звериноголовск Курганской области, к бывшему военному опорному пункту Пограничной Линии. Казахи издавна называют эту местность Баглан по имени некогда жившего здесь знатного керей. Тут у Звериноголовского ушел из жизни глава рода Нугман ата. И здесь произошла история, ставшая роковой для семьи. По доносу арестовали Жантаса Касимова. Холодной осенью Масаты ходила на свидание к мужу в город, переходя вброд холодные лужи. Занятая мыслями о супруге, переживая за него, она не придала значения осеннему холоду, не подумала, что может простудиться и заболеть.

А с мужем они договорились вот о чем. Жантас сказал ей на свидании, что тяжелобольных арестантов в тюрьме не держат, отдают родственникам, если видят, что человек нежилец в этом мире, ведь

умерших еще нужно хоронить, хлопотать о месте на кладбище, рыть могилу. Муж сказал, что наестся насыбая, а за время пусть старший сын Кожагали уведет из колхозного гурта коня, и пусть семья готовится к побегу. Масаты собрала детей Смагула, Нурзилю и Искака в дальнюю дорогу.

Все произошло, как и было спланировано. Фельдшер, обнаружив арестанта с температурой тела под сорок один градус, посоветовал отдать беглого казаха родственникам, пусть они сами похоронят его согласно своим обычаям, все равно он не протянет больше суток. Четырнадцатилетний Кожагали в это время тайком увел коня и запряг арбу. В ту же ночь, путая следы, Жантас и Масаты с детьми ушли на арбе по лесам на северо-восток.

Они оказались в Упоровском районе нынешней Тюменской области. В 1934 году здесь родился их младший сын, которому, предрекая счастливое будущее семье, супруги дали имя Аманжол, что значит добрый, хороший, здоровый путь. Такие имена казахи дают, находясь в пути или собираясь в дальнюю дорогу.

Чтобы сберечь потомков

На третий год пребывания на тюменской земле, в 1933 году, Мырзабек Букаев, которого с легкой руки детей окружающие прозвали «Абижа», получил от двоюродного брата Мырзагали Акишева письмо, пронизанное тоской по родине и написанное в стихах.

Сыновья двух родных братьев, Акыша Бижанова (носившего фамилию от деда) и Бокая Кожырбаева (взявшего фамилию по имени отца), с раннего детства росли вместе. Им и имена дали созвучные – Мырзагали и Мырзабек. Сколько раз мальчишками они скакали по родной степи так, что земля гудела под копытами скакунов, и тучи пыли поднимались к высотам. Беззаботные годы пролетели как облака над озерами Майбалыка.

Письмо пришло из города Кушмурун Кустанайской области, куда после учебы в Алма-Ате был направлен работать рабочкомом Мырзагали. Пять лет назад они виделись в последний раз.

По воспоминаниям Камиши апа Акишевой ее старший брат Мырзагали оказался в Алма-Ате вот при каких обстоятельствах.

У казахов издавна был распространен обычай «амангерства».

Если умирал муж, вдова выходила замуж за его брата (если разрыв в возрасте не был слишком велик). Если не было подходящей кандидатуры в мужья, то есть не обремененного браком родственника, вдова становилась второй женой женатому брату мужа. А когда умирала жена, вдовец, соответственно, мог жениться на ее незамужней сестре. Традиция эта не вступала в противоречие с шариатом, ибо в Коране четко сказано, кто на ком не может жениться, или кто за кого не может выйти замуж.

Обычай амангерства был принят предками казахов в интересах детей, которые, потеряв биологического родителя, не обрекались на сиротство, а становились полноценными детьми дяди или тети. Жизнь в суровой степи предписывала беречь потомство. Традиция амангерства с одной стороны сводила на нет проблему безотцовщины, с другой – не оставляла на произвол судьбы вдову, ибо бездетные либо потерявшие мужей женщины нередко становились изгоями. Суеверные кочевники старались не приглашать их на радостные мероприятия. А когда во время обряда «беташар» невеста кланялась родственникам мужа, за локоть девушку поддерживали только снохи, имеющие детей.

– *Казак ол заманда айел жібермейді* (в те времена казахи не отпускали жен умерших родных), – говорит Камиша апа.

Традицией амангерства в свое время воспользовался сам Акыш Бижанов, когда по болезни ушла из жизни его жена Газиза, родившая пятерых детей: Али, Масаты, Ракилю, Сапуру и Мырзагали.

Акыш женился на юной сестре Газизы. Молодая жена Калима родила Акышу двоих детей, сына Молдагали в 1923 году и дочь Камишу в 1927-м.

В год рождения Камиши в семье случилось несчастье. Умер по болезни старший сын Акыша, Али. Овдовела его жена, 27-летняя Алтын Хасен-кызы. Она осталась с маленькой дочуркой Кадишой четырех лет от роду. Хотя уже новые власти объявили обычай амангерства пережитком патриархально-родового строя казахского общества, консервативный Акыш решил женить 20-летнего Мырзагали на его бывшей женге, которая была старше его на семь лет. Но к тому времени новые идеи, привнесенные революцией, уже поразили сознание молодежи, а потому Мырзагали впервые

воспротивился желанию отца. Глава семьи, однако, был тверд в своем решении. Неизвестно, чем бы закончилось противостояние отца и сына, если бы в это время известный писатель Сабит Муканов, выходец из Северного Казахстана, не набирал молодых талантливых людей для учебы в Алма-Ате. Домбрист Мырзагали, пишущий стихи, отвечал всем выдвигаемым требованиям.

Камиша апа рассказывает, что уже в столице Казахстана ее брат затосковал по родным. Он решил покориться воле отца. В Кушмурун работать рабочником Мырзагали уже приехал женатым. В 1930 году Алтын родила ему сына Жаслана.

В период раскулачивания тучи нависли и над семьей Акишевых-Бижановых. По доносу чекисты арестовали Акыша. В памяти его дочери Камиши сохранилось, как после ареста отца ее мать Калима прятала в камышах детей, ее и маленького Молдагали. Затем они долго шли куда-то пыльной проселочной дорогой. Калима несла дочь на руках, рядом шел, держась за подол, Молдагали. К их счастью отца вскоре выпустили. Благодаря кому и чему чекисты отпустили на свободу бывшего волостного управителя Акыша Бижанова, для его детей осталось тайной...

В ответном письме в Кушмурун Абижа звал Мырзагали в Сибирь. Писал, что они тоже скучают по родным и ждут не дождутся, когда увидят и обнимут их. Сообщал, что живут в достатке, что здесь много семей, покинувших соседние с Майбальком аулы, пастбищ для скота хватает. Абижа звал брата оставить Кушмурун и ехать в Сибирь.

По воспоминаниям Камишы апа, под Заводоуковск, чтобы слиться с семьями родственников Букаевых. Акыш с детьми и внуками добирался на поезде. В Кустанае они сели на поезд до Челябинска, а оттуда взяли билеты на восток. В Заводоуковске Камиша вместе с Сураганом Букаевым пошла учиться в первый класс.

Находясь в тюменском крае, казахи не торопились вступать в колхозы. Они старались держаться подальше от населенных пунктов, стремились сохранить традиционный уклад кочевой жизни. А если и брались пасти колхозный скот, то чаще всего ради того, чтобы вместе с общим скотом кормить и своих коней, овец и коров. Местные жители также не торопились привлекать массово в свои колхозы кочевников, они словно гадали, что на уме у этих всадников в больших малахях,

наводнивших в одночасье их районы. Мужчины-переселенцы носили *чапаны* и кожаные сапоги типа ботфортов с утеплителем. В необычных одеждах, с заткнутыми в сапоги кнутами они выглядели странноватыми для жителей Заводоуковска и Ялutorовска. Женщины-переселенки носили лисьи шубы, покрытые тканью, мехом внутрь, не снимали платков. У мальчишек на макушках красовался «*айдар*» (пучок волос). Девочкам на камзолы нашивалось множество монет, которые, брэнча и звеня, согласно древним поверьям, должны были отпугивать злых духов.

В старину в правилах у казахов было воспитывать после трех-четырёхлетнего возраста мальчиков и девочек раздельно. Отцы готовили сыновей к роли мужей, матери – дочерей к роли жен. Девочки учились вести домашнее хозяйство, обустроить юрту, готовить еду. Хотя главным предназначением казахской женщины была семья, ее статусу могли позавидовать не только мусульманки Средней Азии, но и россиянки. В 18 веке исследователь тюркских народов Василий Радлов писал, что степнячки-казашки воспитывались намного демократичнее русских крестьянок.

– Казашка могла открыто высказываться в своем племени, участвовать в решении споров, – отмечает исследователь М.Коржева.

Но ни девушки, ни джигиты не смели перечить родителям и взрослым родственникам...

Тем временем партийно-государственные органы обратили внимание на кочующих по тюменским лесам и полям целые аулы казахов. Независимая кочевая модель хозяйствования не вписывалась в формы организации труда в СССР. Вклиниться в русские колхозы многие не могли по ряду причин. Мешали языковой, религиозный барьеры. Тогда советские работники попробовали создать колхозы, состоящие исключительно из кочевников-переселенцев.

Так появились казахские колхозы имени Тельмана в Ишимском районе, «Кызыл-ту» в селе Ельцово Казанского района, «Кызыл-ту» в Заводоуковском районе. Колхоз «Бирлик» в Казанском районе по воспоминаниям его бывшего жителя Салимгирея Мурзабекова, просуществовал всего ничего. В один прекрасный день колхозники разобрали весь скот и в одну ночь скрылись в разные стороны вместе с печатью и списком колхозников.

Многие казахские семьи прошли через колхоз Ак кол (подсобное хозяйство лесхоза) в Голышмановском районе. Этот населенный пункт на берегу Белого озера в девяти километрах от села Голышманово в тридцатые годы стал своего рода перевалочной базой для казахов. Одни уходили, другие приходили. Постоянно в ауле проживало около тридцати семей. Аула Ак кол не стало в 1947 году, когда партийное руководство издало распоряжение о ликвидации подсобного хозяйства. Место аула засеяли сосняком. О том, что здесь когда-то бурлила жизнь, напоминает лишь кладбище Ак кола, ставшее родовым для *батта-кереев*.

Самым северным казахским колхозом стала сельскохоз артель имени Дальневосточной Красной армии в Нижнетавдинском районе. Ее жителям посвящена эта книга, и о ней пойдет речь в следующей главе.

Представители самых многочисленных этносов на территории СССР по материалам переписей 1926, 1937 гг. (выдержка)

Национальность	1926 г.	1937 г.	1937 в % к 1926
русские	77 791 124	93 933 065	120,7 %
украинцы	31 194 976	26 421 212	84,7 %
белорусы	4 738 923	4 874 061	102,9 %
узбеки	3 955 238	4 550 532	115 %
татары	3 029 995	3 793 413	125,2 %
казахи	3 968 289	2 862 458	72,1 %
евреи	2 672 499	2 715 106	101,6 %
азербайджанцы	1 706 605	2 134 648	125,1 %
грузины	1 821 184	2 097 069	115,1 %
армяне	1 568 197	1 968 721	125,5 %

Результаты переписи в СССР показывают, что из народов СССР казахи и украинцы понесли наибольшие людские потери в период 1926-1937 годов (72,1% и 84,7%). По данным автора книги «Хроника Великого Джута» Валерия Михайлова потери казахского народа от голода составили 40% населения, что значительно сказалось на будущей демографической ситуации в Степи. Крупнейший центральноазиатский народ перестал быть таковым.

Колхоздың «ДВКА» - деп қойған атын,
Өзіне бастық қойып азаматын.
Бір жерден бытырамай ел болуға,
Жаздырды орталыққа бір-бір атын.

Даметкен Смагулова

ГЛАВА 2. ПО СТАЛИНСКОМУ УСТАВУ

Положение «Кочевой»

Главным инициатором организации колхоза ДвКА тюменские аксакалы называют Ердена Нурпеисова, выходца из аула Балуан.

«Кантайдын арасында Ерденнің алдына шыққан адам жок» (В роду кантаев еще не было людей значительнее Ердена), – говорит пенсионер Серик ага Тасбаев.

По рассказам аксакала, Ерден Нурпеисов (1882 г.р.) с юных лет был в гуще жизненных событий. Он учился в медресе Троицка и Оренбурга, с приходом революции вступил в партию Алаш Орда, которая добивалась создания Казахской Республики. Затем был членом совдепа, но со временем не стал угоден новым властям, как человек с «буржуазным» прошлым.

В семейных архивах Нурпеисовых сохранилось немало бумаг, в основном справок, которые предусмотрительный Ерден Нурпеисов брал (особенно 30-40 годы) даже временно выезжая из колхоза.

Из самого раннего документа - окладного листа по обложению единым сельхоз налогом в 16 пудов ржи - следует, что Ерден Нурпеисов проживал в 1923-24 гг. в ауле №3 Смаиловской волости Петропавловского уезда Акмолинской губернии.

Весной 1928 г. он - член волостной строительной комиссии и уполномоченный Тонкерийского (позже Джамбульского) волостного исполнительного комитета по закупке стройматериалов, необходимых для постройки в волости школы, клуба, агрономического, ветеринарного и фельдшерского пунктов. Согласно удостоверению, выданному ему Тонкерийским ВККом, Ерден Нурпеисов имел полномочия давать заказы на стройматериалы, бронировать их, выдавать векселя и заключать договора от имени ВККа. В этот период

он выезжает в Курганский окрисполком, заключает договора на поставку стройматериалов.

По словам Серика ага Тасбаева Ерден был вынужден покинуть Казахстан в связи с гонениями со стороны ОГПУ как «классово чуждый элемент». И это находит свое подтверждение в документах. В справке больницы ИТД (исправительно-трудового дома) Петропавловского округа от 29 августа 1930 года говорится, что документ выдан заключенному "Нурпеесову Эрдену 49 л. в том, что он страдает хроническим суставным ревматизмом», а также малокровием и другими заболеваниями. Подписался врач по фамилии Хохряков. На самом деле вряд ли Ерден имел весь список болезней, перечисленных в справке. Скорее всего, ему удалось договориться с врачом о диагнозе для последующего освобождения. Судя по рассказам Серика Тасбаева Ерден Нурпеисов умел хорошо договариваться.

В 1932 году он уже проживал на территории Нижнетавдинского района. Об этом свидетельствует справка от 5 февраля 1932 г., выданная Миасским сельсоветом «вольно проживающему» на территории сельского совета Ердену Нурпеисову в том, что он посевных площадей не имеет, вместе с ним проживают жена, двое детей и сестра.

Следующая справка Миасского сельсовета от 2 апреля 1934 г. выдавалась «временно проживающему Нурпиесову Ирден с положением «Кочевой», не судимый, права голоса не лишен» в том, что его мальчику в возрасте 14 месяцев требуется больничное лечение. Эту бумагу Ерден взял, как следует из документа, отправляясь в Верхнюю Тавду для излечения мальчика.

На территории Миасского сельсовета Нурпеисов проживал с 1932 г. по 1936 г., «занимался кочевой жизнью». Проживал он в деревне Катыр, о чем свидетельствует сохранившееся в семье охотничье свидетельство Ердена, выданное в Миассе 9 апреля 1936 г.

Ближе к Ердену в эти края приезжали и селились рядом в соседних деревнях другие *кантаи*. В начале 30-х здесь оказались и Тасбаевы. Собственно, сам Ерден по деду тоже был Тасбаевым.

Тасбай, сын Иткула, сын Мамбетали, сын Турыпберди (сподвижника Аблай-хана), приходился Ердену родным дедом.

Тасбай имел четырех сыновей. Их имена: Рамазан, Жапар, Нурпенс, Каймолда. В Тюменскую область переселились потомки Нурпенса и Каймолды.

Дети Нурпенса носили имена: Берден, Ерден, Канапья, Мейрам.

Дети Каймолды: Арун, Шериаздан, Туяк.

В 1937-м – начале 1930-го Ерден Нурпеисов проживал на территории Антроповского сельсовета в качестве единоличника. По документам он проходит как Сергей Нурпеисов.

Как рассказывает Серик ага Тасбаев, до образования ДвКА семьи часто кочевали из одного населенного пункта в другой между Верхней Тавдой и Нижней, какое-то время жили в д. Решетниково близ Тюмени. Жили неплохо. Скупали коней в деревнях, торговали мясом, сохранились кое-какие сбережения, припрятанные во время коллективизации. Ерден был всесторонне развитой личностью. Грамотный, он в то же время за три часа мог сшить обувь. Толковал Коран, знал множество легенд и преданий. По утверждениям Асана Дисенбекова, Серика Тасбаева, именно Ерден встречался с районным начальством в Нижней Тавде и вел с ними переговоры относительно организации сельхозартели. Некоторые же говорят, что ДвКА было основано с подачи Ердена и бежавшего с аральской ссылки с семьей Касыма Кызылбаева. Третья версия называет инициаторами Мырзабека Букаева и Шериаздана Тасбаева.

Наличие нескольких версий говорит о том, что решение организовать казахский колхоз в Нижнетавдинском районе, который считается одним из отдаленных районов на юге Тюменской области, принималось не сиюминутно, а после многих встреч и обсуждений в кругу казахов, которые являясь выходцами из соседних Сергеевского и Пресновского районов Северо-Казахстанской области, зная друг друга еще по Казахстану, общались между собой, делились планами и действовали сообща.

Председатель Шериаздан Тасбаев, выходец из аула Балуан, приходился племянником Ердену Нурпеисову. Назначение именно его первым главой колхоза подтверждают слова Асана Дисенбекова и Серика Тасбаева о главенствующей роли Ердена в организации колхоза ДвКА, поскольку в те годы традиция трайбализма в казахском

обществе была определяющей. Как двигатель процесса, как главное действующее лицо, Ерден Нурпенсов мог посадить на место председателя одного из своих кровных племянников, которые, согласно степному адату, считались ему младшими братьями. Назначение другого родного племянника, Берденова Маннана, уполномоченным по займу в колхозе ДвКА также подтверждает роль Ердена муллы. Счетоводом в это же время назначается еще один племянник – Кабдолла Берденов.

По рассказам Серика Тасбаева сначала казахи, кочующие по соседству, с радостью восприняли известие о создании казахской сельхозартели, но внезапно часть будущих колхозников передумала оставаться в ДвКА.

- Уехали Кызылбай, его сыновья Касым и Мухамедкали, – рассказывает аксакал. – Они сказали, что вернуться в Казахстан, на родину, но обосновались в Ак коле возле Голышманово, а через год вернулись в ДвКА и привели других. Летом тридцать восьмого года на месте ДвКА стояли всего пять домов-насыпушек: дома Ердена Нурпенсова, Шериаздана Тасбаева, Канапы Тасбаева, Аруна Тасбаева и Маннана Берденова.

Пяти хозяйств слишком мало для регистрации колхоза, и вскоре, после проведенной «стахановской» работы по привлечению откочевников в будущий казахский колхоз, во вновь организуемую деревню Садок приезжают Бокай с семьей, Жантас с братьями, семья Акыша, другие откочевники.

По сталинскому уставу

Первый архивный документ, касающийся колхоза ДвКА, датирован третьим сентября 1938 года. Как следует из него, в этот день в селе Нижняя Тавда, районом центре Нижнетавдинского района, в восьмидесяти километрах от Тюмени прошло очередное партийное заседание, собравшее актив райисполкома и председателей колхозов. Собрание вел главный коммунист района, председатель райисполкома тов. Коновалов. Рассматривались самые разные вопросы организации колхозной жизни. Девятнадцатым по счету в повестке дня собрания значился пункт: «Заявление об организации Казахского колхоза».

Докладчик, заведующий райзо товарищ Бараблин, довел до

сведения председателей, что в райисполком с ходатайством об организации колхоза обратились переселенцы из Казахстана. Они намерены создать сельскохозяйственную артель, полностью состоящую из казахов, которые сейчас временно проживают в Заводоуковском, Ялutorовском и Тюменском районах. Планируется приезд в Нижнетавдинский район около двадцати пяти семей. Райисполком готов предоставить им территорию на пересечении земель Ереминского и Сосновского сельсоветов, где имеется участок, который словно специально создан для организации поселения – большая чистая поляна в окружении лесов, имеется и небольшая речка.

Собрание вынесло постановление (здесь и далее курсивом приводятся выдержки из документов без изменения орфографии):

1. Организовать казахский колхоз на территории Н-Тавдинского района в пределах Сосновского сельсовета, на участке государственных земельных угодий.

2. Поручить Зав. Райзо т. Бараблину выехать на место для организационного оформления казахского колхоза.

3. Просить Президиум Облисполкома разрешить дополнительную нарезку земельного участка из фонда госимущества, граничащего с конезаводом № 96, для передачи в вечное пользование вновь организующегося казахского колхоза²¹».

Через четыре дня районное начальство собралось на заседание, в повестке дня которого одним из пунктов значился вопрос регистрации устава новой сельхозартели. На этот раз в Нижнюю Тавду по приглашению райисполкома приехали верхом на конях председатель регистрируемого колхоза Шериаздан Тасбаев и председатель ревизионной комиссии артели Жантас Касимов. Пригласив их в свой кабинет, глава райисполкома сообщил, что принято решение назвать новый колхоз в честь Дальневосточной Красной Армии, которая на восточных рубежах СССР сегодня героически противостоит японским самураям. Кроме того исполком решил, что колхоз имени ДвКА будет относиться не к Сосновскому, а к Ереминскому сельсовету, где ныне работает колхоз «Отряд Буденного». Коновалов поинтересовался настроением будущих колхозников, спросил, готовы ли они, засучив рукава, взяться за

строительство новой жизни и жилья на пустом пока месте, рассказал, что переселенцам дадут время для обустройства на новом месте, но сельскохозяйственная артель должна как можно быстрее приступить к работе.

В свою очередь Тасбаев и Касимов рассказали, что некоторые семьи уже переезжают к новому месту жительства, сооружают там временное жилье, партия может не сомневаться, что казахский колхоз будет на хорошем счету.

В те годы в Нижнетавдинском районе действовали следующие сельсоветы: Антипинский, Андрушенский, Антроповский, Васюковский, Еланский, Ереминский, Жиряковский, Ипкульский, Киндерский, Конченбургский, Морозовский, Маслянский, Мясский, Ново-Троицкий, Нижне-Тавдинский, Петрунькинский, Паченский, Сартовский, Троицкий, Черноярский, Черепановский.

На заседании райисполкома в присутствии Шериаздана Тасбаева и Жантаса Касимова появился второй архивный документ по аулу Садок. Постановление гласит:

1. Зарегистрировать устав казахской с/хоз артели Ереминского с/совета им. ДВКА.

2. Обязать зав. Райзо т. Бараблина и землеустроителя тов. Алтушина провести землеустройство с/х артели им. ДВК в срок до 20 октября 1938 г.

3. Просить президиум Облисполкома о предоставлении льгот по с/хоз налогу колхозникам вновь организованного казахского колхоза, как кочующим.

4. Поручить т. БАРАБЛИНУ и тов. ТРЕТЬЯКОВОЙ возбудить ходатайство перед Облисполкомом об отпуске ссуды колхозу им. ДВКА на жилищное строительство.

5. Разрешить председателю Ереминского сельсовета продажу 5-ти кулацких домов колхозу им. ДВК»²².

Когда в сентябре далекого 1938 года заведующий райзо товарищ Бараблин прибыл на место организации колхоза, взору его предстали сказочно красивый лес, тронутый золотой осенней листвой, и огромная поляна, на которой стояли несколько домов-насыпушек, да тут и там были воткнуты «шишалы» из леса и камыша, формой напоминающие юрту. Рядом у черных казанов копошились женщины.

Ноздри приятно зашекотал запах варящегося в густом бульоне овечьего мяса.

К строениям были приткнуты телеги. На поляне резвились жеребята. Они, играючи, то бросались прочь от своих стреноженных родительниц, то на полном скаку врзались в кобылиц. Залаяли псы. Откуда-то из лесу доносилось далекое ржание коней. Еще при подъезде к аулу Бараблин видел за околицей отару овец. Из всего увиденного можно было понять, что новые жители района богаты скотом.

Кстати, сам Бараблин в тот период тоже искал разрешения жилищной проблемы. В одном из архивных документов временно исполняющий обязанности секретаря Тюменского облизполкома товарищ Берестнев пишет, что заврайзо Нижнетавдинского района тов. Бараблин «квартиры не имеет, живет на квартире у врага народа»²³. И это между прочим, один из первых лиц района. То был период, когда стало опасно быть состоятельным, могли «раскулачить» и отправить в ссылку, но и нельзя было бедствовать, а колхозам плестись в хвосте соцсоревнования, могли обвинить во вредительстве. Изучая архивные документы конца тридцатых годов, нетрудно заметить их противоречивый характер. Вот, например, один из таких непоследовательных постановлений, принятых 28 декабря 1938 года в Нижней Тавде на совещании председателей сельсоветов по итогам уходящего сельскохозяйственного года. В документе сначала все идет хорошо:

Отметить, что 1938 год явился годом дальнейших успехов сельских хозяйств нашего района. Выросла политическая производственная активность колхозных масс, выросли новые кадры замечательных людей, передовиков социалистических полей. На основе развития стахановского движения и социалистического соревнования, весенний сев по району закончен на 20-25 раньше, чем в 1937 г. Значительно поднялся материальный и культурный уровень колхозной зажиточной жизни. Зернопоставки и возврат ссуды по району – закончен на 30-40 дней раньше, чем в 1937.

Затем тон меняется:

Наряду с этим достижением, районное совещание констатирует, что отдельные колхозы и в целом район с уборочной

кампанией не справился и состояние завершения с/хоз года является неудовлетворительным.

По колхозам района остались неубрано и ушло под снег – зерновых 12 га, льна 30 га, картофеля 32 га... До сих пор в копнах и кучах лежит хлеба с площади 291 га. Не обмолочено хлеба с площади 3000 га, испорчено хлеба 468 центнеров. Подвергалось порче хлеба 2614 цент. Льно и льно-волокно по колхозам района сорвано. Картофель по району выполнен 8099 цен, 64%, не выполнено 4628 центнеров. Допущенный высокий падеж молодняка достигает: по жеребьятам 9%, телятам 8,5%, пороссятам 19,3%, ягнятам 9,5%...

Потом следует вовсе неожиданный вывод:

В результате чего колхозы добились высокого урожая?

В результате честной добросовестной работы на полях колхозов в текущем году получен исключительно высокий урожай. Выросли доходы от животноводства и в других отраслях хозяйства.

Здесь же упоминаются о «вражеских действиях в колхозном строе»:

Враги народа, подлые, троцкистско-бухаринские наймиты, шпионы и бандиты пытались всячески подорвать авторитет колхозного трудодня. Они запутывали учет, возрождали кулацкую уравниловку, расхищали и разбазаривали колхозные продукты и средства, грубо нарушали Сталинский устав с/хоз артели²⁴.

Колхозов в Нижнетавдинском районе на рубеже 30-40 годов было более шестидесяти. Вот их названия: Красный рыбак, Сталинец, имени Ворошилова, имени М. Горького, Красный Уралец, Завет Ленина, имени Сталина, Красная Армия, Красный моряк, Победы, Сибиряк, Красный пахарь, имени Чкалова, имени Пушкина, Отряд Буденного, Путь Ленина, ДвКА, имени Кирова, имени Тельмана, ОГПУ, Турай, Свободный путь, 1-й облсъезд, Новая Казань, второй колхоз имени Сталина, Красный партизан, Красный моряк, имени Халтурина, За новый быт, 7-й съезд советов, Зеленая нива, Зеленая дубрава, Пчела, Стахановец, Красный север, еще раз Красный пахарь, Путь Сталина, имени Кагановича, Новый путь, Победа, Красный остров, Москва, Тукман, Советский активист, имени Буденного, 18 партсъезд, имени Чапаева, Звезда, Красный кустарь, имени Красина, Веселый пахарь, Красный сибиряк, имени Жданова, еще раз Красная

Армия, Свободный труд, Красная заря, Коммунар, Советский север, имени П. Осипенко, имени Молотова, имени Карла Маркса, Красное знамя, имени Калинина, Труженик, имени Куйбышева.

Каждая казахская семья, вступая в колхоз, отдавала в общее пользования часть скота. Кроме того, новой сельхозартели на первых порах помогало государство. По плану отпуска кредита на покупку скота для фермы ДвКА, как и другим колхозам, отпустили 1000 рублей²⁵.

В феврале 1939-го председатель Ереминского сельсовета Новопашин обратился к пленуму райисполкома с просьбой помочь казахам приобрести семена и сельхозинвентарь. Документ-выступление Новопашина по данному факту на пленуме гласит:

Ереминский сельсовет по подготовке к открытию 18-го партийного съезда провел большую работу по подготовке к весеннему сезону. Ремонт с/х инвентаря в основном закончен. Бронь сена на месте есть. Недостатки семенного материала по с/хоз артели им. Буденного не хватает пшеницы 152 цен., технических культур. Агроном Райзо и МТС редкие гости в колхозе, мало оказывают помощи. У меня есть просьба к пленуму Райисполкома оказать помощь вновь организованному колхозу им. ДВК, дать ссуду для приобретения с/хоз инвентаря и семенного материала²⁶.

Шесть домов на улице муллы

Аул ДвКА находился в восьми километрах от центральной усадьбы, деревни Еремино, и в 21 км от райцентра, села Нижняя Тавда.

Осень 1938 года и почти весь следующий год прошли в строительном ажиотаже. Весть об организации казахского колхоза по «сарафанному радио» *узун-кулак* (длинное ухо) быстро распространялась от района к району. Прибавлялось число желающих вклиниться в сельхозартель. Люди приезжали, вступали в колхоз и обустраивались на новом месте. Получали ссуду и строились. Несмотря на холодную сибирскую зиму, кипела работа по обустройству аула, возводились ферма и школа. В 1939 г. в ДвКА вернулись уехавшие в Ак кол год тому назад семьи Кызылбаевых. Вместе с ними в Нижнетавдинский район приехали Торезановы, Елембаевы, Дисенбековы, чуть позже Абитовы.

Ваульный «котан», как казахи называют само поселение, человек попадал, пройдя через давно высохшее небольшое старое русло (сай). Сразу на возвышенности вправо уходила первая улица, состоящая из шести домов. В крайнем первом доме проживала семья Ерден Нурпеисова.

Ерден Нурпеисов с супругой Кайшой имели пятерых детей: сыновей Сейтах, Кази, дочерей Шапию, Багилу и Нагиму. Старшая дочь Шапия была замужем за Мергалымом Касимовым. Уже на второй год семья проживала в одном из пяти «кулацких» домов, проданных ДвКА. Учившийся в юности в медресе Ерден стал аульным муллою. Статус духовного служителя в казахском обществе в те годы был высоким.

- В ауле очень уважительно относились к нашим муллам – Ердену-мулле и Ибраю-мулле, – вспоминает Камиша апа Акишева. – Я была тогда девочкой-подростком. Помню, однажды я играла в классики возле дома. Начертила на земле «классы» и прыгала из одного в другой. Это увидел мой старший брат Мырзагали. Он строго-настрого запретил мне прыгать возле дома муллы Ердена, говоря, что так нельзя делать, нужно уважать муллу, следует вести себя скромно рядом с его домом.

Во втором по счету жилье, также приобретенном в Еремино после высылки прежних хозяев-«кулаков», проживала семья Акишевых-Бижановых, состоявшая в 1939 году из девяти человек: постаревшего Акыша, его жены Калимы, их младших детей Камиши и Молдагали; сына Акыша - Мырзагали, его супруги Алтын, их сына Жаслана; дочери Алтын от первого брака - Кадиши. В этот период вместе с родными проживала взрослая дочь Акыша от первой жены - Сапура.

По приезду в Нижнетавдинской район Мырзагали Акишев сначала был назначен управляющим районной конторы «Заготскот», но вскоре его по распоряжению райисполкома перевели на должность председателя колхоза ДвКА.

В третьем доме, двухэтажном, бывшем «кулацком», перевезенном из деревни Еремино, проживали Букаевы-Кожырбаевы. Согласно архивному документу в количестве восьми человек: Бокай, его жена Кален, сыновья Сураган, Байман; Мырзабек, его жена Шайя,

дети Шарип. Асыл. Старшие дети Мырзабека Алатай и Балатай, которых отец вывез, накрыв кошмой, из Майбалыка в тридцатом году, умерли по болезни в первые годы скитаний в Заводоуковском районе. Абижа и Бокай жили с семьями на втором этаже, первый служил подсобным помещением.

В четвертом по счету доме жили: семья Жантаса Касимова (супруга Масаты, дети Кожагали, Смагул, Нурзиля. Искак, Аманжол); братья Жантаса – Актас и Жумакожа; двоюродный брат Косылбай Шопенов с женой Камаль, брат Косылбая Дауренбек. В первый год жили все вместе, затем для семьи Косылбая построили дом по соседству. Работал он заведующим фермой. Председатель ревизионной комиссии колхоза Жантас возглавлял еще и комиссию по разбору жалоб и конфликтов.

Следующим на улице стоял дом Шаукеровых из рода нуралы-керей, выходцев из аула Майбалык Пресновского района.

По воспоминаниям Карима-хаджи Шаукерова, его отец Жалмакан скрылся от раскулачивания с семьей (женой Умсынай, сыновьями Кадыром, Каримом и матерью Жаныл) еще до того, как в степь нагрянул голод, в начале тридцатых годов. До приезда в ДвКА потомки Шаукера-хаджи жили в Исетском районе (там ушел из жизни отец), затем в селе Марай Курганской области.

В шестом по счету доме, последнем на улице, жили Абраевы из рода кошебе-керей, выходцы из Майбалыка. Ауталиб Абраев с отцом Ибраем (Абраем)-муллой и супругой Сабиллой. Ауталиб недолго задержался в ДвКА. Как первоклассный специалист-техник вместе с братом Аушарипом он уехал поднимать тракторный парк Тюменского района, впоследствии стал председателем сельского совета в селе Ембаево Тюменского района.

В конце, между первой улицей и следующей, примыкая к лесочку, находилась колхозная баня, чуть дальше от нее колодец-журавль.

Есть улица Центральная...

Следующую улицу, самую длинную, можно назвать «Центральной». Если возвращаться со стороны Абраевых и идти в направлении «кулацких» домов, то напротив дома Абраевых на

соседней улице располагались дома братьев Сергазы и Седена Торежановых, выходцев из аула Аимжан Пресновского района. Торежановы также бежали от раскулачивания. Были сыновья Торежана в ауле самыми рослыми, каждый под два метра ростом, и крепкими, так что могли в одиночку укротить буйного жеребца. Шесть сыновей-батыров имел Торежан: Сергазы, Ахмет, Махмет, Серали, Алкен, Седен. Не все они дожили до седин, некоторые из братьев сложили свои головы в противостоянии красных и белых.

В ДвКА проживали с семьями Сергазы и Седен, их племянники Нурмагамбет и Баиш (сыновья старшего брата Серали). До прибытия в Нижнетавдинский район Торежановы жили в селе Белозерка Курганской области, затем в ауле Ак кол возле Голышманово.

Несмотря на запрет многоженства, Сергазы Торежанов жил в ДвКА сразу с двумя женами, хотя за это уже могли привлечь. Супруга Разиля родила ему сына Касымхана и дочь Гульбайрам. Жена Маглупа подарила мужу дочерей Сайран и Кайни. Другие дети Сергазы Торежанова умерли по болезни.

Соседями братьев Торежановых на улице Центральной были другие братья, Ахметовы Шарип и Базарбай, сыновья Ахмета Хомутова из рода кантаев, выходцы из аула Балуан. Семья Шарипа Хомутова согласно архивным данным состояла из пяти человек. Базарбай Ахметов проживал с двумя детьми от первого брака – сыном Биржаном и дочерью Маржан. Вторая супруга Базарбая, татарочка Катира, влилась в семью Ахметовых со своими двумя детьми – дочерью Фаягуль и сыном Мингаязом.

Следующими на этой улице располагались дома братьев Арына (проходящего в архивах под именем Иван Тасбаев) и Шериаздана, сыновей Каймолды Тасбаева.

Шериаздан имел семью в количестве пяти человек (отец Каймолда, жена Шару, сыновья Серик и Казикан). Арын – четырех (жена, сын Ескендир, две дочери). Третий сын Каймолды Туяк носил фамилию по имени отца, проживал с супругой Шарипой и сыном Саруаром. Здесь же рядом жил брат Каймолды Канапья Тасбаев. Отдельной семьей в архивах проходит и Таокей Тасбаева.

После Тасбаевых на Центральной, если идти, повторюсь, в обратном порядке от конца улицы к ее началу, находились дома

братьев Елембаевых. Капыш (настоящее имя Кабдолла), Тайжекен (Айткожа) и Елубай подались в Сибирь уже в конце тридцатых, когда смертельный голод прошел, собрав в степи обильный урожай. До переезда жили в ауле Баян. Решили переехать, когда на родине пошли разговоры о том, что их родственники *кантаи* из Балуана и Амангельды, покинувшие родные края в период голода, хорошо устроились в сибирских краях. Об этом автору рассказал Есим Елембаев, родившийся в 1939 году в районе Мамлютки, когда его родители ехали в направлении Нижней Тавды.

Старший из братьев Елембаевых Капыш приехал в ДвКА с супругой Гайни, сыном Амиржаном, дочерью Азкен. Второй брат Тайжекен и его супруга Куляш - с маленьким Есимом. Младший из братьев, Елубай, к тому времени не был женат. По пути братья тоже успели пожить в Ак коле возле Гольшманово, но недолго. Вместе с семьями Кызылбаевых и Торежановых Елембаевы переселились в ДвКА в конце 1939 г.

Последним в этом ряду стоял дом пожилых супругов Сыздыка и Даметкен Смагуловых, приехавших в ДвКА из аула Айтуар, имевших трех сыновей – Ескендира, Есенбая и Жукубая. Перу Даметкен апа принадлежит известное среди тюменских аксакалов знаменитое стихотворение о колхозе ДвКА.

И чуть в сторонке от дома Смагуловых, в сторону первой улицы, особнячком от других стоял домик Сыздыкова Уали и его матери.

Набережная и улица Самаев

Третья улица находилась у самой речки. Здесь мы с бывшими жителями ДвКА насчитали всего пять жилищ, принадлежавших кантаям. Два крайних дома – потомкам Кызылбая Котырова из аула Балуан. Глава рода Кызылбай приехал в Садок вместе с сыновьями Касымом и Мухамедкали (у обоих семьи состояли из трех человек, как указывается в архивных документах), внуком Мергалимом Касым-улы и его семьей (жена Шапия, дети Маруар, Есламбек, Майраш). Семья Касыма Кызылбаева жила в большом деревянном доме, бывшем кулацком, перевезенном из Еремино, кроме того имела дом в Тюмени.

Следующим на берегу стоял дом Абикуна Дисенбекова. Здесь проживало семь человек. Дети: Туяк, Асан, Коспан, Капай, Майраш. Супруга Абикуна Канипа приходилась дочерью Кызылбаю Котырову.

В двух последних домах проживали с семьями братья Кауш, Хамит и Ныгаш Абитовы, приехавшие в ДвКА, когда колхоз уже функционировал. Кауш (Кабдолла) жил в предпоследнем доме с супругой Шарбан и младшим братом Хамитом (Хабдрахман). Ныгаш (Ныгметолла) – с супругой Газизой и ее детьми от первого брака Жамилей, Сабирой и Салимгиреем, родным сыном Сериком.

Четвертая и последняя улица аула Садок появилась позднее, незадолго до войны, и находилась она перед саем у въезда в «котан». Здесь жили *самай-кереи*, переселившиеся в Нижнетавдинский район из аула Жаркен Северо-Казахстанской области, сыновья и родственники Кызыкбая Ибраева. Этот человек имел трех сыновей. Старший из них, Оспан, в царский период был волостным. В начале двадцатых годов в «*жер козгалыс*» Оспан Ибраев пропал без вести. На чьей стороне, красных или белых, сложил он голову, родные не узнали.

В ДвКА приехали жить два его младших брата Ильяс и Сыздык, и несколько родственников. В первом доме на улице самаев проживала семья Ильяса Ибраева, который воспитывал еще и племянника Искака (сына брата Оспана). В следующем – Мухамеджан Кошкин с супругой Шайзадой и отцом Жакыпом. В третьем – Лукман Магометов с русской женой по имени Мария (родом из с. Падун Заводоуковского района). Надо сказать, что межнациональные браки в те времена были редки. В ходу у казахов-переселенцев была поговорка: «Жаман болса да казак болсын». (Пусть хоть плохим (плохой) будет (жених или невеста), но лишь бы был (была) казахом (казашкой)). Находясь в иноязычной среде, казахи всячески старались сохранить этническую самобытность, трепетно относились к своим традициям.

В четвертом и последнем доме жил с семей Сыздык Кызыкбаев. На этой же улице находилась школа. Детей обучала юная Кадидша Али-кызы Акишева, писавшая стихи на родном казахском и русском языках. Она вела уроки в начальной школе колхоза ДвКА на русском языке.

Жоктау

В год 1939-й, в только начавшуюся обустриваться на новом месте семью Жантаса Касимова пришло горе. Не отступавшая все последние семь лет болезнь Масаты стала все усиливаться. Месяц она пролежала в больнице в Тюмени, но облегчения не наступило. Она решила, что дома в родных стенах рядом с детьми и мужем ей будет лучше и настояла на отъезде в аул. Все последние дни ее названная мать, почти ровесница Калима, и Кален-женгей не отходили от постели. Натирали мазями, читали заговоры, но жар не спадал и только усиливался.

Хоронили ее всем аулом. Муллы Ерден и Ибрай, успокаивая родных, читали заупокойные молитвы. Скорбный женский плач «*жоктау*» поднялся над аулом. Мужчины прижимали к себе пятилетнего сына умершей Аманжолы, который еще не совсем осознавал случившееся, и беззвучно плакали, поглаживая его по голове. Долго в ту ночь Жантас сидел погруженный в думы, долго он повторял аяты, наклонившись над молитвенным ковриком «*жай-намаз*».

«Всякая душа вкусит смерть, затем вы к Нам возвратитесь», - гласит Коран.

Шариат рекомендует сдерживать эмоции, когда уходит из жизни близкий человек, поскольку все люди смертны и у каждого впереди свой час расставания с жизнью, который всяк сущий на земле встретит лицом к лицу. Судьба каждого, *тагдыр*, предопределена Свыше от рождения до могилы. Следуя наставлениям закона жизни мусульман, в семьях некоторых мусульманских народов не так тяжело переносят уход из жизни близкого и родного человека, как это происходит в казахских семьях. Само слово «*жоктау*» заставляет содрогнуться человека, знакомого с его смыслом. Прощальная песнь, погребальный плач в полный голос по ушедшему, когда слова сами вырываются из груди, выплескиваются из души, бросая в холодный пот окружающих, вышибая слезы, выворачивая души и растапливая любое каменное сердце. Жоктау – наследие далеких времен, когда в степи еще не знали учения Мухаммада и жили детьми природы, одухотворяя и обожествляя ее.

Масаты стала вторым человеком, оставшимся навсегда на земле

аула ДвКА. Печальный счет незадолго до нее открыла девочка, удочеренная семьей Кызылбаевых. В третий раз жители ДвКА пришли хоронить Нурмагамбета Торежанова. На год с небольшим пережил свою дочь Масаты Акыш Бижанов. Он ушел из жизни 17 апреля 1941 года в возрасте 74 лет и нашел покой рядом с могилой дочери.

В вечное пользование

Каждая семья в ДвКА имела личное подсобное хозяйство. Судя по архивной таблице²⁷ самыми богатыми по количеству скота в конце 1939 года были Мухамет Кошкин, Мырзабек Букаев и Маннан Берденов, имевшие по четыре коровы. По три коровы имели семьи Базарбая Ахметова, Кызылбая Котырова, Мухамета Кызылбаева, Ердена Нурпенсова, Канапы Тасбаева. по две – семьи Мурзагали Акишева, Жантаса Касимова, Мергалима Касимова, Смагула Сыздыкова, Шериаздана Тасбаева. Шесть семей вообще не имели коров, остальные – по одной коровенке.

Помимо крупнорогатого скота почти во всех семьях имелись лошади, овцы. Баранов больше было у Ердена-муллы и Мухамета Кошкина²⁸.

Каждой семье предоставлялся приусадебный участок. По данному поводу 15 августа 1939 года в Нижней Тавде прошло специальное заседание президиума районного исполнительного комитета. Председательствовал на нем тов. Коновалов, секретарские обязанности исполнял тов. Чусовитин.

Партийное начальство заслушало доклад руководителя комиссии по обмеру товарища Дрокина о результатах посещения им казахского аула. Собравшиеся вынесли постановление. Вот что в нем сказано:

1. Утвердить результаты обмера усадебного пользования в с/хоз. артели им. ДвКА, Ереминского с/совета в следующем виде:

Общая площадь усадебного пользования колхозников 0,93 га

2. Ввиду того, что с/хоз. артель им. ДвКА является переселенческим колхозом еще только в 1939 г. приступившим к освоению приусадебных участков, предложить комиссии создать приусадебный запасный земельный фонд колхоза за счет неиспользованных земель в соответствии с желанием колхозников, но, не превышая нормы утвержденного устава с/хоз. артели им. ДвКА.

3. *Обязать комиссию произвести выграничение земель приусадебного фонда из обще-колхозных земель не позднее 15-го октября 1939 г²⁹.*

По воспоминаниям Камишы апа Акишевой, несмотря на то, что жителям аула отвели приусадебные участки, еще не скоро в ДвКА появились огороды. Однажды брат ее Мырзагали пришел домой с несколькими русскими мужчинами. То был период, когда он переводился с работы в Нижней Тавде на должность председателя колхоза. Оказалось, что старший брат поспорил на работе. Коллеги по заготконторе спросили его, правда ли, что казах способен один съесть целого барана.

– Правда, - отвечал Мырзагали.

– И ты можешь?

– И я могу..

Супруга Алтын сварила в казане тушу. В присутствии коллег Мырзагали приступил к трапезе. Не спеша, под разговоры, он одну за другой освобождал косточки от мяса. Друзья подливали в стакан горячительного. Вдруг один из мужчин мечтательно произнес: «Эх, сюда бы лучку еще!».

– *Бар, атыкел жуа* (иди, принеси лук), – велел Мырзагали младшей сестре.

– Я побежала на улицу и поднялась по лестнице на крышу пристроя, - вспоминает Камиша-апа. – Там на двух грядках я выращивала лук (чтобы на земле их не съели животные), принесла домой. Русские удивились: «Вокруг ни одного огорода, откуда появился свежий лук?!».

– У казахов все есть, – весело отвечал им Мырзагали.

Кончилось все тем, что коллеги проспорили, а на что они спорили Камиша апа уже и не помнит. Аманжол ага Жантасов рассказывал мне, что в Садок специально по заданию Ереминского сельсовета приезжали жители соседних колхозов, русские и чувашаи, учили бывших кочевников сажать картошку.

Как следует из нижеприведенного документа, размер приусадебного фонда был по сегодняшним меркам просто огромным – 1 гектар.

Этот документ был принят в Нижней Тавде 23 сентября 1939

года на очередном заседании районного начальства. Сначала участники собрания прослушали и утвердили проект передачи земель в вечное пользование колхозу. И постановили:

1. Землеустроительный проект, составленный землеустроителем тов. Алтуниным, по установлению границ участка землепользования с/хоз артели им. ДВКА. Ереминского с/совета на общей площади 1146,65 га утвердить без изменения.

2. Произвести исключение из общей площади в границах 1146,65 га следующих участков постороннего пользования:

а) скотомогильник..... 1,00 га

б) кладбище людское..... 0,50 га

Всего: 1,50 га

3. Передать с/хоз артели им ДВКА на вечное пользование землю площадью 1145,15 га.

4. Принимая в расчет существующие на участке кормовые угодия (выпаса и естественные сенокосы), считать возможным допустить к поселению на участке не более 25-28 хозяйств казахо-переселенцев, о чем поставить в известность правление колхоза им. ДВКА.

5. Определить размеры приусадебного фонда колхоза в размере 25 га, считая по 1 га нормы на возможные к поселению 25 хозяйств (выделено автором. - К.К.), что комиссии по обмеру усадеб по колхозам Ереминского сельсовета и принять за основу при выделении усадебного фонда.

6. Для организации правительного учета колхозного имущества, подлежащего оформлению вновь вступающих в колхоз хозяйств, командировать комиссию в составе 3-х человек из представителей Райзо, Райфо и Райплана следующих тов. Бараблина, Жидкова и тов. Васильева.

7. Поручить указанной комиссии привести в ясность для колхозов и президиума РИКа вопрос о произведенном казахами сенокосения на землях других колхозов³⁰.

Судя по последнему пункту, жители аула скопили сено на землях других колхозов.

Напомню, что выше приведен только проект передачи земли в вечное пользование. Сам государственный акт был утвержден и

передан казахам, спустя четыре месяца. В документе, утверждающем государственный акт, говорится:

1. Передать в вечное пользование с/хоз артели им. ДВКА Ереминского с/совета земли общей площадью 1145, 15 га. Для чего в соответствии с п.2 Устава с/хоз. артели им ДВКА, зарегистрированного в Н-Тавдинском РИКе от 7/IX-1938 г.

Произвести выдачу государственного акта за №17 53735 5/Пс.г. Выдачу государственного акта поручить произвести члену исполкома тов. ГАПОНОВУ И.А.

2. Из общей площади земель 1146,65 га находящихся в границах, установленных для с/хоз. артели им. ДВКА, произвести исключение участков постороннего пользования

а) скотомогильник..... 1.00 га

б) кладбище людское0,50 га

Всего: 1,50 га

3. Вошедшие в границы, установленные для с/хоз. артели земельные площади, занятые лесом, передаются с/хоз. артели, право реализации древесины с этих площадей остается за райсельхозлесом, за исключением одинокостоящих деревьев, колков, перелесков, незначительными площадями вкрапленными в с/хоз. угодия и ввиду незначительности площади не имеющих лесохозяйственной ценности, а также защитного значения, реализация которых производится через правление с/хоз. артели, после предварительного согласования вопроса лесохозяйственной и защитной ценности их с райлесхозом³¹.

Председателей колхозов частенько вызывали в сельские советы и в район. Партийно-пропагандистская работа в тот период была на высоком уровне. Проводились политпросветительские встречи, совещания. Руководители колхозов и сельсоветов, которые итак носились с утра до вечера по колхозным делам, заглядывая домой лишь на ночлег, были в гуще государственной жизни, принимали заявления, соответственно требованиям линии партии. Вот одно из них, принятое осенью 1939 года в связи с нарушением японцами границы дружественной СССР Монголии:

«Озверевшие Японские бандиты, трижды проученные в попытках борьбы с могущественной и любимой нами доблестной

Красной Армией, попытались вновь сунуться со своим свиным рылом и завладеть территорией Монгольской народной республики, создав себе плацдарм для новой, большой войны против великого советского народа.

Славные Советско-монгольские пограничники уже отбили аппетиты озверевшего врага, и мы уверены, что при новых попытках враг заплатится у озера Буир-Нур трижды дороже, чем он заплатился на пробном уроке у озера Хасан...

Пусть каждый боец нашей славной Красной Армии помнит, что если потребуются, то на клич великого вождя, нашего отца и учителя тов. СТАЛИНА, на зов нашей партии, мы готовы все как один встать под ружье и принять священную присягу РККА по защите дорогой и любимой нами родины...

Далее текст обязательства гласил:

Обязались: выше поднять революционную бдительность, шире развернуть массово-воспитательную работу среди населения, организовать и укрепить оборонную работу...

Образцово провести ремонт с/хозяйственных уборочных машин, закончив его не позднее 10 июня.

Уборку произвести в самые сжатые сроки и без потерь. Выполнить план заготовки с/хозяйственных продуктов точно в сроки, установленные партией и правительством.

Создать в каждом колхозе первичные организации ОСО и готовить кадры для нашей Красной Армии и Военно-Морского Флота»³².

Колхозы поставляли армии не только людей, но и коней. Руководители района и сельсовета позже всегда приводили в пример казахов аула ДвКА, чьи кони всегда были ухожены и упитаны. Конь в то время был для многих колхозов и трактором, и такси. На лошадях пахали, на них добирались до фельдшерского пункта в Еремино, пасли скот. Кроме того, казахи иногда, когда удавалось, забивали лошадей на согым³³. Одну тушу делили несколько семей. Чаще всего, однако, под согым пускался крупно-рогатый скот.

Районное начальство строго следило за поголовьем коней. За ненадлежащий уход за ними председателей колхозов ждали большие неприятности. Так в одном из документов сообщается, что

председатель колхоза имени Жданова тов. Марков содержал в жутких условиях жеребцов, которые должны были вот-вот отправиться на службу в Рабочую Красную Армию, использовал их на тяжелой колхозной работе, кроме того, ноги многих жеребят попорчены от пута.

«За варварские условия и вывод лошадей из строя привлечь к уголовной ответственности³⁴, – говорится в постановлении. – Обратиться к прокурору в 5-дневный срок оформить в суд».

Вслед за интимным другом

Осенью 1939 года, когда в ауле Садок кипела работа по обустройству колхоза, в Москве чекисты НКВД арестовали и заключили в камеру Бутырской тюрьмы Шаю Голошкекина, который пустил по миру сотни тысяч казахов и принес голодную смерть в десятки тысяч семей.

Еще летом 1933 года, когда кочевники на своих арбах осваивали прилегающие земли и хоронили на чужбине родных, Филипп Голошкекин был отозван из Казахстана в Москву и жил в столице припеваючи. Имел квартиру в центре по улице Серафимовича, казенную машину, хорошее жалованье. Все изменилось, когда его интимный друг Ежов лишился кресла первого лица в НКВД. Утром 15 октября 1939 года за Голошкекиным пришли, как и ранее за его приятелем Ежовым. Голошкекину дали прочесть обвинительное постановление, подписанное новым шефом НКВД Лаврентием Берия. В документе говорилось:

«Пом. начальника следственной части ГУГБ НКВД СССР ст. лейтенант Государственной безопасности Шкурин, рассмотрев следственный материал по делу N 842 и приняв во внимание, что Голошкекин Филипп Исаевич... изобличается в том, что являлся участником антисоветской организации, проводил борьбу против ЦК ВКП(б), а также занимается педерастией.

Постановил: Руководствуясь ст.ст. 128 и 129 УПК РСФСР, привлечь Голошкекина Филиппа Исаевича в качестве обвиняемого по ст. 58 п. 7 и 11, 154-а УК, о чем объявить обвиняемому в настоящем постановлении»³⁵.

Здесь и далее рассекреченные документы из архива ФСБ

цитируются по статье «Цареубийца в руках НКВД», опубликованной в газете «Челябинский рабочий».

В материале также приводится выписка из протокола допроса Джубанова Худайбергена от 30 ноября 1937 года. В момент ареста – профессора-языковеда Казпединститута, члена ВКП(б):

«...Вот и мы говорим, что были перегибы при Голощекине, что значат эти перегибы? Это значит смерть значительной части казахского народа, и только казахского народа. Это лишение его единственного богатства - скота, посредством непосильных поборов, так называемой скотозаготовки. Это отбирание хлеба у казахского народа на хлебозаготовки. В результате массовая гибель казахского народа. Русские не голодали и не умирали... Мы говорим, что перегибы совершил Голощекин и вообще старое краевое руководство, но в таком случае, почему же главный перегибщик Голощекин не привлекается к ответственности? Он даже в партии. За растраниживание денег людей судят, а почему же растраниживание нации, целого народа не считается преступлением? Конечно, это дело не одного Голощекина. Все это происходит на глазах Советской власти...»

В деле три протокола допроса Голощекина, касающиеся его деятельности в Казахстане. Один из вопросов выглядит так:

«... Помимо этого вам предъявлено обвинение и в том, что вы, будучи в Казахстане, проводили вредительскую работу, в частности в период коллективизации. А в этом вы признаете себя виновным?».

Голощекин отвергал обвинение и говорил, что он «проводил твердо партийную большевистскую работу, правильную ленинско-сталинскую национальную политику партии, что может быть засвидетельствовано партийными и советскими документами того времени».

В Заключении по следственному делу Голощекина говорится:

«Произведенным по делу расследованием установлено, что в 1917-1918 гг. Голощекин на Урале примыкал к антипартийной группировке «левых коммунистов». Перед VII съездом партии, на областной Уральской конференции, голосовал против заключения Брестского мира...

На VIII съезде партии участвовал в оппозиции по военному вопросу и выступал с содокладом против Ленина и Сталина.

С 1925 по 1933 год Голощекин, будучи первым секретарем Казахского Крайкома ВКП(б), являлся одним из руководителей правотроцкистской организации, вовлекая в нее новых лиц. В 1931 году Голощекин завербовал в организацию секретаря Казахского Крайкома ВКП(б) Голюдова С.Т. (осужден).

Голощекин высказывал террористические намерения против руководителей Советского правительства...

В предъявленном обвинении Голощекин виновным себя не признал. Изобличается показаниями арестованных Сафарова, Ежова, Лившица и Голюдова (все осуждены).

На основании вышеизложенного Голощекин Филипп Исаевич, 1876 года рождения, уроженец г. Невель Витебской губернии, еврей, гражданин СССР, бывш. член ВКП(б) с 1905 года, до ареста - главный арбитр при Совнаркоме СССР, обвиняется в том, что он является участником антисоветской правотроцкистской организации, вовлекал в нее новых лиц; высказывал террористические намерения, т.е. в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 17-58-8, 58-10 и 58-11 УК РСФСР.

Считая предварительное следствие по делу Голощекина Ф.И. законченным и предъявленное ему обвинение доказанным, руководствуясь специальным указанием директивных органов Союза ССР, - ПОЛАГАЛ БЫ:

Голощекина Филиппа Исаевича, 1876 года рождения - расстрелять.

Начальник следчасти по особо важным делам НКВД СССР - ст. майор Государственной безопасности. /Подпись/ /Владимирский/».

Приговор в исполнение был приведен 28 октября 1941 года.

Трудодни

На территории Ереминского сельсовета до основания ДвКА было семнадцать колхозов, казахский аул стал восемнадцатой по счету сельхозартелью. Были также семь чудом сохранившихся единоличных хозяйств. К концу 1939 года Нижнетавдинский район имел площади: для ярового сева – 16500 га, под зерновые культуры – 15000 га, овощекормовые – 600 га, для технических целей – 500 га³⁶. Издавалась

районная газета под названием «На колхозной стройке». Работники газеты частенько жаловались на недостаток помещения. Вся редакция умещалась в двух комнатах.

Колхозники работали на так называемые трудодни – количество отработанных в колхозе трудовых дней. Полученные доходы должны были в конце года распределяться между колхозниками, согласно этим трудодням. В одном из постановлений, принятых на совещании председателей колхозов Нижнетавдинского района по данному поводу, говорится:

Что значит правильно распределять доходы?

Правильное распределение колхозного дохода – это значит распределение их строго по трудодням. Следовательно, сейчас подготавливаясь к распределению доходов, нужно, прежде всего, проверить правильность начисления трудодней колхозника, проверить, записаны ли они в трудовые книжки. Ведомость с трудоднями должна быть вывешена на видное место с тем, чтобы колхозник имел возможность проверить. Нужно учесть все продукты, все денежные поступления, привести в порядок учет, чтобы не дать возможность разным жуликам и проходимцам расхищать колхозное добро.

Нужно дополнительно начислить трудодни тем бригадам, которые добились в своей работе показателей выше средних по колхозу, как то требует 15-я статья устава с/хоз артели. Это мероприятие явится мощным рычагом к большему развитию соревнования за повышение производительности труда и улучшению качества работы.

Что значит быть готовыми к распределению?

Быть готовым к распределению – это значит выполнить все обязательства перед государством, завершить обмолот, обеспечить колхоз семенами для посева на будущий год, образовать другие фонды, предусмотренные с/х уставом.

Распределению доходов в колхозах должно быть уделено исключительное значение, как задаче определяющей дальнейшее организационно-хозяйственное укрепление колхозного производства³⁷.

Подсчет количества трудодней вели счетоводы. В ДвКА счетоводы менялись не раз. Полгода, с октября 1939 года по март

1940 года в Нижней Тавде на счетовода учился младший брат председателя колхоза 16-летний Молдагали Акишев. Его отличную учебу отметили в районной газете «На колхозной стройке».

Как и было запланировано, казахский колхоз приступил к масштабному севу весной 1940 года. Предстояло засеять 78 гектаров пашни. Со словами «Бисмила» мужчины повели лошадей под сохой, прокладывая первую колхозную борозду. Следом пошли, подтрунивая друг над другом, женщины-сеятели, укутанные в длинные шали. Им что-то весело кричали издали с полей соседнего колхоза жители чувашской деревни Крысово. Что – не разобрать. Но по интонации было понятно, что соседи приветствуют их. Казахи прокричали в ответ свой пламенный сталинский привет. На душе у людей было радостно. Настроения добавили слова председателя Мырзагали Акишева, который сообщил землякам, что он встречался с руководителем райисполкома товарищем Гапоновым и, кажется, убедил его в том, что казахам необходимо предоставить льготные ссуды, как и плановым переселенцам.

В конце тридцатых годов из густозаселенной европейской части страны в малозаселенную азиатскую, на нетронутые целинные земли выезжали тысячи семей. Правительство гарантировало переселенцам льготные ссуды и управляло процессом переселения. По плану, утвержденному Совнаркомом СССР в апреле 1939 года, каждая семья, включенная в этот план и переселявшаяся из малоземельных областей в Сибирь, получала на ремонт и обустройство дома 500 рублей, на хозяйственные цели 300 рублей, а так называемые бескоровные семьи дополнительно по 800 рублей на покупку коровы.

Воспользоваться дополнительной льготной ссудой решили и колхозники ДвКА. Но мешало одно обстоятельство – они не были плановыми переселенцами. Тем не менее, в начале 1940 года они подали в райисполком ходатайство о предоставлении льгот. Но районное начальство тогда отказало, хотя другим неплановым переселенцам предоставило льготы. Причина в том, что казахи уже приехали в Нижнетавдинский район со своей живностью, другие же неплановые переселенцы не имели скота. Заявления всех рассматривались в Нижней Тавде 18 января. В постановлении говорится:

Слушали:

Разбор заявлений неплановых переселенцев колхозников о включении их в плановое переселение, вселившихся в колхозы Н-Тавдинского района: «Кр. Рыбак» - 4 семей, «Коммунар» - 30 семей, «Советский север» - 10 семей, им. П. Осипенко - 28 семей, «Отряд Буденного» - 35 семей, им. Чапаева - 5 семей, «Веселый пахарь» - 10 семей и им. ДВКА - 42 семьи.

Постановили:

1. Просить Омский переселенческий отдел войти в ходатайство перед правительством о зачислении неплановых переселенцев в число плановых переселенцев и предоставить положенные льготы, как плановым, вселившимся в колхозы: «Кр. Рыбак» - 4 семьи, «Коммунар» - 30 семей, «Советский север» - 10 семей, им. П. Осипенко - 28 семей, «Отряд Буденного» - 35 семей, «Веселый пахарь» - 10 семей, им. Чапаева - 5 семей.

2. В связи с тем, что колхоз «Коммунар» организован из числа переселенцев, просить областной переселенческий отдел поставить вопрос об отпуске семенной ссуды колхозу «Коммунар» на посевную площадь 130 га 250 цен.

3. Колхозникам колхоза им. ДВКА в просьбе о предоставлении им льгот наравне с плановыми переселенцами отказать в виду того, что они приехали из районов Омской области и имеют в личном пользовании лошадей 31 голову; крупнорогатого скота 41 голову; и овец 51 голову³⁸.

Весной Мырзагали сообщил, что он ведет переговоры относительно предоставления льгот и, вероятно, к осени вопрос будет решен положительно. Так оно и вышло. В октябре того же года появилось в свет следующее решение райисполкома, где вместо 42 семей фигурирует цифра 27:

Учитывая, что колхоз им. ДВКА является вновь организованным колхозом, состоящим исключительно из казах-переселенцев, прибывших в Н-Тавдинский район в 1939 году и переселившихся на землях ГЗФ, посев яровых культур в колхозе составляет 58 га, посеяно озимы в 1940 году 20 га, следовательно всего освоено земли 78 га из 235 га пустошей и залежей, переданных колхозу по акту вечного пользования землей.

Руководствуясь Указанием Уполнаркомзага по Омской области от 18/ IX-40 года № 15/189 о предоставлении льгот неплановым переселенцам прибывшим на новые места жительства в 1939 г. и 1940 г. наравне с плановым переселением.

Решили:

1. Просьбу членов с/хоз. артели им. ДВКА в количестве 27 хоз. удовлетворить и предоставить им полагающуюся по закону льготу наравне с плановыми переселенцами.

2. Поручить уполнаркомзаг по Н-Тавдинскому району тов. Тупалову произвести перерасчет указанному колхозу по хлебопоставкам на 1940 год³⁹.

В 1940 году колхозники ДвКА получили урожай 5,3 центнеров с гектара. Выше мы отмечали особенность партийных работников тех времен ругать, одновременно расхваливая. За 1940 год из шестидесяти с лишним колхозов Нижнетавдинского района не оказалось ни одного, работой которого осталось бы удовлетворенной районное начальство. На подведении итогов отмечалось, что все сработало плохо. (Газета «На колхозной стройке» все лето сообщала об успехах на полях). На подведении итогов в районном центре председателю Мырзагали Акишеву было указано, что колхозники ДвКА отработали слабовато. до 50 трудодней выработало всего 6 человек. Низкая урожайность привела к тому, что колхоз не выполнил обязательств перед государством и не засыпал семена на сев 1941 года. План подъема зяби также не выполнен. Тем не менее, депутаты исполкома решили:

1. Годовой отчет колхоза им ДВКА утвердить.

2. Обязать председателя колхоза т. Акишева принять меры и в ближайшее время выполнить план засыпки семян.

3. Выполнить в 1941 году план поголовья скота и сдачи продукции государству:

4. Предложить правлению колхоза безусловно выполнить план зимних агромероприятий.

5. Обязать председателя ревкомиссии производить ревизию не реже одного раза в квартал⁴⁰.

В сравнении с другими хозяйствами работа колхозников ДвКА все же была на высоте. Тех же, кто плелся в хвосте соцсоревнования,

ждало суровое наказание. Председателя колхоза имени Горького товарища Пузина, подчиненные которого выдали самую низкую урожайность в районе, сняв с должности, на этом же заседании районные депутаты отдали под суд за «вредительство»¹¹.

Перые тучи

Казахский колхоз жил своей автономной жизнью, не похожей на жизнь в других соседних деревнях. Старики, не таясь, читали намаз, что не могли себе позволить в те годы даже в Казахстане, где аксакалы совершали пятикратную молитву, плотно занавесив окна. Почти все взрослое население в ауле Садок соблюдало пост в месяц Рамадан. На Курбан-Аит с раннего утра ребяташки бежали в соседские дома с протянутыми ладонями: «*Айттык, айттык...*». Получив гостинец, пускались стремглав в соседние улицы, чтобы на айттык испить терпкого *кумысу*, густого *айрана*, намазать на теплый *жұқа-пан*¹² толстый слой *каймака*.

Казахское «айт» (скажи) созвучно с арабским «аит» (праздник), поэтому у казахов праздник-аит трансформировалось в «айттык» (мы сказали, в смысле, первыми сказали-попросили гостинец).

Но и тут в ауле, где почти все приходились друг другу родственниками, районное начальство имело свои глаза и уши. В декабре 1940 года по обвинению в нетрудовых доходах арестовали Шериаздана Тасбаева и его младшего брата Туяка. Покупку коней для последующей реализации посчитали спекуляцией. Не лишённые предпринимательской жилки потомки Тасбая занимались торговлей мясом. Коней покупали в уральских деревнях, мясо продавали на городском базаре Тюмени. По воспоминаниям Серика Тасбаева, однажды Ерден Нурпенсов привез прямо в вагоне пассажирского поезда тридцать курдючных овец. Со станции пригнал их пешком в аул. Позже эти овцы хорошо подправили породу барашков деревень Ереминского сельсовета.

Торговля мясом дорого обошлась братьям. Суд приговорил Шериаздана и Туяка к двум годам заключения с конфискацией скота. Младшего брата спустя два месяца освободили по указанию из Москвы. Оказалось, что Шериаздан обратился с письмом к председателю президиума Верховного Совета СССР

М.Калинину, брал всю вину на себя и просил освободить Туяка.

Затем тучи нависли и над самим основателем колхоза. Кто-то сообщил в район, что Ерден Нурпеисов продолжительное время не выходящий на работу агитирует людей к переезду обратно в Казахстан.

Ерден Нурпеисов, который был уже не молодым человеком, на второй год жизни на новом месте затосковал по родным степям. Репрессии в конце тридцатых пошли на убыль, и все чаще его стала одолевать мысль о возвращении на родину. Казаху, всю сознательную жизнь прожившему на своей земле, тяжело привыкать к чужбине, тягостно осознавать, что похоронят его не в своем отечестве. Не дождавшись окончания посевной, мулла уехал в Казахстан и вернулся только в августе. Согласно уставу сельхозартели колхозников, отсутствовавших на работе без уважительных причин, полагалось наказывать, как и в любой иной организации. Нурпеисовым заинтересовалась районная прокуратура. Жителям аула ничего не оставалось, как 18 августа на своем собрании вынести решение об исключении Ердена Нурпеисова из числа колхозников. А на следующий день, 19 августа, Ердена Нурпеисова и председателя Мырзагали Акишева вызвали в Нижнюю Тавду. На заседании райисполкома в этот раз присутствовал сотрудник прокуратуры Чеканов. Вопрос по Ердену рассматривался пятнадцатым по счету в повестке дня. В решении райисполкома говорится:

Нурпеисов Ерден с начала 1940 г. выработал всего лишь 10,8 тр. дней, а его жена 10 трудодней.

Нурпеисов систематически не подчинялся правлению колхоза, самовольно со спекулятивными целями разъезжал куда угодно. Во время посевной кампании после того, как было вынесено решение общего собрания колхоза о использовании кумысных кобыл на посевной кампании, Нурпеисов имеющуюся у него в единоличном использовании кобылу первоначально скрыл, а потом самовольно выехал в Казахскую АССР и проездил 2 месяца. Вернувшись из Казахстана подал заявление о выходе из колхоза и имел намерение уехать в Казахстан, якобы имел там согласие колхоза о его приеме в члены колхоза.

До и после возвращения из Казахстана Нурпеисов систематически занимается разлагательством трудовой дисциплины

в колхозе, вел агитацию среди колхозников колхоза им. ДВКА о выезде обратно в Казахскую АССР.

В результате его разлагательской деятельности колхозники совершенно не стали выходить на работу, а 8 хозяйств подали заявление о выходе из колхоза имея цель, так же, как и Нурписов, переехать в Казахстан.

Все это привело колхоз к тому, что получился полный срыв проведения хозяйственных работ.

Решили:

1. Постановление общего собрания колхоза им. ДВКА Ереминского сельсовета от 18 /VIII-40 г. утвердить – исключить Нурписова Ерден и его семью из состава членов колхоза.

2. Обязать Зав.райфо тов. Жидкова, уполномоченного тов. Тупалова произвести начисление по обязательным госплатежам и по госпоставкам, как на единоличное хозяйство.

3. Просить Райпрокурора тов. Кузнецова немедленно провести следствие по разлагательской работе проводимой Нурписовым в колхозе им. ДВКА на предмет передачи материала в суд для привлечения Нурписова к уголовной ответственности¹³.

Любопытно, что в другом документе, справке Ереминского сельсовета от 15 августа 1940 года о снятии Ерден Нурписова с учета указана другая дата общего собрания колхозников, где было принято решение об исключении из колхоза – 11 августа 1940 года. Справка подписана председателем Ереминского сельсовета Сухановым.

По воспоминаниям Серика Тасбаева Ердену удалось избежать суда, его выпустили из Нижнетавдинского изолятора, после того как человек по имени Кази привез какие-то бумаги из Петропавловска о былых заслугах Ерден. Как только его отпустили, Ерден Нурписов покинул ДВКА. Семья обосновалась в казахском колхозе Кызыл-Ту в Омутинском районе. Об этом свидетельствует справка колхоза Кызыл-Ту от 29 октября 1940 года, выданная «членам колхоза Нурписовым Ердену и Канше в том, что таковые следует на родину в Казахстан для приобретения хлеба для своих семей».

В следующей справке Кызыл-Ту от 11 января 1941 года также сообщается, что член колхоза Нурписов Ерден «следует на родину в Казахстан для приобретения хлеба для своей семьи, так как колхоз

вновь организован». Далее из текста следует, что новому члену колхоза, имеющему на иждивении «5 душ детей» при распределении не досталось урожая в «в виду всякими недоемками урожая 1940 года».

В этом же году Ерден с семьей вернулся в Казахстан, в колхоз имени Аманкельды Майбалыкского с/исполкома Пресновского района Северо-Казахстанской области.

Наступивший год 1941-й не предвещал ничего недоброго. В первом квартале колхозу ДвКА выделили государственный кредит в сумме три тысячи рублей на покупку скота. поголовье животных на ферме увеличилось и за счет зимней окотной компании. Периодически колхозники выходили на расчистку от снега вверенного участка дороги – 10 километров от Березовского моста до границы Велижанского района.

Аульская молодежь – Амиржан Елембаев, Актас Касимов, Баиш Сералин, все те молодые парни, которым суждено будет не вернуться с войны, словно чувствуя выпавший на их долю короткий отрезок жизни, торопились погулять. По вечерам они запрягали сани и мчались в соседнюю деревню Крысово по расчищенной днем дороге, мчались, поднимая снежный вихрь, чтобы вернуться под утро, когда из печных труб аульных домов поднимется вверх столбом сизый дым, а за окнами, спрятанными за толстым слоем снежных узоров, возникнет тусклый свет керосиновой лампы. Вот-вот распахнется дверь председательского дома, и глава колхоза Мырзагали ага направится в контору по хрустящему под ногами белому снегу. Вот-вот замычат на ферме коровы, услышав как к ним гремя ведрами идут за утренней дойкой одетые в фуфайки и фартуки колхозницы.

Бұл майдан көпке ортақ ұлы майдан,
Ер жігіт басын тартып жүрсін қайдан.
Қайтарып жаудың бетін қан майданда,
Сүйікті Отаныма тиген пайдам.

Мырзағали Ақишев

ГЛАВА 3. МАЙДАН⁴⁴

Ит койлек

Известие о начале войны в аул ДвКА пришло в первый же день, когда на западе немецкие танки, ломая заградительные сооружения, били прямой наводкой по стенам Брестской крепости. Вот как об экстренном собрании колхозников, последовавшем после сообщения о начале войны, вспоминает Карим ага Шаукеров:

– Мне было тогда одиннадцать лет. В то утро я вышел во двор, чтобы идти к друзьям-мальчишкам. На улице увидел Мырзағали, мы все его называли уважительно *бапа*. Народ очень любил и уважал его за справедливость и доброту. Он был строг и мягок одновременно, мог подшутить с младшими, всегда почтительно разговаривал со старшими, хорошо играл и пел на домбре. Бапам велел мне сбежать к стаду, сказать чабану, чтобы он гнал овец в аул, будет большое собрание, нужно отобрать самых упитанных овец на угощение. Я побежал к стаду, помог пригнать овец...

К конторе на неплановый *жилыс*⁴⁵ уже стекался народ, стар и млад. Собрание решили провести на улице из-за большого количества народа. Встав за покрытый красным кумачом стол, председатель начал свою речь перед земляками. Мырзағали говорил о предстоящих трудностях, о том, что еще не скоро вернуться счастливые времена. На долю нам выпало жить в горестное время, говорил он, волей судьбы мы оставили родную землю, но впереди еще более тяжкое испытание – война! Мужчин призовут на фронт, основная работа в колхозе ляжет на плечи женщин, молодежь и стариков. Председатель говорил, что, несмотря на все трудности, не нужно опускать руки, армия Гитлера сильна, поэтому колхозу нужно с удвоенной силой взяться за работу, чтобы приблизить день победы над врагом...

На поляне закипали казаны. Долго в тот день сидели за

дастарханом люди и не торопились расходиться по домам, общая беда объединила их всех. Слова председателя о скорой разлуке с мужьями, братьями и сыновьями не давали покоя женам и матерям, глаза их увлажнялись от одной мысли о предстоящей разлуке. «Что ждет нас в будущем? Как жить дальше?!» – спрашивали себя люди и не находили ответа.

– 22 июня я с Туяком, братом отца, и аксакалом Седеном Торежановым был в Верхней Тавде. – вспоминает Серик ага. – На арбе мы ездили туда по торговым делам. Около 11 часов мы сидели в столовой. Взрослые взяли уху, мне, мальчишке, купили манную кашу, чтобы я не проглотил рыбью косточку. Вдруг все зашевелились, стали выходить на улицу. Из громкоговорителя передавали о начале войны. Выступал Молотов. Собралось много народу, женщины плакали, мужчины говорили, что надо идти в военкомат и записываться добровольцем. Мы выехали обратно в аул. По дороге назад проезжали мимо колхоза Комунна. Там уже все знали о начале войны. Многие плакали. В ДвКА мы приехали к вечеру. Утром следующего дня в аул приехали Семенчук, Елишева, Суханов.

– Мырзагали и председатель Ереминского сельсовета Суханов решили пойти на фронт добровольцами, чтобы стать примером для других. – рассказывает Карим ага. – В первое время руководителей колхозов брали на войну, но потом появилась бронь для них, поэтому Базарбай избежал повестки...

Перед тем как навсегда оставить аул Мырзагали представил нового председателя колхоза – Базарбая Ахметова, сказал, что вопрос о его назначении уже согласован в районе. Кандидатура Ахметова не вызвала возражений и кривотолков. Да и не до обсуждения деловых качеств Базарбая тут было дело. Мысли колхозников были заняты иным – предстоящей разлукой с родными.

Так и осталось непонятным, почему Мырзагали Акишев решил оставить после себя председателем Базарбая Ахметова, принесшего впоследствии немало страданий землякам, хотя были десятки других достойных кандидатов. Все ныне здравствующие жители ДвКА на этот вопрос мне отвечали, что они не знают, почему так поступил Мырзагали. Знакомясь с архивными документами в военкомате, обнаружил такой документ в адрес семьи Базарбая:

«Препровождаю извещение семье красноармейца Ахметова Берджана, прожив. в д. Садок, пропавшего без вести в боях в районе Элисенвара 4-го июля 1941 г.

Служившего в 450-м стрелковом полку⁴⁶».

Биржан Ахметов, сын Базарбая, призванный в армию еще до начала войны, пропал без вести через двенадцать дней после нападения Германии на СССР. В карельском городе Элисенвар Ленинградского военного округа в июне сорок первого располагался 102-й погранотряд НКВД, вступивший в бой 29 июня 1941 года. На помощь пограничникам, вероятно, и был переброшен стрелковый полк Бирджана Ахметова.

Мырзагали, как председатель колхоза, не мог не знать о пропаже без вести сына Базарбая. Можно предположить, что, остановив свой выбор на Базарбае, Мырзагали как-то попытался смягчить горе отца, потерявшего родного сына.

Как следует из книги призыва военного комиссариата Нижнетавдинского района, сам Мырзагали Акишев был призван приказом №21 от 30 июля 1941 года⁴⁷. За несколько дней до него, 13 июля, идти в армию пришло время Туяку Каймуллину⁴⁸, младшему брату Шериаздана Тасбаева.

По воспоминаниям Жамили Букаевой, на проводы Мырзагали в доме Акишевых собралась вся молодежь аула, и она в том числе, было много гостей. Играл патефон. На огне готовился бешбармак. Девушки и джигиты, сев вкруговую, играли народные игры, много смеялись и шутили. Сам Мырзагали больше ходил с младенцем Копжасаром на руках, прижимая сына к груди, лаская его, вдыхая родной запах.

Покидая наутро свой дом, Мырзагали взял в дорогу детскую распашонку сына *«ит койлек»*. Странное название *«ит койлек»* связано с древними народными поверьями. В юрте кочевника в суровой и скудной степи вставал на ноги и выживал лишь один из пяти-шести младенцев. Дабы оградить их от злых духов и холода, в старину новорожденных одевали в теплый и толстый *«ит койлек»*, который затем не снимали в течение сорока дней. После первого купания через сорок дней и подстрижки первых волос и ногтей, в *«ит койлек»* заворачивали сладости, затем его завязывали на шею собаки и отпускали пса прочь. Аульные ребятишки догоняли собачку

и, отвязав сверток, делили между собой сладости. А «ит койлек» забирала бездетная женщина в надежде родить ребенка.

Обряд с собачкой давно ушел в историю, но первую распашонку малыша в ДвКА продолжали называть «ит койлеком». Впрочем, и сегодня в казахских семьях Тюмени не забыли это название.

– Провожали Мырзагали всем аулом, весь народ вышел за околицу, - вспоминает Жамиля-апа. – Родные плакали, Кадиша и Камиша, обняв его, не хотели отпускать... Когда арба увозила его в сторону Еремино, они еще долго стояли и, плача, махали руками вслед.

– *Бапам кетті – береке кетті*, – вздыхает Жамиля-апа.

Был еще один человек, с которым в тот день попрощался уже в деревне Еремино Мырзагали. Этим человеком была секретарь Ереминского сельсовета Мария Елишева, носившая под сердцем ребенка Мырзагали. Сын Акыша, женатый по-амангерству, считал, что у него есть моральное право на другую женщину, кроме первой супруги. Этой женщиной стала 20-летняя Мария Федоровна, секретарь сельского совета, где часто по работе бывал Мырзагали. Местные русские и чуваша называли его Василием, а потому, когда через четыре месяца Мария родила девочку, ее назвали Галиной Васильевной...

– Бить врага, бить врага, – стучали колеса по рельсам. Остался позади краснокирпичный, покрытый копотью тюменский вокзал. О чем думал Мырзагали под стук колес в окружении короткостриженных парней и зрелых мужчин в защитных гимнастерках? Как часто бывает сразу после разлуки с родными, наверное, он вспоминал семью и меньше всего думал о войне. Наверное, по пути он часто вытаскивал из вещмешка детскую распашонку, чтобы вновь вдохнуть запах сына, запах, который вызывал щемящую боль в груди, воспоминания и переживания о семье. Как там они?

Аульчане вышли к дороге, когда он вместе с другими новобранцами ехал из Нижней Тавды в Тюмень и проезжал мимо ДвКА по Велижанскому тракту. Он еще раз увидел родные лица, по которым успел соскучиться. Среди встречающих его на дороге он увидел и брата Мырзабека, и мужа сестры Жантаса, и родную Кадишу, и близкого друга Елубая Елембаева, с которым вместе собирались

идти добровольцами на фронт и мечтали оказаться в одной воинской части. Елубая также не заставила ждать повестка. Он был призван приказом №26 от 21 августа 1941 г.⁴⁹

– Отец мой вспоминал, что в августе сорок первого повестки пришли сразу в несколько домов, – рассказывает тюменка Батима Каушевна Абитова. – В день отправки на фронт аульный мулла собрал всех новобранцев за околицей деревни, и все они вместе читали намаз. В соседних русских и чувашских селах, провожая на войну, пели и плясали, в ДвКА каждого уходящего на войну провожали без спиртного, чтением намаза.

Мулла возглашал азан, затем все становились за ним и совершали молитву. Отец Батимы Абитовой вспоминал, что читая на прощанье суры Корана, мулла плакал, и слезы текли по его бороде. Потом, когда телеги с новобранцами трогались и направились в сторону Еремино, мулла велел остальным провожающим оставаться на месте, сам же пошел рядом с телегами. Затем он еще долго стоял, воздев ладони к небу, обращаясь с молитвами к Всевышнему, как это делали в старину предки кочевников, по обычаям аргынов и кипчаков, кереев и найманов, напутствуя батыров на защиту родной земли.

По словам Батимы Каушевны, новобранцев провожал мулла Ерден Нурпеисов, однако это рождает ряд вопросов. Согласно справкам, осенью 1941 года Ерден Нурпеисов уже проживал в Казахстане, в колхозе Аманкельды. Конечно, можно допустить, что пожилой человек специально приезжал в Нижнетавдинский район, чтобы проводить на фронт родственников. Во всяком случае нельзя сбрасывать со счетов и то, что что тем муллой мог быть и Ибрай (Абрай) Сарыкулаков.

Уныло стало в ауле ДвКА с уходом на войну мужей, братьев и отцов. В один из таких скорбных дней, последних в году 1941-м, восемнадцатилетняя учительница аула Кадиша Акишева написала стихотворение, пронзенное тоской по родным Мырзагали и Молдагали. Написала в дни, когда одетый в белоснежный наряд лес не радовал глаз, и сердце ее разрывалось от боли. С мольбой она обращалась к небесам, не зная, куда деть себя от охвативших ее переживаний, тягостных дум по родным, от тоски.

«Без горечи бы я покинула этот мир земной, увидев вновь брата

и названного отца», - мечтала она. «Дни и ночи проходят в слезах и печали. Этот мир стал ничтожен без вас, без любимых родных, по которым и раньше скучала я и не находила себе места, даже если не видела два часа», - тосковала Кадиша. Ее *толгау* опубликовано на последних страницах книги.

Повестка Молдагали пришла 22 декабря 1941 года⁵⁰, а значит, стихотворение, полное трагизма, написано Кадишой в самые последние дни сорок первого.

Нижнетавдинский РВК по приказу №57 в последний день 1941 года призвал в армию Капыша Елембаева, Хамита Абитова, Нуруллу Шигамбаева⁵¹.

20 декабря, ровно через год после осуждения, в ДвКА вернулся из заключения Шериаздан Тасбаев. Вот как об этом вспоминает его сын Серик Тасбаев:

– В тот день вечером у нас были родители Жукубая – Даметкен апа и Сыздык Смагуловы. Пили чай, разговаривали. Даметкен гадала на *кумалаках*. Около двенадцати ночи вдруг на улице залаяла наша собака Китай. Дед велел Ескендиру, сыну Даметкен, посмотреть, может кто-то пришел и не может зайти в дом. Ескен вышел и тут же с криком: «*Агатай, агатай келді!*» - забежал обратно. Следом зашел отец, страшно худой. Он тут же упал у порога. Мы все к нему, плачем. Мы, дети, тут же побежали просить суюнши за добрую весть к родственникам. Я к Абикену, Ескендир – к Касыму...

Шериаздан Тасбаев отбывал заключение в Тайшете. Приехав в Тюмень, направился к Сарсенбаю. Жил в ту пору на улице Мельничной в Тюмени с женой Алкадией казах по имени Сарсенбай Есеналинов из рода самай, в друзьях у которого были все начальники. Рассказывают, что очень пробивной был он, и многим помог землякам, кому советом, а кому конкретными делами. О том, насколько уважали его, можно судить по двустишию, которое однажды сложила Шайя Кожырбаева, жена Бокая, когда Сарсенбай ехал в Садок.

*Кележатыр Сарсенбай – ДвКА-га кун мен ай,
Агаши үйді жуып едік, самаурдын түрінай.*

В стихах говорится, что «приезжает Сарсенбай, который для ДвКА есть светило – он и солнце, и луна. В связи с таким событием, помыт весь дом, но, – досадует автор, – некому оказалось почистить самовар».

Сарсенбай дал Шериаздану одежду и посадил на попутный транспорт, полуторку, следующую в Нижнетавдинский район. Около пяти часов до аула Тасбаеву пришлось идти пешком. Ослабевший в заключении, утомленный дорогой, Шериаздан упал, дойдя до крайней улицы, у дома Ильяса Ибраева. Далее пополз. Вставал, падал и вновь полз в направлении своего дома.

– Десять дней отец приходил в себя, не мог встать, – вспоминает Серик ага. – Пища не шла, бредил, был в горячке. Его лечили, растирали, молились за него. Через две недели отец пришел в себя, взбодрился. Сразу же поехал на кобыле в Верхнюю Тавду. Его не было три-четыре дня. Вернулся с четырьмя конями. Мясо потом мы повезли в Тюмень, часть сдали в тубдиспансер, где главным врачом работал знакомый отца Павел Сазонов, часть – в первый роддом, врачу Иван Сергеевичу. Около десяти дней мы были в Тюмени, купили одежду, продукты.

По возвращению в ДвКА Шериаздан верхом отправился в Нижнюю Тавду, в военкомат, встать на воинский учет. В аул он вернулся с повестками для себя, Жантаса Касимова, Косылбая Шапенова и Мырзабека Букаева...

По воспоминаниям потомков, за день до ухода Жантаса на фронт в семье состоялся такой разговор:

– Камаль, – обратился Жантас к невестке, супруге Косылбая, когда вся семья собралась за круглым столом. – Детей доверяю тебе. Стань для них матерью и отцом. Смагул и Нурзиля уже почти взрослые, они тебе помощники. Отнесись с любовью к младшим, Исаку и Аманжолу.

– *Согыстан кетсем, оз колыннан аман алайын багаларымды, ал кетуге жазбаса – бір шункырдан алайын,* - сказал Жантас. (Чтобы принял детей живыми и здоровыми из рук твоих, когда вернусь с фронта - так можно перевести буквально слова Жантаса, сказанные на прощанье. - А если не суждено будет вернуться, чтобы принял их из одной ямы).

Тут игра слов. За словами «из одной ямы» скрыт глубокий смысл. Жантас пожелал, чтобы в случае его гибели на войне Камаль воспитала его детей в единстве, так, чтобы они всю жизнь держались вместе, были друг для друга опорой. Именно самые близкие люди

впоследствии, когда завершается отмеренный Свыше срок земной жизни, оказываются похороненными рядом. Слова Жантаса оказались пророческими. Сегодня все его сыновья – Искак, Смагул и Аманжол – нашли вечной покой друг возле друга на кладбище у деревни Молчаново в Тюменском районе.

Камаль, утирая слезы, говорила, чтобы Жантас не переживал за детей.

– Берегите себя, - плакала она, обняв мужа Косылбая, не отпускавшего из рук маленькую дочь Кулжан. (Сын Амантай родился через четыре месяца после ухода отца на войну).

Были и такие люди в ДвКА, кто остался доволен отъездом Жантаса Касимова. С началом войны, когда лозунгом стало «Все для фронта! Все для победы!», на общем собрании колхозников Жантас внес предложение пожертвовать от каждой семьи в пользу армии по коню, а кто не имеет лошадей, сдать по корове. В рядах зашумели, не каждому понравилось предложение председателя ревизионной комиссии, но Жантас настаивал, что надо пожертвовать своим имуществом, это их вклад в победу, их обязанность помочь стране и пример для других колхозов. Он настоял на своем. Скрепя сердцем, некоторые расставались со скотом...

Жантасу, Мырзабеку, Шерназдану и Косылбаю предстояло ехать сразу на сборный пункт в Тюмень. Об этом заранее договорились с районным военкомом, чтобы не ждать отправки в Нижней Тавде, и лишние дни ожидания пробыть с семьей.

В дорогу запрягли две саней. Наступило время расставания. Семилетний Аманжол запрыгнул в сани, увозившие отца, вцепился с плачем в родителя. Взрослые оторвали его, но мальчик вырвался, упал в снег и вновь бросился к саням, обнял отца за ногу, крича, что не отпустит его, поедет на войну вместе. Другую ногу обняла с плачем дочь Нурзиля. Прижался к отцу сын Искак.

Скупые мужские слезы упали на головы детей.

– *Кызым, жылама, келеді акен* (не плачь доченька, вернется твой отец), - погладил Жантас хрупкую дочь по голове. Обняв, стал целовать сыновей.

Аманжола оторвали от отца, он пытался вырваться и побежать вслед за санями, вслед за Сериком Тасбаевым, который

не отставая шел следом за отцом, уговаривавшим сына остаться и идти домой.

Провожать новобранцев в Тюмень вместе отправились их жены и Бокай. Когда отъехали километра два, Шериаздан не выдержал. Он обратился к Бокаю со словами: *«Ага, Серікжаным жылапкатдыгой, сізге бір сурыгым бар...»*. Шериаздан попросил Бокаю привезти Серика, который все еще стоял на окраине села. Бокай понимающе кивнул и развернул коня.

Сборный пункт находился в центре города напротив гостиницы «Заря». Казахам удалось договориться с военкомом, и все дни ожидания отправки в воинскую часть они провели не в казарме барачного типа. Днем гуляли по городу, ходили на базар, вечером отправились ночевать либо к Сарсенбаю Есеналиеву, либо к знакомому врачу Ивану Сергеевичу. Одинадцать дней пролетели быстро. Приказом №12 от 7 февраля 1942 года Шериаздан, Жантас, Косылбай и Мырзабек направлялись в учебную часть в город Камышлов Свердловской области, после прохождения которой им предстояло отбыть на Ленинградский фронт.

– Они уезжали 8 февраля, был вторник, – вспоминает Серик Тасбаев. – Стоял сильный мороз под сорок градусов. В те годы зимы были холоднее. Всех призывников разного возраста погрузили в вагоны-товарняки. Дверь закрыли. На перроне было много провожающих, все просили открыть двери вагонов, но их не открывали. Отец крикнул мне с окошка сверху: *«Серік, тентек болма!»*.

Перед самым отправлением состава двери все же открыли. С вагона прыгнули Жантас, Шериаздан, Мырзабек. Косылбай не успел выйти. Раздалось: *«По вагонам!»*, Шериаздан поцеловал сына в последний раз. Заголосили женщины. Пронзительный паровозный гудок заглушил их голоса....

– Вскоре из Камышлова пришло письмо, и наши поехали туда, – рассказывает Серик ага. – Моя мать работала дояркой, Базарбай, председатель, не отпустил ее. В Камышлов поехали мой дед Каймолда, юноша Смагул Жантасов и Шая, жена Мырзабека.

Казахам и на этот раз удалось договориться с командованием. Месяц до отправки на фронт Жантас, Шериаздан, Мырзабек и

Косылбай прожили с родными в селе Мостовой рядом с воинской частью, сняв дом, периодически приглашая офицеров на бешбармак.

В Камышлове новобранцам выдали военную форму: шинель, гимнастерку, сапоги, головной убор. Уже после войны Мырзабек рассказывал, что шапки-ушанки оказались двух цветов – черные и серые. Преобладал серый цвет. Ему досталась черная шапка. Найдя вторую такую же, он протянул шапку Шериаздану Тасбаеву.

– Зачем мне она? – удивился Шериаздан. – У меня есть своя.

– У тебя же серая шапка, а как мы друг друга узнаем в толпе! – засмеялся Мырзабек. – Одевай черную. Вон у Жантаса и Косылбая тоже черные шапки.

Через сорок дней учебка закончилась. Каймолда, Смагул и Шая находились с родными до последнего. Эшелон уходил на фронт со станции Камышлов. Протяжный гудок паровоза возвестил о начале пути в пекло войны. Вскоре проплыли мимо и остались позади уральские горы. Поезд мчал солдат к осажденному Ленинграду, ежедневно подвергавшемуся бомбежке и обстреливаемому в упор из всех видов оружия Вермахта.

Базарбай

12 февраля 1942 года на фронт ушел Кауш Абитов⁵².

Зима сорок второго прошла в ДвКА в тягостном ожидании. Чуда не произошло, война не закончилась к весне. Зато наступила пора сеять, выходить в поле и пахать землю. С раннего утра председатель колхоза Базарбай Ахметов, сев на коня, объезжал дома односельчан. Мимо некоторых строений он проезжал, не останавливаясь. У ряда домов, не слезая с коня, стучал рукояткой кнута по окну.

– Эй, выходи на работу!...

Подъехав к самому крайнему у реки дому, прокричал: «Жамиля, где ты, иди в поле!» Из дому вышла укутанная в шаль девушка восемнадцати лет и пошла в сторону фермы.

– На базе мы с Нурзилай брали быка, шли в поле и запрягали животное в соху, – вспоминает Жамиля апа Букаева (в девичестве Мурзабекова). – Ведь мужчины все ушли на фронт, стало некому работать. Землю пахали мы, девушки и молодые женщины. Я вела быка по пашне, Нурзилай давила на соху. Мы обе маленькие, худенькие,

соха тяжелая. Изотрем в кровь локти, а толку мало. Бык упрямый, не идет. Борозда получается кривой, расстояние между дорожками широким. Подъедет Базарбай на коне и материт нас. Мы плачем от обиды и бессилия.

– Кушать ведь стало нечего из-за проклятого Гитлера, - продолжает Жамиля апа. – Семенную картошку съели зимой. Уходя с поля, приходилось прятать по шепотке зерна в карманы. Однажды Шарбан положила пшеницу в сапоги, мы с Нурзилей рассовали по карманам и только пошли с поля, как раздался топот копыт, и из-за деревьев появился Базарбай. Он закричал Шарбан: «Ты почему босиком, что у тебя в сапогах, а ну-ка дай их сюда». Обнаружив пшеницу, сильно толкнул ее...

- Нам в тот раз повезло, нас он не проверил, - вспоминает Жамиля апа. – Но и мне доставалось. Как-то я набрала пшеницу в специально продырявленный карман материнного чапана. По пути домой навстречу опять попался Базарбай. Почему в теплый день взяла в поле одежду, закричал он, вырвал чапан, начал материть меня, но бить, не бил. Базарбай в основном бил мальчишек, женщин он больно шипал.

- Когда Базарбай проводил собрание, я брала с собой Аманжола, - рассказывает Нурзиля апа. – При нем он не кричал на меня.

Со смехом она вспоминает, как однажды ее брат, юноша Смагул, залез на крышу и оттуда крыл матом Базарбая.

«*Отыз омырткасына дейин боктады* (материл вплоть до тридцати ребер)», - говорит она.

Дауренбек, младший брат Косылбая, рвался драться к председателю, сбежались соседи, чтобы удержать парня. Кожагали, старший сын Масаты, к тому времени был на фронте. Он прошел всю войну. Служил связистом.

По словам другого очевидца, Карима ага Шаукерова, начавшего работать на колхозных полях с двенадцати лет от роду. Базарбай, подъезжая на черном коне к работающим в поле подросткам, останавливался у лесочка, срывал веточку березы, и пока конь нес его к мальчишкам, расчищал ножичком ветку от кожуры: чтобы больше было бить.

- Мы потные все от работы, уставшие, - вспоминает Карим ага. – Базарбай подъедет, огреет веткой: «Почему не работаете?» Даже

если и работаем. Бил меня, Байману часто доставалось, меньше Асану. Мы втроем всегда работали. Я видел, как Базарбай ударил Шайзаду, жену Мухамеджана, невестку деда Жакыпа. Муж ее был на войне, вот и бил Базарбай тех, кто не мог защититься. Старикам давал клички. Сыздыка Смагулова называл «*сакал*» (борода).

Лютым врагом Базарбай стал для пожилых супругов Смагуловых. Даметкен сложила целую поэму, посвященную времени правления в ДвКА председателя Базарбая Ахметова. Прочитав сочинение Даметкен, можно понять, насколько в ней кипела неприязнь к Базарбаю, ставшему виновником гибели двух ее сыновей на войне – Ескендира и Есенбая.

Ескендир Смагулов был призван на войну 3 мая 1942 года по приказу №21⁵³. Парень по пути на фронт скрылся и прятался, то в доме своих родителей, то где придется. В это же время с военной учебной части комиссовали по болезни второго, младшего сына Смагуловых – Есенбая. Из воинской части в Челябинской области телеграфировали в Нижнюю Тавду, чтобы родители забрали тяжелооболыного курсанта Есенбая Смагулова.

– Сыздык и Даметкен привезли сына, – рассказывает Карим ага. – Он не мог вставать самостоятельно и обслуживать себя. Родители ухаживали за ним как за младенцем и выходили его. Через два месяца Есенбай поправился. Мы, подростки, тоже очень радовались его выздоровлению. Есенбай был крепким, сильным и добродушным парнем. Теперь всю самую тяжелую колхозную работу выполнял он, нам, мальчишкам, стало легче.

По воспоминаниям Карима-хаджи, однажды в доме Сергазы Торежанова звали гостей. За одним столом оказались Базарбай и Ескендир Смагулов, скрывавшийся в это время в доме своих родителей. К тому времени в казахских семьях уже не гнушались ставить на стол спиртное. Во время застолья подвыпивший Есендир стал придирается к хмельному председателю со словами: «Базарбай, ты почему притесняешь людей? Почему распускаешь руки, кто ты такой?! Разве Мырзагали для того тебя оставил *баскармой*⁵⁴, чтобы ты издевался над народом?!» Базарбай в свою очередь упрекал парня в дезертирстве. Вот-вот за столом начнется потасовка. Но люди вовремя растащили спорщиков друг от друга. Ескендир ушел домой

спать. Базарбай, не дожидаясь восхода, сел на коня и поскакал в направлении Нижней Тавды.

– Братья Смагуловы оба скрываются дома, – с порога заявил Базарбай, забсжав в воснкомат. – Один дезертир, второй комиссован с армии, хотя здоров как бык, сами убедитесь в этом...

В тот же день братьев Ескендира и Есенбая под конвоем увезли в Нижнюю Тавду. По всей видимости, старший из братьев покинул воинскую часть еще до принятия присяги, и поэтому не был приговорен к высшей мере наказания, так как по законам военного времени лиц, оставивших самовольно части действующей армии, расстреливали на месте.

Ескендир попал в штрафной батальон, сражался с немцами на самой передовой, место его гибели осталось неизвестным. А Есенбай дошел до Польши и погиб под Варшавой, когда советские войска, перейдя в контрнаступление, двигались к рейхстагу.

Ескендир был не единственным беглецом в ДвКА. Действующую часть оставил Лукман Магометов, работавший до войны счетоводом в колхозе. Вот как об его поимке вспоминает Карим-ага:

– Лукман вернулся в Нижнетавдинский район и скрывался в соседних деревнях, иногда заходил в ДвКА. Однажды в колхозе появился человек, то ли русский, то ли чуваш, верхом на кобылке-кляче. Седло старое. Вместо стремян с одного боку свисает веревка, со второго – кожаное подобие стремени. Был он в старой одежде. Проехался по аулу, расспрашивал, где найти Лукмана. Через некоторое время этот же человек вновь появился в ДвКА. Но был он уже на хорошем коне, в офицерской форме, фуражке, весь подтянут, в портупее, сбоку висит кобура с пистолетом, хорошее седло, стремяна настоящие железные. Оказалось, что это человек из НКВД, разыскивает Лукмана. В первый приезд он оставил коня и военную форму в Крысово, притворился дезертиром...

По словам Карима ага, офицер из НКВД в тот день обнаружил Лукмана в соседней деревне Березово. Когда чекист проезжал мимо этой маленькой деревушки в одну улицу и шесть домов, внимание его привлек неизвестный мужчина, заходивший в крайний дом. Офицер последовал за ним в избу с револьвером в руках. Неизвестный оказался разыскиваемым Лукманом Магометовым. Чекист связал ему

руки за спину и, запрыгнув на коня, повел его под дулом пистолета перед собой.

По версии Серика Тасбаева, Лукмана задержали в своем доме в ДвКА. Сын Шериаздана стал свидетелем того, как Лукман раздумывал о побеге. В один из дней до этого в ДвКА появился Туяк, брат Шериаздана, призванный в самом начале войны. Оказалось, что он тоже ушел из сборного пункта. (Забегая вперед, скажем, что впоследствии, в 1944 году, Туяк был обнаружен милицией, после военной учебки в Омской области отправлен на фронт. Погиб он уже после войны 4 августа 1945 года под Кенигсбергом при боестолкновении с бандой).

Туяк приехал в ДвКА за своей женой. Родственники собрали его в дорогу, дали Базарбаю одну тысячу рублей, чтобы он не доложил в район о беглеце, и поехали вместе с Туяком в Тюмень. В доме, где они остановились, вскоре появился Лукман в военном бушлате и буденовке. Он раздумывал, уйти из сборного пункта или остаться, спрашивал у Туяка совета, взвешивал за и против, колебался, наконец сделал свой выбор, оказавшийся роковым. Лукман тут же переделся в гражданскую одежду. Мальчишка Серик хотел было выпросить у него буденовку, но взрослые сказали, что могут появиться вопросы, откуда у мальчика буденовка, чья она.

В Тюмени Серик с родственниками был несколько дней. По пути назад в ДвКА навстречу им попался конвой, сопровождавший арестованного Лукмана. Позже в ДвКА пришло известие, что его расстреляли за дезертирство в Тюмени (в отличие от Туяка Лукман уже был военным). По словам же Салимгирея Мурзабекова, Лукмана расстреляли в показательном порядке в Новосибирске перед строем новобранцев. Об этом ему рассказала уже в послевоенное время супруга Лукмана Мария. Она работала в тюменском мясокомбинате на одной из руководящих должностей.

От войны бежали не только из-за страха погибнуть на чужбине. Некоторые потомки репрессированных, чьи родители погибли в застенках многочисленных лагерей или были расстреляны в период «красного террора», не пылали жадой воевать за власть советов. Одним из таких парней был Салимгирей Мурзабеков внук Жетписбая-хаджи. Отца его Мурзабека в 20-е годы увели из родного дома в ауле

Кенже сотрудники ОГПУ, больше он домой не вернулся. Что с ним произошло дальше, осталось неизвестным.

Уже в тридцатые годы, когда стало ясно, что Мурзабек умер в застенках ГПУ, его супруга Газиза, справив по нему траур, вышла замуж за Ныгаша Абитова с тремя детьми от первого брака – сыном Салимгиреем и дочерьми Жамилей и Сабирой.

- Мне было семнадцать лет, когда 6 мая 1942 года я получил повестку из военкомата, - вспоминает Салимгирей ага. – Мы тогда еще только собирались переезжать в ДвКА, жили в колхозе Бирлик Ильинского сельсовета Казанского района на границе с Казахстаном. В городе Ишиме нам, призывникам, выдали военное обмундирование, сухой паек, отправили в учебную часть в Камышлов. При подъезде к поселку Голышманово я сказал знакомым парням, Есиму и Зейнулле, что не пойду воевать за власть, которая погубила моего отца...

Когда состав остановился на станции Голышманово, новобранец Салимгирей Мурзабеков сказал сопровождавшему офицеру, что пойдет, наберет в котелок воды на станции. Спрыгнул с вагона и, зайдя за здание вокзала, исчез...

В 1942 году, когда старших сыновей Есенбая и Ескендира под конвоем забрали из дому, Сыздык и Даметкен Смагуловы остались с младшим, шестилетним сыном Жукубаем, проклиная Базарбая, в одночасье лишившего их двух сыновей. По словам Серика Тасбаева, с подачи Базарбая вскоре на фронт призвали и парней из ДвКА, которым только исполнилось 17 лет.

За Ленинград

В состав группы «Север», брошенной Гитлером в Ленинградском направлении, входили 16-я и 18-я армии, 1-й воздушный флот и 4-я танковая группа, всего 29 дивизий. Командование группой Гитлер возложил на фельдмаршала фон Лееба. Имея превосходство в технике, авиации и вооружении, фон Лееб быстро прошел Литву и Латвию, и к сентябрю 1941 года вышел к Ленинграду, взять который оказалось не по зубам. Город с трехмиллионным населением превратился в крепость. С сентября 1941 года началась почти 900-дневная блокада Ленинграда. Город научился жить под постоянными бомбежками.

Вокруг города в топких болотах, вкопавшись в нее, насмерть

стояли бойцы Ленинградского фронта, в числе которых были и солдаты из ДвКА. Косылбай, Жантас, Мырзабек попали в одну стрелковую часть. Шерияздана определили в соседнее воинское подразделение. Под Ленинградом воевал и Кауш Абитов. Сюда же через год попал младший брат Жантаса Актас. Противостояли врагу в жутко тяжелых условиях. Не хватало боеприпасов, дальность стрельбы советских орудий в то время уступала немецким, и поэтому вплоть до весны 1942 г. противодействие артиллерии противника носило оборонительный характер. Огненный град сыпался почти каждый день на бойцов.

– Отец бросил курить под обстрелами, – рассказывает Шаймолла Букаев, сын Мырзабека. – Он вспоминал, что кто-то крутил самосад, лежа в окопе, и в это время начали падать снаряды. Отец выбросил махорку, сказав, что «на тот свет я лучше уйду без тебя»...

Трудным оказалось продовольственное обеспечение войск. Зима 1942 года под взятым в тиски городом была особенно морозной.

Из Ленинградского огненного котла вернуться домой удалось лишь Мырзабеку Букаеву и Каушу Абитову. Позже Абижа рассказывал Нурзиле Жантас-кызы о своем последнем разговоре с Косылбаем. По словам Мырзабека, в тот день все они, и Жантас, и Косылбай, находились в окопах, когда начался шквальный обстрел их позиций немецкой артиллерией. Вокруг густой лес. Всюду рвутся снаряды. Горят деревья, свистят пули. Мырзабек лег на дно окопа.

- Мырзабек, где Жантас? Ты не видел Жантаса? - услышал он под грохот и взрывы голос подбежавшего к нему Косылбая.

- Нет, не видел, - отвечал Мырзабек.

Через несколько минут Косылбай вернулся очень встревоженный, сказал, что он не может найти брата, не появлялся ли он. Услышав отрицательный ответ, пошел искать дальше.

Спустя время Косылбай в третий раз подбежал к окопу Мырзабека с тем же вопросом: «Где Жантас?»

– Наверное, как и я укрылся от пуль, – сказал Мырзабек и посоветовал Косылбаю также лечь в окоп и закопаться.

Поблизости рванул снаряд. Косылбай, пригнувшись, побежал за деревья. Вражеский огонь все усиливался...

– Отец и Косылбай писали письма арабской графикой, они мало

о себе рассказывали, все больше расспрашивали о детях. – вспоминает Нурзиля-апа. – Весной писем не стало. Извещение о пропаже без вести пришло к нам летом сорок второго.

Еще долго дети Жантаса и супруга Косылбая надеялись и ждали, вслушиваясь в шаги за дверью, ждали весточки о том, что живы родные, ведь не приходила в их дом похоронка, которую казахи называют «*кара кагаз*» (черная бумага), а значит, еще есть надежда. Томительные дни тянулись одна за другой, таяла надежда, и росло отчаяние. Под осень вернулся в ДвКА Мырзабек Букаев с ранением руки, пройдя жернова особого отдела НКВД.

После ранения кисти его обвинили в членовредительстве и вместе с так называемыми «самострелами» поместили в большую яму в лесу под открытым небом. Сверху наблюдал часовой. В те дни как раз шли постоянные дожди, и ручьи со всех сторон бежали к яме. По очереди подозреваемые вычерпывали воду ведром и подавали наверх. Неизвестно, чем бы все закончилось, если бы Мырзабек не убедил часового позвать к нему начальника особого отдела части. Через два дня настоятельных просьб офицер пришел.

– Расстреляйте меня, если я виноват, – кричал ему снизу Мырзабек. – Я не самострел, и не заслужил такого обращения, я ранен, у меня гниет рука, я не могу сидеть больше в этой яме, прошу вас, или расстреляйте или отправьте на повторную комиссию...

Выслушав его, особист распорядился поднять солдата наверх. Повторная комиссия вынесла Мырзабеку оправдательный вердикт: «Солдат ранен немецкой пулей, отправить его в госпиталь».

– Мырзабек вернулся в ДвКА летом, - рассказывает Серик ага. – Я был тому свидетелем. Мы, мальчишки, в тот день, как обычно, бегали, играли на околице. Издалека показался человек, мы стали гадать, кто это. Человек приближался, он был в пилотке, нес в одной руке шинель, другая была перевязана. Байман с Жасланом побежали к нему, крича: «Абижа, Абижа!» Я тоже побежал. Следом за нами другие. Тот день стал настоящим праздником для аула, в доме Мырзабека зарезали барана, собралось много гостей.

Под Ленинградом в это же время, стоя по колено в болоте, защищал «Дорогу жизни» солдат Кауш Абитов. Дважды его контузило.

– Отец не любил вспоминать о войне, хотя мы, дети, часто расспрашивали его, тяжело было ему вспоминать пережитое, – говорит Батима, дочь Кауша. – Но иногда он рассказывал. Помню, однажды он вспоминал, как их после снятия блокады вытаскивали из болот на носилках, раненых, больных (у многих было хроническое воспаление легких) от постоянной сырости и холода, плохого питания. Отец рассказывал, что всегда отказывался от фронтowych ста грамм. Отдавал спиртное товарищам. Пехотный батальон отца после прорыва блокады вывезли в одну из деревень, освобожденных от оккупации, и там они несколько дней лечились, приходили в себя, местные жители за ними ухаживали. Потом батальон пешком выдвинулся на передовую. Отец дошел до Люблино, там его контузило в третий раз, уже тяжело. Рядом разорвался снаряд, его полностью закопало взрывной волной, чудом остался жив, благодаря товарищам, которые лопатками разбросали землю и вытащили его без сознания.

Во всех крупных и решающих сражениях Великой Отечественной войны участвовал солдат из ДвКА Елубай Елембаев. В составе легендарной Панфиловской дивизии он защищал Москву, затем его воинскую часть бросили в пекло Сталинградской битвы, где сержант Елембаев был ранен. После он был свидетелем гибели на Курской дуге одной из самых боеспособных армии Гитлера.

О том как воевал сержант Мырзагали Акишев свидетельствует рекомендация, написанная его однополчанином Вяткиным в сентябре 1942-го: *«Знаю товарища Акишева Мурзагали по совместным боям с немецкими захватчиками с мая 1942. В 1321 стрелковом полку знают его как преданного, храброго кандидата в члены ВКП (б), знающего свое дело командира орудия.*

Товарищ Акишев в последнем бою огнем своего орудия уничтожил три фашистских танка, разбил два блиндажа и уничтожил свыше десятка гитлеровцев. Благодаря его храбрости атака немцев была отбита, а товарищ Акишев представлен к правительственной награде.

Рекомендую товарища Акишева из кандидатов - в члены ВКП (б), считаю, что в последующих боях с фашистами оправдывает высокое звание члена партии»⁵⁵.

Преодоление

Через год после начала войны некогда многолюдный аул Садок опустел на треть не только в связи с уходом мужчин на войну. Ставший убыточным колхоз стали покидать его жители. В Казахстан уехали Ныгаш Абитов, Бостан Жидебаев. Росло количество могил на кладбище аула. В 1942 году ушла из жизни по болезни, истосковавшаяся по родным Кадиша Акишева.

– Какая она была хорошая, Кадиша, наша учительница, – с горечью вздыхает Нурзиля-апа. – Я четвертый класс у нее окончила. Она чувствовала, что дни ее сочтены. В один из последних дней она попросила сестру Камишу подать ей бумагу и карандаш. И написала:

Апам болса карі еді, кобелегі бар еді

Козінін ағыменен карасы ак жолға кетіп барады...

(В этих строках сожаление о постаревшей матери, которой суждено будет остаться без дочери-любимицы).

– *Япырмай*⁵⁶! Я уже не встану больше с постели сама, – говорила с отчаянием Кадиша. – Я умираю... *Жана гана аяғымды жүзуга колге барган екем, колдін суы аптак молдір екен, аяғым таип кетіп, мені ағын су алып кетті...*

(Сейчас я ходила к берегу озера, чтобы в кристально чистых водах помыть ноги, – рассказывала она о своем видении. – Но только подошла я к берегу, как поскользнулась и упала в воду, и течение унесло меня).

После ухода из жизни Кадиши районо направило в Садок из Нижней Тавды учить казахских детей на некоторое время молодого учителя Николая Виссарова. После него уроки в школе вела чувашка Ольга Дорофеева, но этой девушке с трудом удавалось усмирять буйных казахских ребят, поэтому вскоре она попросилась на другое место работы. Учительницей для малышей ДвКА стала Камиша Акишева, младшая сестра Мырзагали.

– В ауле была только начальная школа, четыре класса, в пятый класс осенью сорок второго года мы пошли учиться в соседнюю деревню Андриюшино, – рассказывает Карим ага. – Мы жили с Жасланом в доме женщины по имени Марфа. На выходные шли домой. До аула – четыре километра. После уроков бежали домой наперегонки. Но пятый класс я не успел окончить. Зимой меня уже

забрали на работу. Базарбай сказал, что нечего мне учиться, читать и писать умею, этого достаточно, колхозу нужны рабочие руки.

– Работали на трудовни, - вспоминает Карим ага. – Радуюсь, когда накопится много трудовней, а осенью огорчаемся: колхоз не выполнил нормы, ничего мы не заработали...

Каждый колхоз по решению районных властей должен был выделять по несколько человек на лесозаготовки. Базарбай отправил трелевать лес подростков – Карима Шаукерова, Асана Дисенбекова и Баймана Букаева.

– Жили мы в лесу, в бараке, разделенном на женскую и мужскую половины, - продолжает Карим ага. – Мужская часть (для нас мальчишек) была небольшой, маленький уголок. Почти весь барак занимали девушки 18-22 лет из деревень Нижнетавдинского района. Они пилили лес вручную. Все остальное выполняли мы. Таскали лес на конях-тяжеловозах, тракторов не было...

Зимой юные лесоповальщики выливали ледяную дорогу, чтобы легче катать лес, мастерили некое подобие салазок, летом в кишашем комарами лесу тяжелая работа казалась и вовсе адской. Из еды давали капустную баланду, хлеба 800 граммов, если перевыполнил план, и 500 граммов, если выполнил. На второй год Карим Шаукеров надорвался на непосильной работе. У исхудавшего кожа да кости подростка поднялась температура за сорок градусов. Промучившись еще несколько дней в бараке, Карим сказал друзьям, Асану и Байману, что он больше не протянет, пусть они доставят его домой, в ДвКА, чтобы если умереть, так умереть в своем доме. Ночью мальчики на конях скрылись в темном лесу.

Как следует из архивных документов, убегали в то время юноши и подростки от тяжелых работ частенько. В основном, уходили из школ ФЗО. Партийное руководство присылало в колхозы предписания, требуя вернуть молодежь и грозя в случае не возвращения к работе привлечением к ответственности.

Когда болезнь стала отступать, в дом Шаукеровых пришел Базарбай и потребовал, чтобы Карим вышел на колхозную работу, хотя у него была медицинская справка от Ереминского фельдшера, освобождающая от работы, и направление в областную больницу в Тюмень на дальнейшее обследование.

На счастье Карима в это время в сторону Тюмени из ДвКА по колхозным делам пошла подвода с грузом, и ему нашлось место в арбе. Назад он вернулся с бумагой от областных врачей: шесть месяцев не поднимать никаких тяжестей. Кладовщик Сураган Букаев зачитал текст неграмотному Базарбаю, и тот отстал от 13-летнего Карима Шаукерова.

В архивах сохранился документ, согласно которому призывали девушек из ДвКА на работы. Вот как он выглядит (орфография сохранена):

Решение Заседания Исполкома Н-Тавдинского⁵⁷

26.10.1942 г. Слушали о призыве молодежи в школу ФЗО

Решили

1. В соответствии с постановлением бюро обкома ВКП (б) и Исполкома облсовета от 9/X-42 г. призвать дополнительно в школу ФЗО в возрасте мужского пола 15-17 лет и женского – 16-18 лет.

2. Утвердить по сельсоветам представленную разрядку по призыву молодежи в школу ФЗО в количестве 50 чел. (разрядка прилагается).

3. Обязать председателей сельсоветов и колхозов полностью выполнить количество молодежи, согласно утвержденной разрядки пунктом вторым настоящего решения.

4. Предложить председателям сельсоветов и колхозов обеспечить призванную (мобилизованную) молодежь за счет колхозов и родителей, обмундированием (две пары белья, верхнюю одежду: ватное пальто, брюки, гимнастерку, обувь и т.п.), а также продуктов питания на время следования в пути.

5. Обязать председателя артели «Свет труд» тов. Пуртова производить приемку обуви и ремонт ее призванной молодежи в школу ФЗО.

Председатель исполкома М.Рюмин

Секретарь исполкома Н.Макаров

Жамиля апа вспоминает, что когда ее и других девушек Ереминского сельсовета отправляли на работу в школу ФЗО в Тюмень, она пыталась сбежать, но секретарь сельсовета Мария Елишева, растившая годовалую к тому времени дочь Мырзагали Акишева Галину (Капуру), задержала ее. Восемнадцать лет тогда было Жамиле Мурзабековой.

– В ФЗО я находилась семь месяцев, – вспоминает она. – Мы помогали строить дома. Месили глину, подносили кирпичи. Дома строили русские мужики, пожилые люди. У меня все руки были в мозолях. Жили на съемной квартире, питались капустной похлебкой. В школе ФЗО в Тюмени были и другие девушки из ДвКА, Сайран, Мансура, но их родственники сделали какие-то освобождающие от тяжелой работы бумаги, и они вскоре уехали обратно домой. Остались мы с Нурзилей. Я узнала, что справки о болезни можно достать через Сарсенбая.

Узнав адрес Сарсенбая в Тюмени, курсант школы ФЗО Жамиля Мурзабекова пришла к нему домой вместе с Нурзилей и с порога заявила покровителю казахов: «Агай, я знаю, что вы многим помогли, мы уже семь месяцев работаем здесь, теперь нас хотят отправить работать в другое место, помогите нам, мы хотим домой...».

Расспросив плачущих двух юных землячек, одетых в не по размеру большие гимнастерки, Сарсенбай сказал им, что за медицинские справки нужно будет заплатить определенным людям здесь в Тюмени небольшую взятку: одну овцу, ведро домашнего масла, ну и немного денег.

– В состоянии ли ваши семьи собрать все это? – спросил он.

– Да, мы постараемся, – отвечали девушки.

Выйдя из дома на улице Мельничной, Нурзилия и Жамиля пошли пешком в направлении Нижнетавдинского района. Предстояло прошагать по зимней дороге около семидесяти километров.

– Сарсенбай ага нам дал хлеба на дорогу, – вспоминает Жамиля апа. – Сейчас трудно себе представить, как мы тогда дошли до дому.

Медицинская справка о тяжелой болезни освободила от школы ФЗО, но в ауле девушек ждал председатель Базарбай Ахметов, чтобы загрузить колхозной работой.

– Пришлось мне выйти замуж за кладовщика Сурагана, – смеется Жамиля апа. – Чтобы Базарбай оставил меня в покое. Свадьбы у нас не было. Я перешла жить к мужу в двухэтажный дом Букаевых. *Козім ашылды сосын* (наконец открылись глаза, говорит она, в смысле, стало легче. - Авт).

Через несколько дней к дому Букаевых подъехал на коне Базарбай, стал кричать, чтобы Жамиля вышла на работу. Свекр ее

Бокай, взяв посох, тогда вышел во двор и сказал председателю, что отныне Жамиля будет сидеть дома. Базарбай ушел и больше не приходил. Узнав о женитьбе племянника Сурагана, Мырзагали Акишев прислал с фронта письмо в стихах, оно напечатано в конце книги.

Недолго после женитьбы Сурагана и Жамили оставались в ДвКА мать невесты Газиза и отчим Ныгаш Абитов. Газиза работала в колхозе завфермой. Семья Ныгаша Абитова решила покинуть Нижнетавдинский район и уехать в Казахстан.

В начале сорок третьего пришло время надеть шинель сыну Жантаса, 17-летнему Смагулу. Его призвали 6 января 1943 года.

В марте сорок третьего в семью Тасбаевых пришло горе.

– Отец часто писал письма, – рассказывает Серик Тасбаев. – Он был в хозвзводе, ухаживал за конями под обстрелами. Похоронка пришла 17 марта, а три-четыре дня до этого мы получили от отца последнее письмо. Он словно чувствовал близкую гибель. В письме он передавал *сатем* всем, никого не забыл, от мала до велика, всех перечислил. В конце письма были стихи:

Ағайын туган баурлар, қорш і болып снласқан.

Қынышылық іс кездессе, бір бірмізды қнатмай,

Құшак жайып жыласқан.

Уайм ердін қорғаны, түбін ойлап айтамын,

Шетте жүрген уақытта жаза тайым боп кетсем,

«Бакыл бол» – деп айтамын.

Ағаштын басы қогерер, саласына шықса жапырақ,

Сексенге келге акемау, үш бірдей балаңнан,

Бұйырмадай бездерден бір уыс қана топырақ...

В стихах Шерияздан вспоминает аульчан, с которыми пришлось вместе преодолеть много трудностей, при этом всегда оставаясь честными, питая друку к другу самые лучшие чувства. В прощальных стихах он желает аульчанам добра и здоровья, сожалеет о 80-летнем отце, которому будет суждено умереть не в окружении сыновей.

В конце письма Шерияздан семь раз написал слова «*Бакыл бол!*» (попрощался с родными).

В похоронном извещении сообщалось, что красноармеец Шерияздан Тасбаев, воевавший в составе 445-го стрелкового полка,

пал смертью храбрых 22 февраля 1943 года в боях под Ленинградом в районе Смердана. Вновь на аулом поднялся скорбный плач-жогтау.

Вскоре трагическое известие пришло и в дом Елембаевых - о пропаже без вести в битве под Курском совсем еще юнца Амиржана Елембаева, только недавно призванного в действующую армию. По словам Серика Тасбаева, Амиржану только исполнилось 17 лет, когда Базарбай доложил в военкомат, что в ДвКА еще один парень достиг призывного возраста.

Будни и дни

На третий год войны дефицитом стали спички, мука. В ДвКА уже не сеяли пшеницу. Почему-то не давала больше колхозная земля урожая. В предыдущем году после сева вроде бы заколосилось золотом поле к середине лета, была на нем пшеница, но урожай оказался уж больно низким.

– Съели пшеницу журавли, – разводили руками колхозники.

Собирая без того скудный урожай, оставляли нетронутыми по два-три стебелька, чтобы после завершения уборочных работ собрать спрятанные колоски.

– На поле ходили целыми днями, подбирали каждое зернышко, – рассказывает Жамиля апа. – Однажды, я тогда еще не замужем была, под вечер пошли домой, оказалось, что в реке прибыла вода, перейти на другую сторону невозможно. Мы стали кричать, из дома вышла моя мать, прибежали еще люди. Нам кинули веревку. По ней мы и перебрались на другой берег. За весь день я тогда собрала овса всего на две ведра.

Весной оказалось, что кто-то за зиму утащил добрую часть семенного зерна. Это выяснилось, когда вскрыли запломбированное хранилище. Неизвестные продырявили в нескольких местах пол, зерно вниз и ушло. Пробурить дыры на полу было несложно, поскольку само хранилище стояло на опорах, снизу можно было свободно проползти, вырезать отверстие и набрать полные мешки. Кладовщика Сурагана вызвали для объяснений в сельсовет. Кончилось все тем, что в Ереминском сельсовете порекомендовали казахам сажать отныне на своих полях картошку.

Однажды произошла и вовсе странная история. Фляга со

спиртом, хранящаяся в конторе, оказалась полупустой. В ауле знали, что председатель Базарбай любит посидеть за горячительными напитками, но тут и пломба находилась на месте, и никаких следов повреждений. Только после войны один из жителей признался, что спирт с закрытой фляги сливали так: в резину между крышкой загоняли согнутую в дугу иглу от шприца, переворачивали флягу вверх дном и ставили крышкой на ведро, за ночь малюсенькими каплями набегало больше полуведра спирта.

В январе 1944 года соседи из колхоза Коммунар утащили аульное сено. ЧП обсуждалось на заседании райисполкома 1 февраля 1944 г.

В документе говорится:

Проверкой установлено, что председатель колхоза «Коммунар» Сосновского с/с Николаев увез 21 тонну сена, принадлежащего колхозу ДВКА. Несмотря на категорическое требование со стороны Райзо о возвращении похищенного сена, от возврата отказался.

Исходя из вышеизложенного Исполком Райсовета РЕШИЛ:

1. Предложить председателю к-за «Коммунар» Сосновского с/совета т. Николаеву в двухдневный срок возвратить колхозу ДВКА 21 тонну похищенного сена.

2. При отказе от возврата сена поручить прокурору Н-Тавдинского района тов. Чеканову привлечь Николаева к уголовной ответственности за хищение сена⁵⁸.

На этом же заседании исполкома колхозникам ДВКА привалило неожиданное пополнение. По решению райисполкома аулу передали овец колхоза имени 1-го областного съезда Конченбургского сельсовета, конечно, бесплатно. Вот что говорится в решении исполкома:

В связи с тем, что колхоз 1-й обл. съезд советов переведен на устав рыболовецкой артели, имеющееся в колхозе животноводство кормами совершенно не обеспечено, приобрести корма за счет других колхозов не представляется возможным из-за отсутствия в колхозе транспорта, скот в настоящее время обречен на полную гибель от бескормицы.

Исходя из вышеизложенного Исполком решил:

1. Удовлетворить ходатайство колхозников к-за 1-й обл. съезд советов о передаче обобщественного скота в другие колхозы района.

2. Рекомендовать правлению колхоза 1-й обл. съезд советов передать 35 овец колхозу ДВКА Ереминского сельсовета.

3. Поручить председателю к-за ДВКА т. Ахметову принять указанный выше скот за плату по обоюдной договоренности с колхозом 1-й обл. съезд советов⁵⁹.

Колхоз ДвКА, несмотря на трудное время, имел достаточное количество скота. В отличие от некоторых других сельхозартелей в колхозе бывших кочевников умели ухаживать за скотом. Поэтому, когда в колхозе Красный Моряк практически не осталось коней, райисполком порекомендовал купить пять лошадей в ДвКА. В решении исполкома говорится:

В связи с избытком лошадей в колхозе им. ДВКА Ереминского с/с рекомендовать правлению колхоза передать колхозу Красный Моряк Мясского с/совета 5 голов лошадей на условиях обоюдной договоренности⁶⁰.

В том же протоколе много случаев так называемой выбраковки лошадей в других колхозах. По сельхозартели ДвКА в архивах автору попался лишь один документ о выбраковке коня. За август сорок второго года. В нем говорится:

1. Представленный акт выбраковки лошади, принадлежащей колхозу им. ДВКА Ереминского сельсовета утвердить.

2. Лошадь допустить к забою на мясо после ее афтальной механизации (исследования на сат).⁶¹

Возможно это та самая забоданная лошадка, о которой рассказывает тюменский пенсионер Есим Елембаев, хорошо запомнивший детские годы в ДвКА.

– Наша семья имела корову, очень бодливую, весь аул ее боялся, – вспоминает Есим ага. – Однажды она забодала соседскую лошадь. Коня решили пустить на мясо. Лошадь принадлежала Шарипу Хомутову, родному брату Базарбая. После этого моя мама приделала корове доску поверх рогов, как-то привязала, укрепила доску, бодать после этого корова уже не могла. Но все равно дети убежали врассыпную, только увидев ее.

– Мальчишками мы играли в солдат, – рассказывает Есим-ага. – Сын Шарипа, Мендыбай, постарше нас был. Он построит нас, меня, Озбека. Мендыбай командовал: «Напра-во, нале-во, кру-гом!». Мы

шагали взад-вперед по улицам аула с палками-винтовками наперевес. Летом на праздники взрослые устраивали нам борьбу. Однажды за то, что я поборол, Базарбай дал мне две папиросы «Казбек» (смеется). Я их понес домой, отдал отцу. Его после ранения и болезни комиссовали, привезли в ДвКА на носилках.

Позже отца Есима, Тайжекена Елембаева, призвали служить в трудармию, он строил Тюмень, Березово. В трудармии также служили Арын, Нуралы.

Старшие дети, как рассказывает Карим ага, играли в те же игры, что их отцы когда-то в пору юности в степях Казахстана: «Кыз котеру», «Корши». Аманжол ага рассказывал еще и о таких играх, как «Судыр», «Мырыым», «Совет кок», «Ак сук». В последнюю играют так. Молодежь делится на две команды. Ведущий забрасывает косточку как можно дальше. Команда, обнаружившая и доставившая кость до определенной черты (другая старается отобрать косточку), считается победителем. Проигравшая команда исполняет пожелания выигравшей.

По воспоминаниям Есима ага, однажды в аул приехал к своему отцу мулле Ибраю на тракторе Ауталиб Абраев. Сбежались все жители, чтобы взглянуть на гусеничную «шайтан-арбу». Привозили в ДвКА и беззвучное кино, и тогда колхозная контора превращалась в клуб, картинки бегали по белому полотну на стене, пугая бабушек и делушек, на смех ребятишкам. Есим ага помнит возвращение в аул с фронта после тяжелого ранения Кауша Абитова.

- Мы жили рядом, - рассказывает он. - Жена Кауша Шарбан апа кормила меня *каймаком* (сметаной). Хорошо помню Сыздыка Смагулова, отца Жукубая. Он, седой как филин, сидел и часами вязал кнуты из шкур. Каждый пытался заработать. Мы сажали огурцы и помидоры, картошку на обмен...

С тех пор, как начали возвращаться с войны солдаты, Базарбай слегка умерил свой пыл, поэтому он видимо и не смог выгнать народ на уборку снега в декабре сорок четвертого. В архивах сохранилась докладная начальника районного доротдела Петрушина в адрес райисполкома. В ней заведующий ДРО жалуется:

Председатель к-за ДВК тов. Ахметов кроме обязательств 20/Х!! дал подписку Райдоротделу о том, что закончит снегозадержание

на своем участке к 25/X!!-44 г. и 27/X!! не приступил ни один человек к работе.

Просим председателя к-за т. Ахметова предупредить в дальнейшем не допускать таких поступков.

А может Базарбай и не пытался выводить народ на работу, поскольку к тому времени у него начались неприятности: ревизионные проверки выявили большую недостачу в хозяйстве. Даметкен Смагулова в своих стихах пишет, что Базарбай убежал в Тюмень, но его нашли там и заключили в тюрьму. Но ныне здравствующие жители ДвКА, которых я опрашивал, утверждают, что Даметкен Смагулова в стихах выдала желаемое за действительное. На самом деле Базарбая к тюремному сроку не приговаривали, однако какое-то время, пока шла проверка, он действительно был задержан милицией и отпущен после завершения проверки.

Кара кагаз

Сегодняшнему обывателю трудно понять человека, который после двух лет кровопролитных боев, выписавшись из госпиталя соседнего Свердловска, где лечился после тяжелого ранения, вернулся обратно в пекло войны, хотя он мог сесть на поезд до Тюмени и на день-два заехать домой. Этим человеком был Мырзагали Акишев, патриот своей страны, коммунист в полном смысле этого высокого в те времена слова.

В январе 1944 года в сражении у деревни Климово Псковской области 36-летний командир орудия сержант Акишев погиб.

– О гибели *бапам* в ДвКА написал его товарищ, - рассказывает Жамиля апа. – *Ажсалы тунгі сагат он екіде келді деп жазган* (он погиб в двенадцать часов ночи). Домашние плакали и день и ночь...

Каждое утро Жаслан садился на лошадь и ехал в Нижнюю Тавду, потому что похоронки не было, надеялись, что произошла ошибка, и Мырзагали жив. Калима, его названная мать, отправила запрос в воинскую часть №37681, где воевал сержант. Ответ пришел весной. Командир части написал, что Мырзагали погиб в бою 27 января. Официальное извещение «*кара кагаз*» вместе с посмертной наградой пришло в дом Акишевых из Нижнетавдинского военкомата лишь 15 июня 1944 года.

17 мая 1944 года в бою под Ленинградом оборвалась жизнь юного бойца Актаса Касимова. Остался навсегда лежать он в земле, в которую прежде лег его родной брат Жантас, где остались навсегда Косылбай и Шерназдан, достойно выполнив свой долг солдата. О таких как они, солдатах, говорила ленинградская писательница О.Берггольц в выступлении по радио в ночь освобождения города: *«Блокада прорвана. Мы давно ждали этого дня. Мы всегда верили, что он будет... Те, кого нет с нами в эти торжественные минуты, умирая, упорно шептали: «Мы победим». Они отдали свои жизни за честь, за жизнь, за победу Ленинграда. И мы сами, каменея от горя, не в силах даже облегчить свою душу слезами, хороня в мерзлой земле их без всяких почестей, в братских могилах, вместо прощального слова клялись им: «Блокада будет прорвана. Мы победим».*

Пропали без вести в сражениях с врагом молодые бойцы Банш Сералин, Уали Сыздыков, Кабдолла Уразалинов, Ескендир Тасбаев. Пятнадцать человек, ушедшие на фронт из ДвКА, не увидели своих родных и не порадовались победе. Еще долго после победы Капыш Елембаев разыскивал своего сына Амиржана, одинокая мать Уали Сыздыкова безнадежно пыталась найти единственного сына и ночами, взывая к небесам, оплакивала его в пустом доме.

Накануне

К концу войны народ стал понимать, что колхоз имени ДвКА больше не поднимется. Аул покинула большая часть ее основателей. Молодежь, которая должна была поднимать колхоз, создавать семьи, рожать детей, сложила головы на войне. Почти не осталось в деревне Садок семьи, которая бы не подумывала о переезде, не подыскивала бы для себя и родственников дальнейшее место проживания. По просьбе родственников глава Нижнетавдинского райисполкома Заваздин направил в январе 1945 года в дивизию, где служил Мергалим Касимов, такое ходатайство:

Командиру дивизии⁶³

Войсковой части НКВД 6382

Тов. Балашову

В вверенной Вами дивизии служит боец тов. Касимов Мергалим в охране НКВД, годен к пестровой службе.

Семья т. Касимова живет в нашем Н.Тавдинском районе Тюменской области в колхозе «ДВК» в составе: дочь Мярвер рождения 1935, сын Эслямбек рождения 1937 года и дочь Майраш рождения 1940 г., которые находятся одни, в материальном и бытовом отношении живут очень плохо, так как жена т. Касимова умерла 20 июля 1943 года, его детей никому воспитывать. Прошу Вас т. Балаиов учесть семейные обстоятельства т. Касимова, что его дети находятся беспризорными и в связи с этим т. Касимова перевести служить в Тюменскую область в охрану НКВД, который сможет своих детей перевести к себе в г. Тюмень и сам их будет воспитывать.

*Председатель Н.Тавдинского исполкома
Райсовета депутатов трудящихся
(Загваздин)*

Мергалим был призван в армию из Тюмени 23 июня 1941 года, на второй день после начала войны. Он попал служить в артиллерию, позже был переведен в охрану НКВД.

Еще один интересный документ хранится в областном архиве. Появился он в связи с обращением к командованию воинской части Кадыра Шаукерова, призванного в армию в сорок четвертом, и проходившего службу в городе Ялуторовске, прежде чем отправиться под Ленинград.

Заместитель командира части пишет в адрес главы Нижнетавдинского района (орфография сохранена за исключением написания фамилии и имен. В самом документе они несколько раз исковерканы):

На военной службе в в/ч 93230 находится курсант Шаукеров Кадыр Васильевич, мать его Шаукерова Умснай и брат рождения 1931 г. проживают в вашем районе Ереминский с/с колхоз ДВК⁴.

Курсант Шаукеров пишет нам жалобы, что мать его Шаукерова У инвалид 2 гр. в семье трудоспособных нет. Но эта семья обложена сельхозналогом и за уплату налога Шаукеровой предложено отдать корову:

Прошу разобраться по существу жалобы и о результатах сообщить по адресу:

Г. Ялуторовск, в/в тт. 93230

Зам. Командира в/ч 93230 Телятников

Ответное письмо в Ялуторовск написал секретарь исполкома Макаров:

Исполком Н.Тавдинского Райсовета сообщает, что хозяйство Шаукерова Кадыра с/хоз. налогом не облагается и претензии об изъятии коровы его со стороны райфинотдела не было.

К этому письму Макаров приложил заключение, вынесенное в результате проверки. В нем говорится:

По жалобе гр-н Ереминского с/сов. д. Садок колхозника к-за ДВКА Шаукерова Кадыра.

Г-н Шаукеров Кадыр на день учета по с/х налогу проживал в Ереминском с/совете и хозяйство его было учтено по месту жительства. За 1944 г. на хозяйство Шаукерова было начислено сельскохозяйственного налога в сумме 385 руб.

24 ноября 1944 года Шаукеров Кадыр был призван в РККА и указанная сумма с/х налога с хозяйства Шаукерова была снята полностью.

Мать Шаукерова Кадыра, Шаукерова Умсай в то время жила отдельно самостоятельным хозяйством и с/х налогом не облагалась, как не имеющая ни скота и ни посева.

В настоящее время мать Шаукерова взяла под охрану хозяйство Шаукерова Кадыра и также по с/х налогу не облагается.

Таким образом, Нижне-Тавдинский Райфо не предъявляла никаких требований к Шаукеровой Умсай на уплату с/х налога, а также и не было описи ее имущества, в частности коровы

Зав райфо⁶⁵

Кадыр Шаукеров после прохождения учебки в Ялуторовске попал под Ленинград. Здесь молодому парню выпало вытаскивать из болот тела советских солдат, павших за два с половиной года блокады.

Проверка по его письму в Нижней Тавде проходила в мае 1945 года, когда весь район праздновал победу над фашистской Германией. О дне 9 мая Аманжол ага Жантасов рассказывал так:

– Мы сидели на уроках, учились все вместе, первоклассники и ученики второго, третьего, четвертого класса в одном помещении. Детей было мало, поэтому классы объединили. Для уроков собирались то в одном, то в другом доме. Учила нас Камиша апа. Она была строгой

учительницей, дети ее слушались. Мы тихо сидели, читали, писали, когда на улице как-то все сразу пришло в движение, стало шумно. Оказалось, что из Ереминского сельсовета прибыл вестовой. Он забежал и в дом, где учились мы.

– Катя! Мы победили! Ура! – кричал радостно молодой человек.

Даже самые маленькие поняли в чем дело. «Ура! Ура!», - веселились все. Камиша апа сказала, что уроков сегодня больше не будет, все свободны. Со смешанным чувством шел домой 11-летний Аманжол. Он радовался победе, но в то же время сердце не отпускала боль: отец, самый любимый человек... он не увидит его никогда больше...

Вскоре вернулся домой молодой лейтенант Молдагали Акишев, проходивший службу в составе 33 учебного стрелкового полка в Иркутске. Эта часть обучала новобранцев перед отправкой на фронт. После войны полк стали расформировывать, офицеров отправлять в другие гарнизоны. Молдагали подал рапорт о переводе его в Петропавловск, куда намеревался уехать вместе с домашними из ДвКА. По его рапорту командир части направил начальнику отдела кадров Восточно-Сибирского военного округа письмо следующего содержания:

«Причины, изложенные в рапорте лейтенанта Акишева о переводе в национальные части правильны. Кроме того, перевод в Средне-Азиатский Военный округ в часть, дислоцированную в городе Петропавловске, разрешает его тяжелое материальное положение с семьей, которое выпало на его долю, как одного из сохранившихся после Отечественной войны работоспособного в родстве, остальные инвалиды или погибли во имя Родины. Перевоз же его семьи к месту службы в другой город невозможен, так как в Петропавловске есть свой кров одного из родственников⁶⁶».

В Петропавловск Молдагали так и не поехал служить, впоследствии он работал в НКВД-КГБ.

После приезда Молдагали в ДвКА, на семейном совете родственники решили забрать у секретаря Ереминского сельсовета Марии Елишевой 4-х летнюю дочь Мырзагали.

– За ней в Еремино ходили Сапура (Мапаш апа) и Молдагали, - вспоминает Жамиля апа. – Не знаю, как они убедили мать отдать

ребенка, может быть, говорили, что никто тебя замуж уже не возьмет с ребенком от казаха, но в аул они вернулись с девочкой.

Дочь Мырзагали, которой 4 декабря 2009 года исполнилось шестьдесят восемь лет, помнит, как ее, маленькую, посадили на шею большого чужого дяди, потом они долго шли, проходили через топкие места. Еще она помнит, как уже в ДвКА ее окружили ребятишки, что-то спрашивали на непонятном языке, она кивала в ответ, дети вокруг смеялись. Кто-то вынес из дому попить. Глотнув, она зажмурилась. Привкус того первого глотка айрана до сих пор помнит Капура (Галина Васильевна), дочь Мырзагали, приходящаяся матерью автору этих строк.

В сорок пятом в Нижнетавдинском районе насчитывалось 64 колхоза. Летом сельхозартель ДвКА еще работала, но уже постепенно угасала. 5 июня 1945-го, согласно архивным сведениям⁶⁷ о ходе прополки, паровспашки, сенокосения и силосования, колхозники ДвКА сработали так: план сенокосения выполнили лишь на 2%, паровспашки – на 13%, зато выполнили на 100% план прополки, а план силосования даже перевыполнили на 110%.

Колхоз к тому времени имел 1 силосную яму, 2 сенокосилки, 2 конных граблей, 20 ручных граблей, 20 кос, 20 брусков⁶⁸.

По сведениям за июль, план паровспашки по ДвКА – 53, у «Сталинца» – 450.⁶⁹

По таблице о ходе паровспашки, сенокосения и заготовки кормов за август по ДвКА имеются данные только по сенокосению – 80. По ходу выполнения других работ стоят прочерки⁷⁰.

Вероятно, в этот период и состоялась поездка делегации из деревни Садок во главе с Мырзабеком Букаевым в район, село Нижнюю Тавду. Базарбай к тому времени уже не председательствовал.

- В райисполком мы поехали несколько человек, - вспоминает Карим ага. – Там нам предложили зайти в кабинет. Говорил за всех Абижа. Сказал, что работать некому, мы не в состоянии выполнить план, посмотрите на наших рабочих (указал он на меня, подростка, на женщин), многие уехали, пятнадцать человек погибли на войне, просим закрыть колхоз, мы намерены переехать, некоторые хотят уехать в Казахстан, кто-то пойдет работать в другие колхозы...

Райисполком решил ликвидировать сельхозартель имени

Дальневосточной Красной Армии после завершения уборочной страды. В последний год, имея 21 га пашни, казахи посеяли 13 га из семян, выделенных по ссуде. Из ДВКА по разнарядке по мобилизации тяговой и рабочей силы в Тюменский леспромхоз летом сорок пятого выделялись 1 человек и 2 лошади. Сдать государству в счет выполнения плана мясopоставки на 1945 год (в поголовье) колхозники должны были 2 головы КРС и 10 овец¹.

Второго октября 1945 года в Нижней Тавде вынесли официальное решение о закрытии колхоза и передаче его имущества в сельхозартель «Отряд Буденного» в Еремино. Переданная шесть лет назад в вечное пользование земля теперь отводилась межрайбазе заготскота. Вот как выглядит текст последнего архивного документа по ДВКА:

Решение Исполкома Н.Тавдинского Райсовета депутатов трудящихся²

2/Х-45 с. Н.Тавда

Слушали

Ходатайство членов с/хоз. артели им. ДВК Ереминского с/сов. о слиянии их с с/хоз. артелью «Отряд Буденного».

(Внесено Райзо)

Учитывая, что оставшиеся члены с/хоз. артели ДВК не в состоянии освоить закрепленную за ними землю, т.к. основная часть членов артели уехали в Казакстан и считаясь с согласием членов с/хоз. артели «Отряд Буденного» Исполком Райсовета

Решил

1. Удовлетворить ходатайство членов с/хоз. артели ДВКА и «Отряд Буденного» о слиянии их с с/хоз. артелью «Отряд Буденного» Ереминского с/сов.

2. Ввиду достаточности земельных угодий в к-зе «Отряд Буденного», бывшее землепользование к-за ДВК передать Н.Тавдинской Межрайбазе Заготскот на временное пользование в количестве 1145 га.

3. Обязать зав.райзо т. Чемакина произвести передачу всего имущества, принадлежащего ранее колхозу ДВКА колхозу «Отряд Буденного», оформив передачу соответствующими документами.

4. Обязать Уполнаркомзаг т. Пуртова всю оставшуюся задолженность за колхозом ДВКА по обязательным поставкам,

райфо Бобровского по денежным платежам согласно постановления общего собрания членов колхоза «Отряд Буденного» перечислить их колхозу «Отряд Буденного».

5. Просить Исполком Областного Совета утвердить настоящее решение.

Председатель Исполкома М.Рюмин

Секретарь Исполкома Н. Макаров.

Исход

Прежде чем покинуть ставший за семь лет родным клочок земли в Нижнетавдинском районе, казахи обнесли оградой аульный зират, вокруг прорыли ров, чтобы скотина не могла попасть на кладбище. Говорят, что много слез пролили здесь люди, навсегда покидая могилы родных. В местечко Долгий Остров в Тюменском районе перебрались семьи Жантасовых, Акишевых, Букаевых, Шаукеровых.

– Мы переезжали на арбе три месяца, – вспоминает Нурзиля апа. – Увезем на Долгий часть имущества, передохнем, и вновь возвращаемся в ДвКА.

Все, кого я опрашивал из бывших жителей ДвКА, говорили мне, что казахский колхоз перестал существовать по инициативе Мырзабека Букаева. Об этом ему напоминали и много лет спустя. Мырзабек же, улыбаясь, отвечал, что ликвидация ДвКА – это дело рук Кауша Абитова. Кауш и Мырзабек были ровесниками и могли шутить друг над другом до умопомрачения. Так принято у казахов. Однажды в Тюмени навстречу Каушу попался знакомый, которого он давно не видел. Знакомый побледнел, увидев его.

– Ты жив?! А мне Василий (Мырзабек) сказал, что тебя похоронили...

В другой раз к Мырзабеку домой постучался человек.

– Мне сказали, что здесь свинину продают недорого, – кричал он через забор.

Абижа сразу понял, что покупателя к нему отправил Кауш.

Из ДвКА люди уезжали, оставляя пустые дома. Нурзиля апа рассказывает, что она еще два года сажала здесь картошку. В первый собрала урожай, картофель второго года оставила Кульжамал апа, жене Ибрая-муллы Сарыкулакова.

После ухода из жизни первой жены, матери трех его сыновей, Ибрай-мулла женился на татарке Кульжамал из села Киндер Нижнетавдинского района и проживал в ДвКА с ней и ее дочерью Мастурой. После отъезда односельчан Кульжамал переехала жить с дочерью в добротный дом Акишевых. Сюда и пришел зимой 1946 года Смагул Жантасов, демобилизованный из армии. Он еще не знал, что колхоз ДвКА перестал существовать. Кульжамал объяснила молодому солдату, где искать родных.

Смагул вернулся домой в тот же день, в который уходил три года назад – 6 января. На войну он ушел в семнадцать лет, а после победы выполнял в Китае в составе своего подразделения особое поручение правительства СССР. Жумакожа и Дауренбек, младшие братья Жантаса и Косылбая, недолго прожили после победы. Молодые парни ушли из жизни по болезни.

Жантасовы не задержались на Долгом острове. Искак обосновался с семьей в селе Луговом Тюменского района, где сегодня живут его потомки. Смагул с семьей по другую сторону реки Туры в деревне, которая носит название Лесничество.

Базарбай Ахметов, по словам Есима ага, тоже некоторое время оставался в ДвКА вместе с семьей брата Шарипа. Затем они уехали в сторону Гольшманова. Позже до бывших жителей деревни Садок дошли слухи, что Базарбай выиграл много денег на лотереи от обязательных займов. В период ликвидации колхоза мешок с лотереями достался бывшему председателю. Многие думали, что это пустые бумажки, оказалось, что не совсем так. Впоследствии Базарбай уехал с семьей, женой и приемными детьми, Мингаязом и Фаягуль, в Казахстан. На родной казахстанской земле похоронены и Ерден-мулла и Абикен Дисенбеков.

Семья Искака Ибраева осталась в Нижнетавдинском районе, в селе Иска. Тасбаевы подались в сторону Гольшманова. Братья Елембаевы уехали жить в деревню Патрушево Тюменского района. Елубай вернулся со службы в сорок шестом. Невесту он привез из Казахстана.

– Втроем они поехали специально за невестами, - рассказывает Есим-ага. – Нуралы привез Нурзипу, Мергалим – Умсынтай, Елубай привез Жаныл.

Большая часть казахских семей перебралась в Тюменский район, а спустя два-три года они стали пускать корни уже и в самом областном центре.

Поселение на месте ДвКА еще оставалось около пятнадцати лет. Домов уже тут было не более десяти. Пенсионер из соседней деревни Березово Юрий Медведев рассказал мне, что в 1959 году, когда его семья переехала жить в ДвКА, тут уже не было казахских семей. Была одна татарская, одна дагестанская семья, остальные жители русские. Работали на районную контору «Заготскот», была большая овчарня, конюшня. Зимой 1960-61 гг., как помнит Медведев, однажды возле деревни появился казах. Он прошел на кладбище, долго сидел у могил, затем зашел в деревню. Отец Юрия Медведева позвал его в дом. Гость рассказал, что живет он в Тюмени, здесь на кладбище похоронены его жена и двое детей. Казах оставил свой городской адрес, и позже отец Медведева не раз бывал у него в гостях. Имя казаха пожилой человек в силу возраста не смог вспомнить. Спустя несколько лет заготскот перевели в Черепаново, бывший казахский аул опустел окончательно.

Сегодня на месте, где стояла деревня Садок, иногда гуляет молодежь из Березово. На праздники сюда порой приезжают готовить шашлыки на природе. Местность эту до сих пор жители Березово называют ДвКА, не зная, что значит эта аббревиатура. Осенью 2008 года, будучи в Березово с Есенгалием Ибраевым, мы рассказали местным, почему поляна, зажатая между березами с двух сторон, мутной речкой и оврагом носит такое название.

Потомки

Я завершаю свой скромный труд о недолгой жизни деревни Садок в год 72-летия основания ДвКА. Семьдесят лет – одна человеческая жизнь! Неумолимое время забрало уже и многих детей аула имени Дальневосточной Красной армии. Семь лет назад ушел из жизни подполковник Аманжол Жантасов. Почетный караул УФСИН Тюменской области дал в небо залп на мусульманском кладбище д.Молчаново, провожая в последний путь заслуженного сотрудника. Затем, менее чем через год покинул этот мир Копжасар Акишев, он нашел покой на кладбище поселка Матмасы рядом со старшим братом Жасланом и Молдагали. Спустя два месяца после него тюменский казахский аул хоронил Кайрулду Ауталиб-улы Абраева в селе Каскара.

Внуки и правнуки основателей колхоза имени ДвКА сегодня живут в основном в Тюмени. Чтобы рассказать вкратце о потомках, я вынимаю из принтера список жителей деревни Садок. Первым в алфавитном порядке значится семья Абраевых.

Сын Ибрая-муллы Аушариб Абраев в послевоенное время был председателем сельского совета в селе Ембаево в пригороде Тюмени, где до сих его помнят добрым словом. В Ембаево в отцовском доме по ул. Советская живет дочь Аушариба, которую односельчане зовут тетей Алей, и внучка Нурсулу. Коммунист в истинном значении слова, сын муллы Аушариб, выйдя на пенсию, начал читать намаз. Сначала за занавешенными окнами, как вспоминает его дочь, потом перестал таняться, ибо даже заядлые атеисты-богоборцы оставляли человека в покое, когда жизнь его клонилась к закату. Похоронен Аушариб с супругой на Ембаевском кладбище. Потомки другого сына муллы Ибрая, Ауталиба, живут в соседнем селе Каскара Тюменского района.

Следующая по списку семья Абитовых с конца сороковых годов обосновалась в так называемых «сараях», в тогдашней окраине города, оказавшейся сегодня в центре Тюмени. Кауш и Хамит построили здесь, на улице Мельничной, собственный дом. Кауш ушел из жизни в 1967 году. Дочь его Батима проживает в Тюмени на улице Московский тракт. Она предоставила мне фотографии отца и родных, за что я очень ей благодарен, как и всем другим, кто в суете сегодняшнего дня нашел время, чтобы встретиться с автором.

Казахский адат об обязательном знании предков до седьмого колена сегодня забывается потомками жителей ДвКА. Многие из внуков и правнуков не знают имена предков, родственные узы не так крепки, как это было еще лет тридцать назад. А потому, следуя степному адату, а также аяту Корана «О вы которые уверовали! Читите родственные связи...», ниже я буду перечислять имена детей и внуков основателей колхоза Дальневосточной Красной армии.

От Хамита Абитова остались восемь детей: Кали, Багила, Кабыл, Кулчара, Жанылдык, Зубира, Айтжан, Жамали.

Дети Кали: Казбек, Жулдуз, Жанбек, Айдарбек.

Дети Кабыла: Алибек, Гулзине, Айсулу.

Семья Акишевых построила дом в тех же «сараях» на улице Салтыкова-Щедрина, 66. Жена Акыша, Калима Бижанова, ушла из жизни 17 июня 1971 года в возрасте 78 лет, похоронена она на кладбище поселка Матмасы в черте Тюмени. Супруга Мырзагали, Алтын, осталась лежать на Текутьевском кладбище в центре города.

Пять лет назад ее внук, Абай Жасланович Акишев, по указу президента Владимира Путина получил звание почетного строителя России. После ухода из жизни Копжасара Мырзагали улы, Абай, как старший по возрасту, стал главой рода Акишевых.

Жаслан оставил после себя восьмерых детей. Их имена: Абай, Оразай, Майра, Аблай, Арыстан, Амангельды, Карлыгаш, Куралай.

Его младший брат Копжасар – дочь Кадишу.

От дочери Мырзагали, матери-геронни Капуры (Галины Васильевны) Акишевой, родились дети: Баян, Багдаш, Гульнар, Калиль, Айнаш, Жалил, Айдын, Ержан, Нуржан, Алтынбек.

Имена детей Молдагали Акишева (ушел из жизни 11 мая 1974 года): Ботакоз, Кайыржан, Таймыс, Кулназ, Гулнар, Сулеймен, Аякоз, Алма, Сапаргали, Болат.

Дети Камишы Акыш кызы: Закария, Зауреш, Мугулсум, Марат, Каламкас.

Через полвека с лишним после гибели старшего сержанта Мырзагали Акишева, в День Победы, его дети Копжасар и Капура, сестра Камиша с дочерью Каламкас, внук Аблай и племянник Аманжол побывали на братской могиле в деревне Климово Псковской области, где покоится председатель. Родственники встретились с

главой сельского совета и пожилыми людьми, помнившими то сражение, в котором пали 1200 советских солдат. Жители Климово организовали праздничный стол для тюменцев. На обратный путь родные взяли с собой горсть псковской земли...

Следующим по списку колхозников аула ДвКА значатся Букаевы. Бокай Кожырбаев умер в 1951 году, похоронен на Текутьевском кладбище. Имена детей его старшего сына Мырзабека (последние годы жизни жил в поселке Матмасы на окраине Тюмени): Шарип, Асыл, Зайкен, Зада, Майраш. Сара, Шаймолла, Каратай, Бикеш, Алпысбай.

Второй сын Бокая, Суруган, проживал в поселке Мыс по Тобольскому тракту. Он оставил потомков: Мариям, Омар, Косман, Баймолда (Айкай), Нагима, Майраш, Сеиткали, Сабит.

От дочери Бокая Меруерт пошли дети: Ахметжан и Абитжан.

От третьего, младшего сына Баймана: Абай и Нагима

Потомки Абикиена Дисенбекова (сыновья Асан, Калауден, Коспан) после войны жили на улице Таймырской в Тюмени. В брежневские годы семья его сына Асана построила дом в поселке Войновка на окраине Тюмени. Асан ага ушел из жизни 4 года назад. Имена его детей: Алма, Кабулла, Мариям, Сулушаш, Улмекен, Казез.

Брат Асана пенсионер Туяк ага Шарипов, ныне руководитель тюменской мусульманской организации «Городская мечеть №2», четыре раза совершил хадж в Мекку. На крупных общеказахских мероприятиях в Тюмени, празднованиях Наурыза, ежегодных Днях казахской культуры, именно Туяка-хаджи приглашают организаторы в качестве старейшины казахской мусульманской общины города.

Имена детей Туяка ага: Кабдулман, Кайрат, Айман, Айтош, Шолпан, Серикбай, Марат.

Функции муллы казахской общины в Тюмени исполняет другой почтенный аксакал - Галым ага Ибраев. Ибраевы после развала колхоза Дальневосточной Красной армии долгое время жили в селе Иска Нижнетавдинского района, они единственные, кто надолго остался в этом районе. Сегодня внук Искака Ибраева, Есенгалий, возглавляет Национально-культурную автономию казахов Тюменской области и является помощником председателя комитета Совета Федерации по вопросам местного самоуправления Киричука С.М.

От трех сыновей Кызыкбая Ибраева (Оспана, Ильяса, Сыздыка) пошли потомки:

Ветвь Оспана: Исхак. От него: Галым, Байторы, Хамза, Амандык, Лейла.

От Галыма: Сакен.

От Байторы: Кайрат, Сауле.

От Хамзы: Маххабат, Есенгалий, Айна, Жанара, Серик.

От Амандыка: Есемсент, Ботагоз.

Ветвь Ильяса: Жантора, Лязым.

От Жанторы – Бауржан, Батыр, Гульжан.

Ветвь Сыздыка: Кулсум, Кусни.

Следующим после Ибраевых в списке колхозников ДвКА идут братья Елембаевы.

От старшего из них, Капыша (Кабдолла), остались дочь Азкен и сын Каирбек. Дети Каирбека: Серикпай, Мурат, Амиржан, Кульзикан, Баян. Все они проживают в Тюмени.

Старший сын Капыша, Амиржан, пропал без вести под Курском в 1943 году. Имена потомков среднего брата Тайжекена (Айткожы): Есим, Тургын, Зауреш.

Детей участника Сталинградской битвы Елубая Елембаева зовут: Зайра, Досым, Турсын, Майра, Сайран, Даметкен, Назима, Балдырган.

Каждый год в День Победы на девятое мая в дом Есимхана Жантасова в селе Луговое Тюменского района съезжаются родственники, чтобы вместе вспомнить родных, не вернувшихся с войны. Встречи давно уже вошли в традицию. Хозяин дома никому не напоминает, никого не предупреждает о том, что супруга его, Жупар, сейчас готовит бешбармак для дорогих гостей, ибо знает, что родичи к полудню на десятках машин сами направятся по Рошинской трассе к нему, они знают, что сегодня день – особенный.

Двухэтажный особняк Есимхана возвышается в самом конце села Луговое, на берегу реки Туры. Глава семьи – заядлый охотник. Он демонстрирует мне свой оружейный арсенал и подшучивает: «Если что, продержимся до подхода свежих сил».

На стене – грамоты, благодарственные письма в адрес главы фермерского хозяйства «Понск» Есимхана Жантасова, спонсора многих районных и сельских мероприятий. В некоторых из грамот

хозяин проходит как «Сергей Жантасов». Тюменские казахи традиционно имеют второе, русское имя. Так было принято еще с довоенных времен, но в последние годы традиция стала отходить, вероятно, это связано с ростом численности мусульманских этносов на территории Тюменской области. Тюрко-мусульманские имена перестали быть непривычными для тюменцев.

Старший из сыновей Жантаса, Смагул, оставил потомков: Тогжан, Артык, Шекер, Агбай, Аязбай, Мадина.

Детей Нурзили Жантас-кызы зовут: Есенгазы, Назым, Арбабай, Сагындык, Абай.

Дети Искака Жантас-улы: Нуржан, Есимхан, Досмухан, Торгын, Досымбек, Толкын, Таупык, Алма, Алтынай, Еремек.

Имена потомков Аманжола: Агбай, Рашид, Гульнар.

От Кожажали: Кульман, Есилбай, Еспай, Нагима, Доспай, Балатай, Есентай, Света.

Касимов Мергалым оставил после себя детей: Маруар, Есламбек, Майраш, Еслам, Ануар, Рамазан, Мариям, Майра, самат, Капиза, Кази.

От Сейтаха Нурпенсова пошли: Кобош, Зайнулла, Зейнеп, Айтжан, Галиолла, Кизат, Маймуна, Аманжол.

Внук муллы, сын его дочери Багилы Жангали Касакеев, сегодня является муллой города Заводоуковска и Заводоуковского района.

Внучка Ердена муллы, Айтжан Сейтаховна Копубаева, возглавляет областной Центр казахской культуры и творчества «Арман» (Мечта). Другой крупной региональной казахской общественной организацией «Достык» длительное время руководил Калихан Касымханович Сергазинов, внук Сергазы Торежанова.

Напомню, что в период гонений и ссылки у Сергазы-бая из двенадцати детей от жены Разили выжили лишь двое – Касымхан и Кульбайрам. Другая супруга, Маглупа, подарила мужу двоих – Сайран и Кайни. От Касымхана остались семеро детей: Есимхан, Калихан, Кулшира, Орикжан, Умитжан, Умитбай, Темиркан.

Касымхан Сергазинов, работавший лесником, трагически погиб в июне 1975 года при тушении лесного пожара.

После Сергазиновых следующими в списке значатся Сыздык и Даметкен Смагуловы. Единственный из оставшихся в живых трех их сыновей, Жукубай, женился на дочери Ныгаша Абитова Баскен.

Имена их детей: Курман, Серикбай, Нуржан, Айсулу, Бибизара.

От Серика Тасбаева пошли: Рысты, Бакытжан, Асылкан, Калкаш, Арыстан, Ноян, Зияда, Сакен, Алма. От Казикана: Баян, Сауле, Салтанат, Амангелды, Нурлан, Еркебулан. От Сарвара, сына Туяка Каймуллина, родился сын Талап.

Очередная в списке колхозников ДвКА семья Шаукерových также является одной из известных казахских фамилий Тюмени.

Старший из братьев, Кадыр Шаукеров, оставил сыновей: Турлыбай, Загыпар, Жапар, Асылбек, Досымбек.

Имена детей Карима ага: Аманбай, Сарыбай, Култай, Турсынбай, Бибигул, Рысты, Асылхан, Темирхан.

Трех сыновей Озбека ага зовут: Есимбек, Курмангазы, Кайрат.

Завершая свой скромный труд, хочу от всей души поблагодарить Серика ага Тасбаева, Есима ага Елембаева, Карима ага Шаукерова, Жамиля апа Букаеву, Камиша апа Акишеву, Салимгирея ага Мурзабекова, Нурзилу апа Жантасову, всех, кто нашел время для встречи с автором. Не со всеми потенциальными респондентами мне удалось встретиться. У кого-то не нашлось времени на разговор, иногда я в силу обстоятельств не мог оказаться в нужный момент в нужном месте. Перед теми жителями ДвКА, о которых не упомянуто в книге, автор приносит извинения. Некоторые факты из истории ДвКА мне пришлось упустить ввиду болезненного реагирования на них потомков действующих лиц. Человеческие взаимоотношения сложны, не всегда они гладки, как хотелось бы. Но это и есть жизнь во всех ее проявлениях, жизнь, данная нам Свыше, как временное испытание перед тем как навсегда оказаться по ту сторону реальности. Как говорил пророк ислама: «Жизнь - это поле, где собираются семена будущей жизни... жизнь человеческая скоропреходяща, поэтому употребляй ее на дела, угодные Всевышнему»...

Наступивший 2010 год для казахской общественности Тюмени обещает стать особым. В год 65-летия Победы потомки основателей ДвКА обсуждают вопрос установки памятной стелы на месте бывшего колхоза имени Дальневосточной Красной Армии. Где будет она установлена, на старом кладбище ДвКА или непосредственно на месте колхоза, покажет будущее. *Инииа Аллах! Таңір жазса!*

ШЫҒАРМАЛАР

(СОЧИНЕНИЯ ЖИТЕЛЕЙ АУЛА ДВКА)

**Ақыш ұлы Мырзағалидың Құсмұрында
жүргенде елде қалған туыстарға шығарған
өлеңі**

ЕЛГЕ СӘЛЕМ

Бізден сәлем елде қалған ағаға,
Біз кеткесін көрмей туған балаға.
Тұрмыс айдап толқынымен жүріпсіз,
Қайран елді көретұғұн күн барма.

Ағайларға сәлем жаздым арнаулы,
Өткен күннің осы күні алдаулы,
Қол ұсындым бәріңе де амандық,
Деменіздер атым салып жазбады.

Жүрген жерім Құсмұрынның даласы,
Мекен жәйім Шармайданның қаласы.
Амандықты почтаменен ұсынған,
Мырзағали мен - Ақыштың баласы.

Айырықша сәлем Шәйәдай жеңгеме,
Ауыртпалық түсіп тұр ғой пендеге.
Аға-жеңге осы күні ойламас,
Ел мен жерді ұмытайын мен неге.

Ұйықтағанда туыс кіреді түсүме,
Бөқай аға бізді ойласын несіне,
Қосылуға бауырларға күн бар ма?
Уақыт келіп ертеменен кешіне.

Ақыш ұлы Мырзағалидың Құсмұрынан Мырзабекке жазған өлеңі. 1933 ж.

Бауырым, сәлем жаздым Мырзабекке,
Тұрмыстың айдауымен жүрміз шетте,
Осы хат қолыңа аман барып жетсе,
Сәлем айт туып өскен қайран елге.

Сағынып саған арнап жазған хатым,
Әзірше жаман емес инабатым,
Бауырым бір көрісу арман болды,
Туысың жан тәнімен ұнататын.

Білдірдім амандығым сізге жазып,
Ел-жұрт көп осы жақта жүрген азып,
Өр уақыт еске түсіп қайғыртады,
Жерлерім туып өскен белі жазық.

Дүниеде қиын екен туған бауыр,
Көрушем өз жанымдай сені тәуір.
Көрмедім дидарласып көптен бері,
Осы жер көңіліме тиеді ауыр.

Екінші сағындырды қоныс жерлер,
Төленгіт, Сары-Оба қайран көлдер.
Асыр салып сауық құрған замандаспен,
Ашшылы қия қоныс асқар белдер.

Жыл болды, бірнеше айлар көрмегелі,
Сенімен етіп сайран жүрмегелі,
Жан үшін жан қиятын Боқай-аға,
Жүздесіп амандықты білмегелі.

Аман ба бала-шағаң Боқай-аға?
Ризамын не істесе де бір Аллаға.
Егерде мен армансыз болсын десең,
Келіп кет тірлігіңде осы араға.

Мен әуелі Первой-да кеттім құрыс,
Болмай тұр қолым тиіп барып келіс.
Мындағы жалғыз бауырың ол да аман,
Екінші жағдайымыз күнай көріс.

Көргем жоқ дұшпандардан әзір қорлық,
Ісіне енбекшіл тап мойын бұрдық.
Басына Құдай өлшеп берсе бақыт,
Істемес ешбір дұшпан талас зорлық.

Естідім жүдейді деп ойлап мені,
Тілеймін амандығың менде сенің,
Мендағы бір жетуге асығыспын,
Ойлаңыз сау болсын деп інің дені.

Көп сәлем өке-шеше, ағаларға,
Сіздерге жан таппадым бағаларға,
Бұл тұрмыс бірде олай, бірде былай,
Күн кесіп айтып болмас шамаларға.

Бұл дүние жалт-жұлт еткен қызыл түлкі,
Қолында тұрса бақыт кірер көркі.
Егер де бармақтай бақ кетсе тайып,
Ішыныменен орыңдалар дұшпан серті.

Деппедім айырылам тірлігімде,
Сағыныш кетпей жүр ғой жүрегімде,
Аз уақыт көрмегенге ренжіме,
Халқыма сіңірейін еңбегімді.

Тәрбие берген халқым өз күшімен,
Жіберіп Алматыға ел ішінен,
Азды-көп сіңірейін ел ішіне,
Сол жолғы алып қайтқан жемісімнен.

Бауырым, қатар өстік екі жалғыз,
Төбісіп құлын тайдай туған егіз,
Шәшілған ырыздықты тергізіп жеп,
Тірлікті амандықпен қыла көргіз.

Жалғыздық ойлағанда түседі басқа,
Тіл алсаң мен болдым деп асып таспа,
Дөміміз жазған күні қосылармыз,
Сабыр қыл еш нәрсеге енді саспа.

Мырзабек туып өстік бір анадан.
Кем бе едік біз жүргенде қан-қарадан?
Екеуміз екі жерде дәурен сүрдік,
Жетпейді салсам айғай осы арадан!

Бауырым сағынамын көрмеген соң,
Тірлікте ойнап бірге жүрмеген соң,
Мінекей дәл бес жыл болып барад,
Анықтап ешбір хабар болмаған соң.

Сағындым туып өскен жерлерім-ай,
Қайран көл айдын шалқар көлдерім-ай,
Басына Сары-Обаның шыққанымда,
Көрінген мұнарланып белдерім-ай!

Қайранкөл ата қоныс қан жайлауым,
Басында берекелі бие бауың,
Жастықта қадырыңды білмеппін ғой,
Білмеймін есіме алсам ұйқылы-ояуымды.

Қонатын қатар түзеп ауылдарым,
Бірге өскен ынтымақпен бауырларым.
Сендерді қайта айналып бір көруге,
Бәрінде сарп етерем бұл дүниенің.

Мен айтып мән-жәйімді сәлем жаздым,
Бұл менің сөзім емес деген аздым,
Әшейін, сағынғаннан жаза салдым,
Ағаға ұяты жоқ еткен наздың.

Сізге арнап бір-екі ауыз жазған хатым,
Нұралы өзі тума, Керей затым,
Жолымен қызыметтің шетте жүрген,
Акишев Мырзағали менің атым.

Бокай Кожырбаев

Кызылбай Котыров

Сергазы Торезанов

*1936 г. Тюмень.
Ерден Нурпеисов (слева),
Шериаздан Тасбаев (справа).
На коленях Шариаздана
сын Казикан 1 год, рядом
сын Серик 4 г. Позади
сын Ердена Сейтак 13 л.*

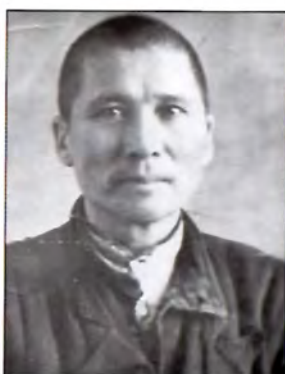
Алтын Акишева

Исход казахов в 30-е годы XX в.

Шая Кызылбаева

Каяу Абитов

Шарбан Абитова

*Мырзагали
Акишев
с племянницей
Кадшой
(справа)
и Раи
Абраевой*

Аушарип Абраев

Мергальым Касимов

Хамит Абитов

*Молдагали, Жаслан, Кадииша Акишевы
с местными ребятишками*

Сейтак Нурпеисов

Мырзагали
Акишев
с племянником
Сураганом
Букаевым

Справка с печатью и штампом колхоза ДвКА

Туяк Шаритов

Жаслан и Камшия Акишевы

*Мырзагали
Акишев
перед
уходом
на фронт
с новым
председателем
ДвКА
Базарбаем
Ахметовым
и сыном
Жасланом*

Мергалым Касимов

Елубай Елембаев

Искак Ибраев (в центре) с сослуживцами

Баши Сералин

Мырзагали Акишев

Имя: *Актас* **ИЗВЕЩЕНИЕ** *№ 178*
 Муж, с/мн, бр/г, в/ср/е звание *706.44*
 Фамилия, имя и отчество *Актас*
дядя рядовой
Актас
Республиканский обл. Раджа Р-на д. Машиково
 область, район, деревня и село
 Социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив
 мужество, был *17 мая 1942.*
убит
 убит, ранен и умер от ран *х = 6715°*
К.м. Южная д. Болушка Лен. обл. Коорд. у = 9524
 место похорон
 Данное извещение является документом для возбуждения ходатайства (приказ НКО СССР № _____)

Боравинков
 Военный комиссар
Боравинков

Извещение о гибели Актаса Касимова

ИМЕНЕ
 ШЕРИАЗДАН ТАСБАЕВ
 уроженец Самаркандской обл., И-Ташкентской у-и, д.Салом
 и бор за Советский Союз Родну, верный воен-
 ной присяге, проявил героизм и мужество,
 был убит 22 февраля 1943 года.
 Похоронен в р-не Самарканд, Коммунарский обл.
 Настоящее заявление является документом для
 возбуждения ходатайства о пенсии (приказ ИНО СССР
 № 1)
 Командир полка Основание: Указ. 19 том 3
 Начальник штаба Райвоенком
 майор полковник Чиликов

№ 1000/1-17 Самарканд

Шериаздан Тасбаев

Дети Шериаздана Тасбаева Серик и Казикан (сидят), в центре Саруар-сын Туяка Тасбаева-Каймуллина, по бокам племянники Кабиболла и Кулишара Тасбаевы

№ 188604/6

Имя: *Акишев Мырзагали*

Пол: *М*

Дата рождения: *1907*

Место рождения: *Ошская обл.*

Происхождение: *в Среднеазиатской обл.*

Имя отца: *Акишев Ф. М.*

Имя матери: *Акишева М. М.*

Уровень образования: *1907*

Война за Социалистическую Родину: *1942*

Место службы: *Капур*

Пол: *М*

Имя: *Акишев Мырзагали*

Место рождения: *Ошская обл.*

Происхождение: *в Среднеазиатской обл.*

Имя отца: *Акишев Ф. М.*

Имя матери: *Акишева М. М.*

Уровень образования: *1907*

Война за Социалистическую Родину: *1942*

Место службы: *Капур*

Пол: *М*

Имя: *Акишев Мырзагали*

Место рождения: *Ошская обл.*

Происхождение: *в Среднеазиатской обл.*

Имя отца: *Акишев Ф. М.*

Имя матери: *Акишева М. М.*

Уровень образования: *1907*

Война за Социалистическую Родину: *1942*

Место службы: *Капур*

Пол: *М*

Мырзагали Акишев

*Жаслан, старший сын
Мырзагали Акишева*

*Дети Мырзагали Акишева
Копжасар и Капура*

Мергалым Касимов

Умсынтай Касимова

Капыш Елембаев

*Калима Бижанова
с родственниками*

Шигамбаевы Нуралы и Нурзита

*Семья Искака
и Шарбан
Ибраевых.
Стоят дети:
Лазим, Галым,
Жанторы,
Құлсум. На
руках сын Хамза*

*Молдағали
Ақишев
с родными.
Сидят жена
брата Қымбат,
племянница
Қапұра, жена
Ақык. За ними
племянник
Қопжасар.
На руках отца
дети Таймыс
и Қайыржан.*

*Справа налево:
Шарбан
Ибраева,
Шариян
Сахабина,
Құлсум
Сыздықова*

*Аманжол Жантасов перед отправкой
в армию. Дети Орал и Копжасар*

*Маруар Касимова (слева)
с родственниками*

Мергалым Касимов с дочерьми

*Газиза, мать
Салимгирея Мурзабекова*

Шарип Букаев

Асан Дисенбеков

Серик Тасбаев

*Искак
Жантасов,
Карим
Жалмаканов,
Казым
Салтаев*

*Копжасар
Акишев
и Жангали
Касакеев*

Копжасар Акишев

Касымхан Сергазинов

Сейтак Нурпеисов

Серик Тасбаев

Салимгирей Мурзабеков с семьей Абитовых. Сидят Салимгирей и Азира. Между ними Батима, на коленях Айтжан и Кали. Стоят слева направо: Копеш, Баскен, Серик, Кулишара

Шарбан Ибраева с сыном Хамзой

Галым Ибраев

*На
колхозной
стройке.
Долгий
Остров*

Аманжол Жантасов

Искак Жантасов

Смагул Жантасов с супругой Акжибек

Нурзита Шаукерова

Камшиа Акишева

Канура Акишева

Есим Елембаев с матерью Күляш и юными родственницами

Есим Елембаев

Жукубай Смагулов

Түяк и Шамаш Шариповы

*Салимгирей Мурзабеков
с сыном Маратом*

Зада Букаева, Абай Акишев, Капура Акишева

*Калима Бижанова
с внуками.
Слева направо:
Зауреш, Марат,
Мугулсум, Закария*

Смагул Жантасов

Аманжол Жантасов с сестрой

*Семья Сурагана
и Жамили
Букаевых*

*Семья Асана
и Дамели
Дисенбековых*

Искак Ибраев

Жамиля и Сураган Букаевы

*Касым Кызылбаев
с внуками Мариаш,
Мусабек, Ануар*

*Мужчины:
Молдагали Акишев,
Мереке Байтасов,
Кабдулвахит Бекдаир,
Жаслан Акишев,
Салимгирей Мурзабеков.
Женщины: Акык Акишева,
Кымбат Акишева, Сапура
Байтасова, Калима
Бижанова, Камшиа
Акишева*

Галиолла Нурпеисов Каликан Сергазинов

Аманжол Жантасов

Асан Дисейбеков с сыном Казеком

*Дети Искака Жантасова:
Досымхан, Есимхан, Нуржан*

*Тайжекен Елембаев с супругой
и внуками*

Искак Жантасов с внуком Калкаманом

*Мурзабек Букаев
с родственниками*

*Тюмень, 9 мая 1987 г.
Братья Смагул,
Искак, Аманжол
Жантасовы.
Супруга Искака
Шамиция и сын
Есимхан*

*Слева направо,
сверху вниз:
Акишева Кымбат,
Иманбаев Нуратай,
Шаукерова Анипа,
Акишева Акык,
Иманбаева Шакен,
Акишева Камшия,
Акишев Молдагали,
Шаукеров Кадыр.
Имена майора и
женщины в белом
(гостей из Алматы)
автору неизвестны*

Тюмень, 9 мая 1987 г.
День Победы
для семьи
Жантасовых
- особый праздник.
Братья Жантасовы
Смагул, Искак,
Аманжол с женами
Құлзаги, Шамшией,
Галей и родными.

Леса ДвКА, шонь 1998 г.
Сидят слева направо:
Салимгирей
Мурзабеков, Карим
Жалмаканов, Камшиа
Акишева, Капура
Акишева, Балкен
Кабдулахитов.
Стоят: Калиль
Кабдулахитов,
Аблай, Закария, Болат
Акишевы

За нами леса
ДвКА. 2008 г.
Есенгалий Ибраев
и Калиль
Кабдулахитов
во время посещения
места казахского
колхоза

Дәметкен Смагулованың Базарбайға арнап шығарғаны

Биссмилла, сөз бастайын әуел бастан,
Емеспін өрен жүйрік топтан асқан.
Ерік деген үкіметтің заңыменен,
Отыз үй қоныс алып, колхоз ашқан.

Колхоздың «ДВКА» - деп қойған атын,
Өзіне бастық қойып азаматын.
Бір жерден бытырамай ел болуға,
Жаздырды орталыққа бір-бір атын.

Ал енді, кеңес келді мына жәйдан.
Сөйлесең шер тарқайды осындайдан.
Көзбенен көрген істі баян етіп,
Азырақ кеңес қылдық Базарбайдан.

Бас кетті, бізде болсын бірлік қайдан!
Бірігіп ел қылмаған Базарбайдан.
Қабарып арақ ішіп, нанға тойып,
Еш нәрсе ойламады біздің жайдан.

Қоспаған ел сәніне ұйын билеп,
Төрт аяқ жегіп келген ағаш білек,
Бір мешел арбасында қатыны бар,
Басқадан бұйырмасын ештеңе жоқ.

Жүреді жүгін артып әлдегенде,
Көшуге ауыл көлік сал дегенде,
Жеккені алатұяқ бір көк мәстек,
Кашары бар мұқыл-ала мал дегенде.

ДВКА көшкен елге болды тұрақ,
Күн көру жоқ кісіге қиынырақ,
Нәшар деп ешкім оны аямайды,
Жексұрын ағайынға бір жау қияқ.

Колхозға осы жәймен келіп кірді,
Аяқта етігі жоқ, кебіс киды.
Бастығы бұл колхоздың, Мырзағали,
Ескісін киімінің беріп тұрды.

Жасады жоқшылықпен жарым жасы,
Ұрсада таумен тасқа ғарып басын.
Тан ертең ерте бетін жуып,
Ашады ауыл үйден оразасын.

Ал, енді ойсыз жерден соғыс болды,
Шақыртып, басқармаға қағаз келді.
Әскерге өзі кетер болғаннан соң,
Колынан Базарбайға ісін берді.

Білмейді кім екенін бұдан бұрын,
Тапсырды ел жұртына ой мен кырын.
Тавдаға алып барып бастық қойды,
«Бұ дағы күн көрсін» - деп беріп орнын.

Жиналған колхоз жақсы үш жылдайын,
Қалыққа соғыс келіп кірді уайым.
Оңаша бір колхозды жайлаған соң,
Ұмытты баяғыны Базарбайың.

Орнына Мырзағали бастық қойды,
Әуелі басы батып нанға тойды.
«Өзімнен басқа жанды сыилама» - деп,
Алдыменен, кемпір мен шалды сойды.

Не нәрсе кез болады мендеткенде,
Төбеге доңыз шықты, ел кеткенде.
Председатель есімін көтере алмай,
Әуелі бастан ұрды Дәметкенді.

Баяғы мешел қатын алып қалған,
Шұбыртып балаларын ноғай алған.
«Ноғайға ат-арбаңды жегіп бер» - деп,
Қасымға терезеден айғай салған.

Қорлады жақсылардың ғазиз басын,
Адамның санамайды дәрежесін.
Шәйәні доғаменен ұрып салды,
«Қолыма аламын» - деп тарантасын.

Құдай-ау! Кез келтірдің мұндай қалға.
Қор қылды жарымаған қу-қалтаға.
«Өз атың ылайықсыз атама» - деп,
«Сақал» - деп қайта ат қойды Сыздық шалға.

Адам жоқ «мұның не» дер үш жылдайын,
Жетімнің мал мүлкіне салды қолды.
Үш айда бір ат беріп «бронь» алып,
Колхозбен үш жылдайын күнін қорды.

Барады қанша жерге, жетімді жеп,
Қиынба, Құдай берсе, иесі келіп.
Әскерге ері кеткен жас айелге,
Ақырды: «Енді мені қойныңа ал!» - деп.

Бір күні Құсниға жақындапты,
Ол байғұс, маңайына жолатпапты.
«Көнбесең, міне сенің сыбағаң!» - деп,
Шелекпен сиыр сауған жарқылдатты.

Сүт болып үсті-басы кетті қашып,
Жылайды, мал-мүлкімен амандасып.
Қояндай аудан қашқан жанын қорғап,
Тауыпты Сәрсенбайды асып сасып.

Шәрбәнға: «Көңілім шапты саған» - дейді,
- Тіл алсаң, налогтенде қағам – дейді, -
Кешегі Құсниды көрді көзің,
Көнбесең келді кезек саған» - дейді.

Жұмыстан Шәрбән кетті елге қашып,
Жылайды қанды жасы араласып.
Конторға қайта-қайта шақырады,
Шәрбәнға "прогул" деп жиылыс ашып.

Кеудесімен осындай өсіп кетті,
Өлшеусіз ішкен арақ түпке жетті,
Жылаған жетім жесір көз жасына,
Соғыстан босатылып Қауш келді.

Сұраған кладовщик Базарбайға,
Қарамас бекер айтып бала жайға.
70 қой, 15 сиыр колхозда бар,
Проверка жүре басталды жүн мен майға.

Кім шыдар бұл қылыққа жаны күймей,
Тұратын әмір беріп үлкен бидей,
Қозғалған істің бетін көргеннен соң,
Тюменге қашып кетті адам тимей.

Тюменде жасырынып үш ай жатты,
Сасқанда першілдерден қағаз апты,
Першілдерден алған қағаз далға болмай,
Түрмеге айдап келіп, жауып сапты.

Кімдер жоқ ел болғасын қасиетті,
Сапарды жетім-жесір зар еңіретті,
Дәулетін, үш жыл жиған сотқа беріп,
Қақ басың сыпырылып шыға кепті.

Ақырын тапсырайық жалғыз қаққа,
Жәй қалса, ие керек алтын таққа.
Жинаған әр ырудан балаларын,
Апырай, тастап кетті Тавда жаққа.

Қалдырды ұлт қойған тоғайларын,
Оқитын, өткен, кеткен дұғаларын,
Аруақты өлі-тірі күңіретіп,
Шұбыртып, алып шықты ноғайларын.

Осындай іс атқарды Базарбайың.
Үш жылда тауып болды жұрттың жәйын.
Төгеді деп құлан қағын жиған жерге,
Көндірді тұғырына бір Кұдайым.

Туыпты Ахметтен екі бала.
Нәсібін жұрттан қылыпты қақтағала.
Айғайы Базарбайдың аз болады деп,
Шәріптің шәуілдеген түрін қара.

Қадиша Али қызының шығарғаны ЕКІ БАУЫРЫМА

Жүрмісің аман-есен бапатайым?
Қабыл қыл тілегімді бір Құдайым!
Сені ойлап үйдің іші сағынады,
Сен едің ортамызда күн мен айым.

Қолыма жазайын деп алдым қалам,
Мүбәрәк жас қолымды бердім саған,
Жан аға айналайын бапатайым,
Тілеймін амандығың бір Алладан!

Ағашы бұл тайганың көрінеді,
Көңілім бауырыма бөлінеді,
Түскенде сен есіме екі бауырым,
Көл болып көзім жасы төгіледі.

Сүйеніш жел жақтағы менің панам.
Жеткізбей мұратына қақтағалам.
Жолыңа жаным құрбан жан бапекем,
Бір Алла өзі пана болсын саған!

Ақ көйлек жуса кетер кірі болса,
Жан бапам өлі-ақ келер тірі болса,
Дүниеден мен армансыз боп өтер едім,
Екі бауырым келіп қалар күні болса.

Дүниені жарық қылған күн мен айым,
Сағындым айналайын бапатайым,
Сағынып сана менен жүргенімде,
Бір күні келер мекен екі-ай бауырым.

Тобылғым шірімейді суға салсам,
Жан бапам көрер едім алып барса.
Жүрегім қақ айрылып кетермеді,
Жарқ етіп бауырларым келіп қалса!

Қолыма қағаз қалам алайын да,
Ой Алла, бір өзіңе жылайын да,
Әскерден екі бауырым келсе аман,
Жан үшін жаным құрбан қияйында.

Жаңада 18-ге келді жасым.
Кез келді қалың сорға менің басым.
Жылаумен ертеңде кеш бауырларым,
Осымен өткеніме қайран жасым.

Қарашы дүниенің жалғанын-ай!
Алланың кім көнбейді салғанын-ай!
Жылаумен жас өмірімді өткізгенше,
Ой Алла ризамын алғаның-ай!

Жігіттер кетіп жатыр әр жүйеде,
Жан бапам ойлап тұрсам іш күеді.
Қайтейін қолдан келер ештеңе жоқ,
Тапсырдым қырқ-шілтен мен әулиеге.

Сағынып хат жазамын бапам саған.
Көретін күн боларма енді маған.
Жылаумен қолдан келер ештене жоқ,
Бір Алла өзі пана болсын саған.

Көрмедім жан бапамды өте көп күн,
Ой Алла мен қорқамын күдіретіңнен.
Әскерде екі бауырым жүргеннен соң,
Сағынып жылауменен өткіздім күн.

Базардан алып келген өрігім-ай,
Кұндызы кере-қарыс бөрігім-ай!
Түскенде сен есіме Молдағали,
Құлындай ойнап жүрген серігім-ай!

Көшкенде көш бастайтын алатым жоқ,
Ойнайтын бұрынғыдай санатым жоқ,
Түскенде сен есіме екі бауырым,
Көрерге ұшып барып қанатым жоқ.

Боз бура боз інгендей көлігім-ай,
Бауырым Молдағали серігім-ай,
Кеткелі жан бапекем бір жыл болды,
Шықпаған шыбын жанның берігін-ай.

Екі бауырым қара ағаштай пана болған,
Жыйылып бұл тайғаға қала салған.
Түскенде сен есіме екі бауырым,
Ойлаумен көңіліме сана толған.

Ағашы біздің елдің қызыл қайың,
Екі бауырым үйде болса барма уайым,
Көрмесем екі сағат жүре алмайтын,
Зар болдым бір көруге қайран бауырым!

Сұрайын екі бауырым ден саулығын,
Қалыппын бірге кетпей аңқаулығым,
Бір ауыз реніш сөз естіртпеген,
Атыңнан айналайын екі-ай бауырым.

Тұрады сельсовет Еремінде,
Жігітті жиып алды керегінде,
Бетімде бар шырайым екі бауырым.
Сендерді тірі болып көрермін бе?

Не көрдім бұл 18 мен жасымда!
Заманым бұрынғыдай боларсың ба?
Кешегі өткен дәурен қайта айналып,
Біз жүрсек бауырлардың арасында!

Әскерден аман келсе екі-ай ағам,
Тоймас ем қызығына осы-ай заман,
Дүниеден армансыз боп өтер едім,
Бауырым Молдағали келсе аман.

Мырзабек жан бапакем Молдағали,
Жақсыны орыс-қазақ бірдей таныр.
Қадырың көп еді ғой жан бапекем,
Құдайым тілегімді қылсын қабыл!

Ойлаумен жан бапамды сағындым ай.
Дәрежем сен бардағы табылдымай.
Құдайым екі бауырымды аман көрсет,
Арада дос дұшпанға таба қылмай.

Колымда жазатуғын қалам болса,
Әскерде екі бауырым аман болса,
Дүниеден армансыз боп өтер едім,
Қызықты-қуанышты заман болса!

Қайран көз өтеріңде жаудырарсың,
Ол күнде ақыл-естен таңдырарсың,
Қаламға аттай шапқан он саусағым,
Астында қара жердің саудырарсың .

1941 ж

Ақыш ұлы Мырзағали соғыста жүргенде Сұраған деген інісіне шығарғаны

Сұраған денің сау ма туған інім?
Жүрүшем хатыңды алмай көптен сенің,
Майданға ең басында мен де келгем,
Қуаныш хабарыңды естіп білдім.

Бұл майдан көпке ортақ ұлы майдан,
Ер жігіт басын тартып жүрсін қайдан.
Қайтарып жаудың бетін қан майданда,
Сүйікті Отаныма тиген пайдам.

Туысқан туғандарым елде қалған,
Майданда күш көрсетіп атақ жайған.
Талқандап жау әскері танкасын мен,
Құрметті Отанымнан орден алғам.

Майданда аман жүрмін қару алып,
Қорғауға өз Отаным жаным салып,
Қаншама өрт ішінде жүрсемдағы,
Жүремін сені сәулем есіме алып.

Арманым, көре алмадым Қадишажан,
Сағынып, соны ойлап болам алаң.
Қайтарып жау әскерін тез арада,
Қайтсам деймін, жеңіспен есен-аман.

Алдымнан шықса менің Боқай ағам,
Сағынып бізді ойлап оңі солған,
Жетектеп қолдарынан балапанын,
Қарсы алып беттен сүйсе екі-ай анам.

Дариғай, әл-ақ болар бұл қуаныш,
Тағдырға сабыр берсін бұл сұм тұрмыс,
Азғана қиыншылыққа толқымаңдар,
Еншалла амандықпен көрісерміз.

Ақыш ұлы Мырзағали соғыста жүргенде үйге шығарған өлеңі

Аманат жаным тапсырамын Құдайым,
Бір өзіңнен басқа жоқ бір панайым.
Бұл сапардан аман сақта жан Алла,
Оншама көп өскен емес маңдайым.

4-5 қарға артымда бар балапан,
Қызықтарын көрсет маған солардың,
Мені ойлап қайғыменен жүдеме,
Жаным басқа жақсы көрген жан апам.

Зиратына көп-көп сәлем ағаның,
Тәрбиелеп таза өсірген панамның,
Алла қабыл айласа егер жан аға,
Әр уақытта сырттан дұға қылармын.

Екі күндүк жерге кетсем жылаған,
Көздің жасын менің үшін булаған,
Тілектес болып амандығым тілей жат,
Аруағыңнан айналайын жан ағам.

Список семей колхоза ДвКА по состоянию на 1.02.1940 г.

ФИО глав семей	Состав семьи	Скот. КРС
1. Акишев Мырзагалн (пред.)	9	2/2
2. Абраев Абикен	5	-/1
3. Ахметов Базарбай	6	3
4. Абитов Кауш	3	-/1
5. Берденов Маннан	4	4/1
6. Букаев Мырзабек	4	4/3
7. Дисенбеков Абикен	7	1
8. Жумагулов Хамит	5	1
9. Жидебаев Бостан	5	4
10. Жугаева Маглупа	2	2
11. Ибраев Ильяс	4	1
12. Касимов Жантас	9	2
13. Кожырбаев Бокай	4	
14. Кошкин Мухамет	4	4
15. Кызылтаев Касым	3	
16. Кызылтаев Мухамет	3	3
17. Котыров Кызылбай	2	3
18. Кызыкбаев Сыздык	3	1
19. Кусанов Какни	3	1
20. Магометов Лукман	3	1
21. Нурпенсов Ерден	5	3
22. Касимов Мергалым	4	2
23. Смагулов Сыздык	4	2
24. Сыздыков Уали	2	
25. Тасбаев Шерназдан	5	2
26. Тасбаев Каймолда	2	
27. Тасбаев Канапья	5	3
28. Тасбаева Таокей	1	
29. Елембаев Капышке	9	1
30. Хомутов Шарип	5	1
31. Торежанов Сергазы	4	1
32. Джинбекова Бидига	2	1
33. Тасбаев Арын	4	
34. Торежанов Седен	6	1
35. Хаймуллин Туяк	2	1
36. Шапенов Косылбай	3	

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Нур - кораническое «Свет»
2. Зират – мусульманское кладбище
3. Женгей – жена родственника по отцовской линии
4. Дуа – мольба-обращение мусульман к Всевышнему, после чтения молитвы
5. Курбан Айт – религиозный праздник жертвоприношения
6. Сурпа – мясной бульон
7. Максименко О. «Кто не с нами, тот враг народа». http://www.evrika.kz/archive/2002/22/stat_2_2.htm
8. Коллективизация в Казахстане. <http://www.history.ru>
9. Адат – национальный обычай, не противоречащий шариату
10. Коллективизация в Казахстане. <http://www.history.ru>
11. Там же.
12. Шалева Г. Новости недели. "Октябрьский ураган". <http://www.nomad.su/?a=15-200208010003>
13. Токарев Б. В жерновах коллективизации. АиФ Казахстан. №29, 2007. С.6
14. Коллективизация в Казахстане. <http://www.history.ru>
15. Максименко О. «Кто не с нами, тот враг народа». http://www.evrika.kz/archive/2002/22/stat_2_2.htm
16. Баймухаметов С. Вестник. "Время Сталина". <http://www.vestnik.com/issues/2004/0303/win/baymukhametov1.htm>
17. Баймухаметов С. Мосправда. «На улицу ни ногой — съедят». <http://www.mospravda.ru/issue/2009/03/31/article16751/>
18. Королева В. "Земля Казахстана и ее святые покровители". <http://www.orthodox.kz/article.php?razd=15&IDR=110>
19. И.Г.Андреев. «Описание Средней орды киргиз-кайсаков», Алматы, 1998. Стр.47).
20. Смирнов А. «Часовые империи. Сибирское казачье войско на службе отечеству». <http://www.zaimka.ru/kazaki/sibvoisko.shtml>
21. ГАТО. Ф. 302.Оп. 1. Д 182. Л. 118 об., 119
22. Там же. Л. 127, 129
23. ГАТО. Ф.302. Оп.1. Д.179. Л. 85
24. ГАТО. Ф. 302.Оп. 1.Д. 185. Л. 3 об.,5.6
25. ГАТО. Ф.302. Оп. 1. Д. 200. Л. 166

26. ГАТО. Ф. 302. Оп. 1. Д. 199. Л. 2 об
 27. ГАТО. Ф. 302. Оп. 1. Д. 214. Л. 12
 28. Там же
 29. ГАТО. Ф. 302. Оп. 1. Д. 201. Л. 106
 30. ГАТО. Ф. 302. Оп. 1. Д. 200. Л. 137
 31. ГАТО. Ф. 302. Оп. 1. Д. 214. Л. 5 об
 32. ГАТО. Ф. 302. Оп. 1. Д. 201. Л. 158
 33. Согым
 34. ГАТО. Ф. 302. Оп. 1. Д. 214. Л. 76
 35. Непенн И. Царевубийца в руках НКВД. "Челябинский рабочий". 21-07-04
 36. ГАТО. Ф. 302. Оп. 1. Д. 213. Л. 108
 37. ГАТО. Ф. 302. Оп. 1. Д. 185. Л. 6,7
 38. ГАТО. Ф. 302. Оп. 1. Д. 214. Л. 1
 39. Там же. Л. 120
 40. ГАТО. Ф. 302. Оп. 1. Д. 220. Л. 98
 41. Там же. Л. 114
 42. Жука-нан – лепешка, буквально, тонкий хлеб
 43. ГАТО. Ф. 302. Оп. 1. Д. 214. Л. 79, 86
 44. Майдан – фронт. каз.
 45. Жилыс – собрание
 46. Архив Тюменского и Нижнетавдинского райвоенкоматов.
- Инв. 19. Т. 4, л. д. 62
47. Архив Тюменского и Нижнетавдинского райвоенкоматов.
- Книга призывов №3 за 1941-1942 гг.
48. Там же
 49. Там же
 50. Там же. Книга призывов №8
 51. Там же. Книга призывов №3
 52. Там же
 53. Там же.
 54. Баскарма – глава, староста
 55. семейный архив автора
 56. Япырмай – междометие
 57. ГАТО. Ф. 302. Оп. 1. Д. 228. Л. 55
 58. ГАТО. Ф. 302. Оп. 1. Д. 242. Л. 13

59. Там же.
60. ГАТО. Ф.302. Оп. 1. Д. 242. Л. 22
61. ГАТО. Ф. 302. Оп.1. Д..227. Л. 32, об.
62. ГАТО.0 Ф.302. Оп. 1. Д. 246а. Л. 4
63. ГАТО. Ф.302. Оп. 1. Д. 246а. Л. 8
64. Там же. Л. 135
65. Там же. Л. 136, 137
66. архив автора
67. ГАТО. Ф.302. Оп.1. Д..244. Л. 13
68. ГАТО. Ф.302. Оп. 1. Д. 245. Л. 70
69. ГАТО. Ф.302. Оп. 1. Д..244. Л. 5
70. Там же. Л. 1
71. Там же. Л. 20, 25а, 35, 57
72. Там же. Ф.302. Оп. 1. Д. 245. Л. 215

Фото на передней обложке:

Верхний ряд: Кожагали Жантасов, Мендыбай Алатаев, Молдагали Акишев, Смагул Жантасов, Аманжол Жантасов, Искак Жантасов, Жаслан Акишев.

Между Мендыбаем и Молдагали Гулжан Косылбай кызы.

Сидят: Акжибек (жена Смагула), Кактай Алатаева, Камаль (Нурикамал жена Косылбая) Шапенова, Кумус, Kamiша Акишева.

Дети: Орал сын Кумиса, Амантай сын Косылбая, на коленях Камаль Тогжан (дочь Смагула), Копжасар Акишев, на руках Kamiши дочь Мугульсум.

Содержание

О книге «Откошсвники».....	3
От автора.....	4
Глава 1. Ночной исход	9
В предчувствии катастрофы.....	9
«Октябрьский Ураган».....	13
Сквозь Линию.....	19
Чтобы сберечь потомков.....	23
Глава 2. По сталинскому уставу	27
«Положение «Кочевой».....	27
По сталинскому уставу.....	30
Шесть домов на улице муллы.....	35
Есть улица Центральная.....	37
Набережная и улица Самаев.....	39
Жоктау.....	41
В вечное пользование.....	42
Вслед за интимным другом.....	47
Трудодни.....	49
Первые тучи.....	54
Глава 3. Майдан	58
Ит койлек.....	58
Базарбай.....	67
За Ленинград.....	72
Преодоление.....	75
Будни и дни.....	81
Кара кагаз.....	85
Накануне.....	86
Исход.....	92
Глава 4. Потомки	95
Шыгармалар.....	101
Примечания.....	116

«Откочевники» (Летопись казахского колхоза имени
Дальневосточной Красной Армии в Нижнетавдинском районе
Тюменской области, 1938-1945 гг).

Автор Калиль Кабдулвахитов

Корректурa Гульзара Чаукерова

Отпечатано в ОАО «Тюменский дом печати».

Подписано в печать 20.05.2010 г. Бумага ВХН. Формат 60x84/16

Усл. печ. л. 8,37. Гарнитура Times New Roman. Печать офсет.

Тираж 1000. Заказ № 472.

625002, г. Тюмень, ул. Осипенко, 81. Тел. (3452) 75-15-81.

Пом. начальника 4 отдела

Мамты

СОЛДАТЫ АУЛА ДВКА, ПАВШИЕ НА ВОЙНЕ:

Акишев Мырзагали
 Берденов Маннан
 Касимов Актас
 Каймуллин Туяк
 Сералин Баиш
 Смагулов Ескендір
 Тасбаев Ескендір
 Уразалинов Кабдолла

Ахметов Біржан
 Елембаев Аміржан
 Касимов Жантас
 Магоматов Акылбек
 Смагулов Есенбай
 Сыздыков Уали
 Тасбаев Шерияздан
 Шопенов Косылбай